

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 5 (203)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2025

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Капаров А.А. Социокультурные
и ценностные факторы в государственной
политике России как объект исследования.....9

Павлов Н.Р., Слабов Е.А. Борьба с терроризмом
в системе обеспечения информационной безопасности.....20

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Денисов А.Е. Политический
аспект преподавания предмета
“Основы Российской государственности”:
возможности и перспективы для малых народов
(на примере Кряшенского сообщества).....31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рябова Е.Л., Терновая Л.О.
Модели расширения территории государства:
американский и российский опыт.....40

Гарифзянов Р.Р. Исламский фактор в современном Казахстане.....49

Абулзицзян Шавути, Шан Кан
Продвижение строительства «Масштабного курса идеологической
и политической работы» через Собрание восхваления
в национальном единстве и прогрессе: ценностные ориентиры,
содержательная направленность и практические пути.....63

Тюрин Е.А., Савинова Е.Н., Мустафин Д.О.	
Шотландский стиль в политике: специфические и универсальные проявления. Часть 1.....	82
Тянь-Юй Ли, Ли Пэнчэн, Мэй Яньлин	
Модель развития социально-ориентированного поведения студентов университета в идеологическом и политическом воспитании.....	96
У Бо Внутренняя логика и внешние вызовы 75-летнего развития отношений нового типа между Китаем и Россией как крупными странами.....	113
Чжоу Тяньюнь, У Хуэйсинь, Цзо Жуйчао	
Качество системного мышления в культурной идее Си Цзиньпина.....	127
Гарифзянов Р.Р. Эволюция преобразований военных доктрин Республики Казахстан на фоне «афганских событий».....	138
Аннотации	152
Авторы	165
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	169

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Легуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

A

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Санкт-Петербургский государственный университет

Капаров А.А.

*Аспирант, Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Социокультурные и ценностные факторы в государственной политике России как объект исследования

Введение

Современная государственная политика России формируется и реализуется под влиянием сложной системы взаимосвязанных факторов, среди которых особую значимость приобретают социокультурные и ценностные компоненты. В условиях глобализации, цифровой трансформации общества и геополитических вызовов именно эти факторы становятся ключевыми детерминантами, определяющими уникальный путь развития российского государства и общества.

Актуальность исследования социокультурных и ценностных факторов обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в многонациональной России эти факторы выполняют интегрирующую функцию, способствуя консолидации общества. Во-вторых, в условиях глобализации возникает необходимость сохранения национальной идентичности при одновременной адаптации к мировым процессам. В-третьих, социокультурные факторы напрямую связаны с реализацией стратегических национальных проектов. Кроме того, в эпоху информационного общества происходит переосмысление традиционных ценностей и возникают новые формы социального взаимодействия.

Под социокультурными и ценностными факторами понимается совокупность культурных традиций, исторической памяти, национальной идентичности, моральных и этических норм, общественных идеалов и социальных практик, которые формируют основу государственной политики и влияют на принятие политических решений.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет комплекс подходов, обеспечивающих всестороннее изучение социокультурных и цен-

ностных факторов в государственной политике. Основой служит системный подход, позволяющий рассматривать государственную политику как сложную открытую систему, находящуюся в постоянном взаимодействии с внешней средой и внутренними социокультурными процессами. Для выявления роли ценностных факторов в архитектуре государственной политики применяется структурно-функциональный метод.

Информационную базу исследования составляют нормативно-правовые акты, определяющие ценностные ориентиры государственной политики России, в том числе Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Стратегия национальной безопасности (2021), Основы государственной культурной политики (2014).

Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологических исследований, проведенных ВЦИОМ и ФОМ в 2021-2023 гг., посвященные ценностным ориентациям россиян, уровню патриотизма и гражданской идентичности. Согласно данным ВЦИОМ (2023), 67-68% россиян считают семью важнейшей ценностью, 87% считают создание семьи важнейшей целью в жизни [1].

Теоретические основы понимания социокультурных и ценностных факторов

Концептуализация социокультурных факторов в научном дискурсе предполагает их комплексное рассмотрение как системы взаимосвязанных элементов, определяющих особенности социальной организации и политической культуры общества. В научной литературе выделяется несколько ключевых теоретических подходов к пониманию социокультурных факторов.

Социологический подход, восходящий к работам Макса Вебера, Талкотта Парсонса и Питирима Сорокина, рассматривает культуру как систему значений, символов и ценностей, формирующих социальное поведение и институты. Особый вклад в понимание социокультурной динамики внес П.А. Сорокин, который рассматривал общество как единство культуры и социальности, образуемых деятельностью человека [2].

Антропологический подход, представленный в работах Клиффорда Гирца и других исследователей, фокусируется на культуре как системе значений и символов, которые формируют опыт и мировоззрение чле-

нов общества. В этой перспективе социокультурные факторы рассматриваются как глубинные структуры, определяющие восприятие реальности и поведение людей, включая их политические предпочтения.

Системный подход, представленный в работах Никласа Лумана и Юргена Хабермаса, рассматривает социокультурные факторы как элементы сложной системы социальных коммуникаций, обеспечивающие интеграцию общества и легитимность политической власти.

В российской научной традиции также сложились свои особенности концептуализации социокультурных факторов. Работы таких исследователей, как А.С. Ахиезер, развивают идею особого пути России, обусловленного ее социокультурной спецификой. Согласно концепции социокультурного раскола А.С. Ахиезера, российская история характеризуется постоянным противоречием между традиционными и модернизационными ценностями, что создает особые вызовы для государственной политики [3].

Однако главной особенностью представленного подхода является интеграция этих теоретических перспектив с концепцией духовно-нравственных ценностей как ядра государственной политики. Ценностные ориентиры - это система морально-этических принципов, идеалов и норм, которые формируют основу государственной идеологии и политики. Они представляют собой не просто абстрактные идеи, но действенные регуляторы политического процесса, определяющие как цели государственной политики, так и способы их достижения.

Основные социокультурные и ценностные факторы в государственной политике России

Историческая память и национальная идентичность

Историческая память является ключевым социокультурным фактором, влияющим на формирование государственной политики России. Она включает в себя коллективные представления о значимых исторических событиях, героях и достижениях, которые формируют основу национальной идентичности и государственной идеологии.

В современной России особое значение приобретают такие исторические нарративы, как победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, достижения в науке и культуре. Эти элементы исторической памяти активно интегрируются в государственную политику через образовательные программы, памятные даты, мемориальные комплексы и культурные мероприятия. Они служат не только для сохранения памяти

о прошлом, но и для укрепления национальной гордости, патриотизма и гражданской идентичности.

Победа в Великой Отечественной войне занимает особое место в исторической памяти россиян. Это событие объединяет различные поколения, социальные группы и этнические общности на основе общей памяти о подвиге народа. Государственная политика в области сохранения и укрепления памяти о войне включает не только официальные мероприятия, но и поддержку гражданских инициатив, таких как «Бесмертный полк» [4].

Национальная идентичность как результат исторической памяти является фундаментом гражданского самосознания. Она представляет собой комплекс представлений, ценностей и эмоциональных связей, которые формируют чувство принадлежности к национальному сообществу. Исследования показывают, что уровень гражданской идентичности россиян находится на отметке выше среднего, при этом в ее структуре доминируют такие ценности как патриотизм, уважение к истории и культуре страны, ответственность за ее будущее [5].

Культурный суверенитет и сохранение культурного наследия

Культурный суверенитет, понимаемый как право народа иметь и развивать собственные базисные культурные ценности, становится важнейшим фактором в современной государственной политике России. В условиях глобализации и распространения массовой культуры защита культурного суверенитета приобретает стратегическое значение, становясь не только культурной, но и политической задачей.

Конституционная реформа 2020 года закрепила в Основном законе страны ряд положений, направленных на защиту культурного суверенитета. Эти положения касаются защиты исторической правды, сохранения культурной идентичности народов России, признания культуры России уникальным наследием многонационального народа, а также обязанности государства по защите культурной самобытности всех народов страны [6].

Сохранение материального и нематериального культурного наследия является приоритетным направлением государственной политики в области культуры. Важную роль в сохранении культурного наследия играет цифровизация, которая открывает новые возможности для документирования, сохранения и популяризации культурного наследия. Технологии 3D-сканирования, виртуальные музеи, цифровые архивы — все это инструменты современной «цифровой музеефикации», которая позво-

ляет сохранить культурное наследие в цифровом формате и сделать его доступным для широкой аудитории [7].

Гражданская идентичность и социальная солидарность

Формирование гражданской идентичности россиян происходит под влиянием различных факторов социокультурного контекста. Гражданская идентичность представляет собой осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства, переживание своей принадлежности к этому сообществу, готовность следовать принятым в нем нормам и правилам.

Исследования показывают, что ключевыми детерминантами гражданской идентичности являются:

Культурный фактор — система ценностей, доминирующих в обществе. Согласно исследованиям, к доминирующим ценностям россиян относятся самостоятельность, безопасность, репутация и благожелательность [8].

Исторический фактор — восприятие исторического прошлого и его оценка. Историческая память остается важным компонентом гражданской идентичности. Общая история, общие победы и достижения, а также общие трагедии и испытания создают основу для формирования чувства общей судьбы и исторической преемственности.

Политический фактор — доверие к политическим институтам. Исследования показывают, что наибольшее влияние на формирование позитивной гражданской идентичности оказывает доверие к президенту, правительству и российской армии. Эти институты воспринимаются как символы национального единства и защитники национальных интересов [9].

Социальная солидарность, тесно связанная с понятием гражданского самосознания, является центральным элементом государственной национальной политики. Социальная солидарность представляет собой чувство взаимной ответственности, взаимопомощи и поддержки между членами общества, основанное на общих ценностях, интересах и целях. В стратегических документах Российской Федерации социальная солидарность определяется через готовность граждан поддерживать друг друга в достижении целей развития общества [10].

Традиционные ценности в контексте глобализации

Глобализация как экзогенный фактор оказывает трансформирующее

воздействие на ценностно-нормативную систему российского общества. Этот процесс создает как новые возможности, так и серьезные вызовы для традиционных ценностей и культурной идентичности.

К последствиям глобализации для российского общества относятся:

Распространение массовой культуры западного образца, которая часто противоречит традиционным российским ценностям и культурным образцам.

Деформация традиционной системы ценностей, включая ослабление традиционных семейных ценностей, религиозных верований, патриотизма, уважения к старшим, трудовой этики.

Ломка устоявшихся социальных стереотипов, включая представления о гендерных ролях, жизненном успехе, социальном статусе, моральных нормах.

Социальная разобщенность и проблемы культурной идентичности, проявляющиеся в утрате чувства общности, солидарности, принадлежности к определенному культурному и социальному сообществу.

В ответ на эти вызовы государственная политика России направлена на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В 2022 году был принят Указ Президента России «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который определяет традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России [11].

Цифровизация и информационные технологии

Цифровизация представляет собой один из наиболее динамичных факторов трансформации современного российского общества. Этот процесс коренным образом меняет не только экономику и управление, но и социальные отношения, культурные практики, образ жизни людей. Цифровизация создает новую реальность, в которой материальный и виртуальный миры тесно переплетаются, формируя новую социокультурную среду.

В России цифровизация развивается в рамках национальной программы «Цифровая экономика», которая направлена на создание экосистемы цифровой экономики, где данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства. Эта программа включает в себя такие направления, как нормативное регулирование, кадры и образование,

формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность [12].

В контексте сохранения культурного наследия цифровизация создает принципиально новые возможности:

Создание цифровых копий памятников материальной культуры позволяет сохранить их облик и информацию о них для будущих поколений.

Документирование нематериального культурного наследия включает в себя запись и сохранение традиций, обрядов, фольклора, ремесел, языков и других элементов нематериальной культуры.

Расширение доступа к культурным ценностям для всех категорий населения является важным демократическим аспектом цифровизации культурного наследия.

Интеграция культурного наследия в современную информационную среду позволяет культурному наследию оставаться актуальным и значимым в эпоху цифровых технологий и социальных медиа.

Все эти возможности реализуются в рамках «цифровой музеефикации», которая представляет собой деятельность по трансформации памятников культурного наследия в живые объекты, развивающиеся вместе с их культурным пространством и социокультурной средой [13].

Практическая реализация ценностных подходов в государственной политике

Ценностно-ориентированный подход в управлении проектами

Ценностно-ориентированный подход в управлении государственными проектами стал важной составляющей эффективного внедрения инновационных решений в различных сферах экономики и социальной жизни. Этот подход выходит за рамки традиционного проектного менеджмента, сфокусированного преимущественно на соблюдении сроков, бюджета и требований к результатам проекта.

В основе ценностно-ориентированного подхода лежит понимание того, что проекты, особенно государственные, должны создавать ценность не только для непосредственных заказчиков и исполнителей, но и для общества в целом. Это предполагает расширенное понимание успеха проекта, включающее такие критерии, как социальная справедливость, экологическая устойчивость, культурное разнообразие, инклюзивность, этическая приемлемость [14].

Примерами успешной реализации ценностно-ориентированного под-

хода являются социально ответственные инфраструктурные проекты, которые помимо выполнения технического задания включают анализ воздействия на окружающую среду и местные сообщества.

Цифровая трансформация и ценностный подход

Цифровая трансформация в России рассматривается как ценностный проект, ориентированный на улучшение жизни граждан и формирование условий для равного доступа к ресурсам и услугам. Этот подход выходит за рамки чисто технологических изменений и затрагивает фундаментальные аспекты социальной и культурной жизни.

К ключевым ценностным ориентирам в области цифровизации относятся технологическая независимость и национальная безопасность, прозрачность и открытость государственного управления, доступность и социальная инклюзия, а также цифровая грамотность населения. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» направлена на создание современных решений, обеспечивающих доступность государственных услуг даже в самых удаленных регионах [15].

Перспективы развития ценностных подходов в государственной политике России

В современных условиях российская государственная политика находится на этапе активного поиска и укрепления ценностных ориентиров, способных объединить общество, укрепить его устойчивость и обеспечить гармоничное развитие. Взаимодействие между традиционными российскими ценностями и современными вызовами создаёт основу для формирования новой стратегической идеологии.

Перспективы развития ценностных подходов связаны с несколькими ключевыми направлениями:

Переосмысление традиционных ценностей — адаптация традиционных ценностей, таких как коллективизм, патриотизм, взаимовыручка и социальная справедливость, к требованиям современности.

Адаптация к глобальным вызовам — сохранение национальной идентичности при одновременной интеграции в мировое сообщество через развитие концепции культурного суверенитета.

Активное вовлечение молодежи — создание условий для участия молодежи в культурных, образовательных и политических процессах.

Интеграция ценностей в социальную политику — ориентация на принципы социальной справедливости и равенства в программах под-

держки уязвимых слоев населения.

Формирование новой идеологической платформы — объединение традиционных ценностей с новыми ориентирами, отвечающими вызовам времени.

Несмотря на значительный прогресс в интеграции ценностных подходов, остаются вызовы, требующие внимания: необходимость баланса между традиционными и современными ценностями, преодоление ценностного кризиса, связанного с глобальными и внутренними социальными изменениями, укрепление доверия граждан к государственным институтам через реализацию ценностных ориентиров на практике.

Заключение

Рассмотрение социокультурных и ценностных факторов в контексте государственной политики России показывает, что они играют центральную роль в формировании устойчивого и сплочённого общества. Эти факторы не только влияют на ключевые аспекты внутреннего управления, но и определяют внешнеполитическую стратегию страны. Их успешная интеграция в государственные проекты и программы позволяет укреплять национальную идентичность, повышать социальную сплочённость и адаптироваться к современным вызовам.

Ценностные подходы в государственной политике позволяют обеспечить стратегическую направленность принимаемых решений, делая их более согласованными с ожиданиями и потребностями граждан. Они выступают связующим звеном между государственными институтами и обществом, формируя основу для общественного доверия и участия.

В условиях глобализации и нарастающей конкуренции между странами за ресурсы, технологии и влияние, ценностный подход становится важным элементом государственной политики. Он позволяет создать уникальный образ России как государства, которое стремится сохранить свою культурную и историческую идентичность, не отказываясь от модернизации и инноваций.

Перспективы интеграции ценностных подходов в государственную политику России связаны с дальнейшей модернизацией ключевых сфер, таких как образование, здравоохранение, экономика и экология. Особое внимание должно быть уделено цифровизации, которая позволяет создавать новые инструменты для вовлечения граждан в управление и обеспечения прозрачности процессов.

Для успешной реализации этих целей необходимо продолжать рабо-

ту по укреплению координации между уровнями власти, увеличению финансирования ключевых проектов, созданию условий для гражданского участия и адаптации национальных стратегий к глобальным вызовам. Только при условии системного подхода ценностные ориентиры смогут стать основой для построения сильного, сплочённого и современного общества.

Список литературы:

1. Семья как ценность // ВЦИОМ. 2023. С. 3-5. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (Дата обращения: 10.05.2023).
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Академический проект, 2020. С. 45-48.
3. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М.: Новый хронограф, 2021. С. 123-127.
4. Иванова С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России // Вопросы культурологии. 2022. № 7. С. 34-38.
5. Российская идентичность: социологическое измерение // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 67-79.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
7. Цифровизация культурного наследия: технологии и практики // Культурологический журнал. 2023. № 4. С. 15-27.
8. Ценностные ориентации россиян: динамика и структура // Мониторинг общественного мнения. 2024. № 2. С. 45-59.
9. Гражданская идентичность и доверие к политическим институтам // Политические исследования. 2022. № 8. С. 85-93.
10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, в ред. от 06.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 50. Ст. 7739.
11. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
12. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7) // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. 2019. // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (Дата обращения: 10.05.2025).
13. Петрова Е.А. Цифровая музеефикация как инструмент сохранения культурного наследия // Вестник культурологии. 2023. № 3. С. 112-118.
14. Титов В.В. Ценностно-ориентированный подход в проектном управлении: теория и практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 67-75.
15. Смирнов С.Н. Цифровая трансформация: ценностные аспекты // Информационное общество. 2022. № 6. С. 45-52.

Bibliography

1. Family as a Value // VTsIOM. 2023. P. 3-5. // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (10.05.2023).
2. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. – M.: Academicheskyy Proekt, 2020. P. 45-48.
3. Akhiezer A.S. Russia: Critique of Historical Experience. – M.: Novyy Khronograf, 2021. P. 123-127.
4. Ivanova S.Yu. Patriotism in the System of Sociocultural Values of Modern Russia // Questions of Cultural Studies. 2022. № 7. P. 34-38.
5. Russian Identity: Sociological Dimension // Sociological Research. 2023. № 1. P. 67-79.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 11. Art. 1416.
7. Digitalization of Cultural Heritage: Technologies and Practices // Cultural Studies Journal. 2023. № 4. P. 15-27.

8. Value Orientations of Russians: Dynamics and Structure // Public Opinion Monitoring. 2024. № 2. P. 45-59.
9. Civic Identity and Trust in Political Institutions // Political Research. 2022. № 8. P. 85-93.
10. Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 № 1666, as amended on December 6, 2018) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. № 50. Art. 7739.
11. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 № 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. № 46. Art. 7977.
12. National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol of June 4, 2019, № 7) // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. 2019. // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (10.05.2025).
13. Petrova E.A. Digital museification as a tool for preserving cultural heritage // Bulletin of Cultural Studies. 2023. № 3. P. 112-118.
14. Titov V.V. Value-oriented approach in project management: theory and practice // Issues of public and municipal administration. 2024. № 1. P. 67-75.
15. Smirnov S.N. Digital transformation: value aspects // Information society. 2022. № 6. P. 45-52.

Павлов Н.Р.

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Слабов Е.А.

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Борьба с терроризмом в системе обеспечения информационной безопасности

Введение

Развитие Интернета и его доступность для каждого играют в этих процессах не последнюю роль, так как они позволяют людям, находящимся в разных городах, регионах, странах получать и передавать информацию ежесекундно, что дает возможность этим же людям реагировать и принимать решения в тот же миг, что в принципе стирает границы, между нами. Но человек не был бы человеком, если бы не использовал такой, на первый взгляд благой инструмент, в своих преступных целях. Особенно опасным интернет становится в руках тех, кто готов пойти на массовые жертвы среди невинных людей ради достижения своих политических целей и идеалов.

Актуальность исследования обоснована прогрессирующей степенью воздействия современной террористической деятельности не только на внутренние составляющие политики некоторых стран, но и на международную безопасность. В последнее время эта проблема стала особенно острой из-за того, что терроризм: культивирует насилие и катализирует его развитие, давая ему преимущество перед правовыми, социальными и политическими методами решения конфликтов в обществе; образует и усиливает чувство опасности в обществе и, как любое другое действие, приводящее к смерти, обесценивает жизнь человека; вносит свой вклад и, как показывает жизнь, фактически ведет к сокращению демократических прав и индивидуальных свобод, поскольку это может привести к контрмерам со стороны государства, которые не всегда соотносятся с нормами правового демократического государства.

Следует отметить, что это социальное зло развивается. В основном, речь идет о выходе терроризма за пределы национальной структуры и формировании его экономической базы за счет организованной пре-

ступности, государства, других общественных и религиозных структур в каждой стране. Эволюцию терроризма можно выделить в: увеличении числа террористических атак с сохраняющейся высокой долей нападений на материальные объекты. С относительно постоянным общим числом террористических атак в мире с конца 80-х годов прошлого века, на сегодняшний день число жертв терроризма возросло с нескольких сотен в год до нескольких тысяч; увеличение масштабов, которое характеризуется большими человеческими жертвами; усиливающийся жестокости террористических акций.

Несмотря на ужасающие масштабы и тяжесть этого вопроса, террористическая угроза и по сей день не позволила окончательно объединить усилия всего мирового сообщества в борьбе с этим социально-экономическим злом. Анализ рассматриваемых проблем в последние годы говорит нам о начале изучения проблематики терроризма учеными из разных стран. Надо также отметить, что подготовка и подписание более декларативных соглашений систематически осуществляется в рамках как международных организаций, так и отдельных государств, которые определяют «необходимость активного противодействия терроризму». Образуются временные антитеррористические комиссии. В то же время мир еще не смог достичь общего понимания в формулировании и оценке террористических явлений. Это обстоятельство в контексте глобализации играет, пожалуй, одну из решающих ролей, которые предопределяют победу в данном противостоянии.

Террористическая угроза обострилась в современной России, которая до недавнего времени имела очень устойчивый «иммунитет» к данному явлению. Это объясняется тем, что терроризм, будучи, по сути, сложным социально-политическим явлением, накапливает в себе социальные противоречия, которые достигли уровня конфликта в нашем обществе. РФ также вынуждена включиться в эту сложную конфронтацию с общим злом, не только используя свой военный потенциал, но и организуя информационное сопротивление [20].

Серьезной проблемой остается системное воздействие экстремистских сайтов на эмоционально-психологическую составляющую структуры личности пользователей сети Интернет. Формирование обстановки страха перед будущим позволяет реализовывать комплексные программы манипулированием общественным мнением [1]. Таким образом, актуальность темы этой работы определяется накоплением глобализационных процессов в мире и созданием «информационного общества», где

терроризм стал независимым фактором, способным угрожать целостности государства стран и дестабилизировать ситуацию в мире. Также, зависимость эффективности террористических акций от качества и способа ее освещения в СМИ. Сегодняшнее отсутствие общего понимания терроризма и его борьбы в «информационном поле» на национальном и международном уровне.

Противодействие терроризму в системе обеспечения информационной безопасности РФ

Говоря о национальной безопасности в целом и об информационной в частности, можно заметить, что всегда одной из самых основных и опасных угроз для интересов государства, личности и общества выступает терроризм. И это не удивительно, ведь грядя ужасных событий последних лет показывают, что терроризм – основная угроза. Он стал, к сожалению, частью обыденной жизни людей, а не просто каким-то далеким явлением [17]. Понятие «террор» в русском языке обозначает «устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения», а «терроризм» – «политика и практика террора» [13]. Многие исследователи полагают, что под террором можно считать публичное действие, направленное против кого-то в открытую, а вот терроризм может осуществляться тайно, посредством его незаконной деятельности [3]. В.А. Пономарев считает, что наиболее верные рассуждения ученых, декларирующих, что терроризм – преступление, а террор же – один из способов действия любого из субъектов (физического и юридического лица, государства) с угрозой использования, либо с использованием силы, возбуждением ужаса и паники [14]. По словам исследователя О.В. Будницкого, террор на самом деле очень часто принуждал государство пойти на уступки [4].

По мнению О.А. Теплякова, необходимо более точно определить и классифицировать терроризм как отдельный незаконный акт, цель которого – разжигание ненависти и разложение общества, что приводит к разрушению государства. То есть, данной цели возможно достичь только с помощью принятия широкого спектра мер по усовершенствованию систем противодействия терроризму и методов борьбы с ним [18]. Моральная сторона данного вопроса всегда стояла на первом месте, когда начиналось обсуждение террора как одного из методов политического противостояния.

Л.А. Моджорян замечает, что в этом случае цели национально-ос-

вободительного движения смешиваются с методами их достижения. Практически все международно-правовые акты указывают на то, что национально-освободительная борьба должна вестись через переговоры, организации должны использовать законные средства для достижения своих целей, например парламентские. Действовать с использованием террористических методов недопустимо [11].

Американский ученый Белл смог выделить такие виды терроризма: преступный, терроризм «бдительности», психопатический, санкционированный властями, эндемический и революционный [24]. Одна из отечественных классификаций предложена В.В. Лунеевым, которую он описал в своем докладе «Терроризм: психологические корни и правовые оценки» [23]. Например, немецкие ученые Х. Людвиг и И. Фетчер утверждали, что современный терроризм можно разделить на 3 группы. В первую группу они определили террористическую деятельность угнетаемых национальных меньшинств (северо-ирландцев, палестинцев, басков, курдов и т. д.), цель которых – политический и культурный суверенитет. Во второй группе оказались национально-освободительные движения стран «третьего мира», которые ведут так называемую «партизанскую войну», не редко прибегая к террористической деятельности (партизанские движения стран Юго-Восточной Азии). И в последней группе находятся террористы-индивидуалисты или небольшие группы, которые ставят для себя цель изменить политико-социальный порядок в капиталистической стране и используют в политические мотивы для этого [19]. Стоит указать еще одну классификацию терроризма, которая определяется по видам, выделяются: химический, экономический, ядерный, электромагнитный, биологический и информационный (кибернетический).

Политика является направляющим ориентиром действий для достижения конечной цели или завершения задачи. Через прокладывание направлений, по которым необходимо держать свой курс, она объясняет, как достичь своей цели. Политика может предоставить свободу для действий [12].

Терроризм – многостороннее явление, его классификация в конечном счете окончательно не определена ни одним из исследователей, а всевозможные типологические критерии могут быть выбраны в зависимости от цели. Возможности для дальнейшего совершенствования законодательства в сфере противодействия террористической деятельности не исчерпаны. Многие определения необходимо доработать, некоторые нужно систематизировать и обобщить, чтобы не возникало правовых казусов.

Борьба с террористической деятельностью в информационной сфере

В современной истории терроризм перешел с, если можно так назвать, «земли», в совершенно иное и новое пространство – информационное. На данный момент учеными до конца не изучена вся практика террористов по использованию глобальной сети интернет-коммуникации в своей террористической деятельности. По мнению Р.С Джинджолия и М.М. Хачидоговой Интернет по своей природе является, во многих отношениях, идеальной ареной для деятельности террористических организаций. В частности, предпосылками для этого они считают легкий доступ, отсутствие цензуры и других форм государственного надзора, потенциально огромную аудиторию во всем мире, анонимность во время передачи информации, ее быстрый поток, крайне дешевую разработку и обслуживание веб-сайта, возможность размещения текстовых, графических и видео- и аудиозаписей, чтобы пользователи могли очень быстро загружать фильмы, песни, книги, плакаты к себе на носители [2].

Проанализировав эти кампании, можно выделить основные цели, на которые делает упор информационная пропаганда ИГИЛ: запугивание, информирование членов организации и набор новых сторонников. Для того, чтобы достигнуть данные цели террористы используются различные способы взаимодействия в Интернете. Например, в полном объеме используют социальные сети, или даже проводят масштабные психологические операции, которые продумываются и организуются заранее через специальный орган – так называемый Совет по средствам массовой информации [7]. Если разбить данный орган на части, то он состоит из: Аль Байанрадио, Ал-фурган, Аль-Хайят медиацентр, Ал-тислам медиафонд [25]. Медиацентр Аль-Хаят является вторым по важности центром пропаганды ИГИЛ, если рассматривать его со стратегической ценности. Там создаются сверхпрофессиональные информационные продукты для широкой общественности за рубежом.

Если говорить о конкретных методах, с помощью которых происходит привлечение новых сторонников, то соцсети и видеоплатформа «YouTube» используются в первую очередь для этих целей. В качестве наглядного примера, который свидетельствует о решающей роли Интернета в вербовке, можно предоставить данную статистику: «84 % молодых людей пришли в ряды террористической организаций посредством сети Интернет; 47 % обратили внимание на материалы (видео и текст), размещенные онлайн; 41 % присягнули на верность ИГИЛ онлайн; 19 % поль-

зовались онлайн-инструкциями при подготовке теракта (изготовление самодельных взрывных устройств и бомб)» [5].

Проанализировав статистику МВД, а именно документ «Состояние преступности в РФ за период январь-март 2025 года» [9]. И сравнивая его с отчетом за январь-март 2024 года, можно найти информацию, которая позволит более подробно изучить борьбу с террористическими угрозами информационной безопасности и эффективность этой борьбы за определенный период времени. По-прежнему более трети преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 3 % больше, чем в январе-марте прошлого год. В 2024 году по требованию Роскомнадзора удалено или заблокировано 704,8 тыс. интернет-страниц. Среди них – с контентом экстремистского и террористического характера (42,6 тыс.) [15].

Роскомнадзор в 2024 году заблокировал на 19 % больше запрещенного контента, чем годом ранее. В IV квартале 2024 года Роскомнадзор совместно с профильными ведомствами удалил либо заблокировал свыше 228 тыс. материалов, сайтов и их отдельных страниц с запрещенной законом информацией. Всего за 2024 год – почти 800 тыс., что на 19 % больше, чем в 2023 г. Значительно снизилось и число заблокированного контента экстремистского и террористического характера – с 13,4 тыс. в 3 квартале года до 7,9 тыс. – в 4 [16].

В апреле 2025 года специалисты Роскомнадзора выявили и устранили более 650 нарушений маршрутизации сетевого трафика. Нарушения исходили от свыше 260 организаций, и все они могли поставить под угрозу устойчивую работу цифровой инфраструктуры. На этом фоне ведомство также отразило 941 массированную атаку, нацеленную на системы, охраняемые государственными структурами, операторами связи, сервисами электронной коммерции, а также представителями финансового и топливно-энергетического секторов [16].

Существует Федеральный закон «О противодействии терроризму» [22], который устанавливает основные понятия и принципы противодействия терроризму в том числе и в информационной сфере. Также некоторые понятия можно найти в Уголовном кодексе РФ [21]. Если взять международные правовые акты, то в сфере информационной безопасности можно выделить следующие основополагающие документы: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года [10];

Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, содержащаяся в резолюции Генеральной Ассамблеи от 20.09.2006 [8]. В основе документа лежит последовательное, однозначное и решительное осуждение государствами – членами ООН терроризма во всех его формах и проявлениях, кем бы, где бы и для каких бы то ни было целей он ни совершался; Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) от 22.09.11 [6].

Выводы

Следовательно, учитывая значительное увеличение террористической угрозы во всем мире в последние годы, уже давно необходимо принимать во внимание разработку мировым сообществом новой стратегии, направленной на улучшение безопасности в информационной сфере, что отвечало бы требованию эффективности борьбы с терроризмом в киберпространстве и реалиях третьего тысячелетия. Также хотелось бы отметить некоторые предложения по совершенствованию борьбы с терроризмом.

Во-первых, усилить законодательные меры, чтобы запретить (или ограничить) освещение деятельности террористов, а также их лидеров. Давить на тот факт, что им приходится использовать террористические акты, чтобы их услышали, это аморально и необоснованно. Общество разработало достаточно норм, методов, чтобы лицо или группа лиц смогли показать свои собственные интересы с помощью культурного метода. Во-вторых, образовать мощный политический инструмент, который должен был бы противодействовать терроризму в информационной сфере. В-третьих, снять высокопрофессиональные документальные фильмы, программы, статьи, проводить круглые столы и конференции, раскрывающие ненавистную основу терроризма во всех его проявлениях, прежде всего в религиозных и политических проявлениях. Пропагандировать различными способами неудачность тех путей, которые предложены террористами, обращать внимание на их отсталость, убогость, ограниченность.

Заключение

Динамика и структура террористической активности в сфере информационных технологий в настоящее время представлена следующим образом. За последние 20 лет терроризм окончательно обосновался в информационной сфере и теперь использует все блага сети в своих пре-

ступных интересах. Если структурировать террористическую деятельность в информационном поле, то можно выделить 3 направления: 1) запугивание своих реальных и потенциальных врагов; 2) пропаганда своих идей и взглядов среди населения других разных государств; 3) вербовка и набор в новых членов в свою организацию. Причины терроризма – социально-экономическая нестабильность, неравенство в обществе, национализм, ослабленная федеральная власть, безработица, неясность своего будущего. Это доказывается тем, что свой расцвет терроризм начал в России после крушения СССР, когда произошел слом в экономике, власть была завязана с бандитским элементом, а центральная власть не могла удерживать регионы, где росли сепаратистские настроения. Законодательство РФ в области противодействия терроризму в системе обеспечения информационной безопасности, демонстрирует стремление России к беспощадной борьбе с террористической угрозой, в том числе и в сфере обеспечения информационной безопасности. За последнее время принято большое количество НПА с целью защитить информационное пространство РФ от террористических угроз.

Согласно статистике правоохранительных органов в начале 2025 года выявлено больше случаев террористической активности на информационных ресурсах, чем за тот же период в 2024 году, а также больше уголовных дел было передано в суд. Это показывает не только увеличение совершаемых преступлений террористической направленности в информационной сфере, но и качественный рост эффективности работы правоохранительной системы в целом. Перспективным направлением противодействия террористическим угрозам в информационной сфере считаем разработку и создание специализированного документа – отдельной концепции, либо стратегии противодействия кибертерроризму, объединяющей в себе остальные НПА, обеспечивающие защиту информационной безопасности от террористических угроз. В целом, российское общество и государство сегодня имеет достаточно средств и возможностей для эффективной борьбы с кибертерроризмом. Постоянная профилактика терроризма в Интернете и на остальных информационных ресурсах, блокировка террористических групп и ячеек в социальных сетях, их постоянный мониторинг, выявление и удаление террористической литературы в сети Интернет. Все это способствует постепенному снижению террористической угрозы информационной безопасности РФ.

Список литературы:

1. Батенева Е.В. Противодействие распространению терроризма в системе интернета // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. В.В. Наумкина; отв. ред. В.Н. Козлова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н. Ф. Катанова», 2023.
2. Джинджолия Р.С., Хачидогова М.М. О некоторых вопросах определения терроризма и информационного терроризма // Уголовная юстиция. 2019. № 13.
3. Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. – М.: Изд-во ИМПЭ, 1996.
4. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: учеб. пособие для студентов вузов / авт.-сост. О.В. Будницкий. – Ростов н/Д: Феникс, 1996.
5. Как вербуют в ИГИЛ: медиа-империя ДАИШ, профессиональный PR и онлайн-присяги террористов // URL: http://www.rusvesna.su/recent_opinions/1450279359.
6. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) от 22.09.11 // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666.
7. Константин А.П. Информационно-психологические операции ИГИЛ: некоторые практические аспекты // Гуманитарный вектор. 2018. № 1. С. 50.
8. Контртеррористическая стратегия ООНаций. Принята резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи в 2006 году. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902114207>.
9. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь-март 2025 года // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/>.
10. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9.12.1999 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml
11. Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения // Государство и право. 1998. № 3.
12. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорельый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. ИРЯ им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010.
14. Пономарев В.А. Понятие терроризма и его классификация: философско-правовой аспект // Вестник науки Сибири. 2015. № 1.
15. Роскомнадзор в январе заблокировал и удалил более 4 тыс. мошеннических сайтов / Известия от 13.03.2025 // URL: <https://iz.ru/1853510/2025-03-13/roskomnadzor-v-ianvare-zablokiroval-i-udalil-bolee-4-tys-moshennicheskikh-saitov>
16. Роскомнадзор в 2024 году заблокировал на 19 % больше запрещенного контента, чем годом ранее // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
17. Севдмалиев Р.М. Международный терроризм и политико-правовые проблемы борьбы с ним. Баку: İNDİGO, 2011.
18. Тепляков О.В. Проблемы в подходе к вопросу классификации современного терроризма // Вестник Военного университета. 2014. № 4 (24).
19. Терроризм в современном капиталистическом обществе Реф. сб. / ИНИОН АН СССР. Выпуск III. – М.: 1983.
20. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография / ред. В.Ю. Бельский, А.И. Сагут. – М.: ЮНИТИ, 2019.
21. Уголовный Кодекс РФ от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (21.04.2025) // URL: <https://base.garant.ru/10108000/>
22. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // URL: <https://base.garant.ru/12145408> (28.02.2025)
23. Шеремет К.Ф., Киреев М.П., Лунеев В.В., Комиссаров В.С. и др. Круглый стол: Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. 1995. № 4.
24. Bell J.B. Transnational Terror. Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research. United States of America, 1975.
25. DAESH Information Campaign and its Influence. Results of the Study / ed. M.R. Zgryziewicz. Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2015 // URL: <http://www.stratcomcoe.org/daesh-information-campaign-and-its-influence-1>.

Bibliography

1. Bateneva E.V. Counteracting the Spread of Terrorism in the Internet System // Prevention and Counteraction to

- Extremism and Terrorism in the Information Environment as a Condition for Ensuring Harmonization of Interethnic and Ethno-Confessional Relations: Collection of Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference / scientific. ed. V.V. Naumkina; responsible. ed. V.N. Kozlova. Abakan: Publishing House of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kharkiv State University named after N.F. Katanov", 2023.
2. Dzhindzholiya R.S., Khachidogova M.M. On Some Issues of Defining Terrorism and Information Terrorism // Criminal Justice. 2019. № 13.
 3. Zamkovoy V.I., Ilchikov M.Z. Terrorism is a Global Problem of Our Time. – M.: Publishing house IMPE, 1996.
 4. History of terrorism in Russia in documents, biographies, research: textbook for university students / author-compiler O.V. Budnitsky. – Rostov n / D: Phoenix, 1996.
 5. How they recruit into ISIS: the media empire of DAISH, professional PR and online oaths of terrorists // URL: http://www.rusvesna.ru/recent_opinions/1450279359.
 6. Convention on ensuring international information security (concept) of 09.22.11 // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/191666.
 7. Konstantin A.P. Information and psychological operations of ISIS: some practical aspects // Humanitarian vector. 2018. № 1. P. 50.
 8. UN Counter-Terrorism Strategy. Adopted by General Assembly resolution 60/288 in 2006. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902114207>.
 9. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation FKU "Main Information and Analytical Center". The state of crime in Russia for January-March 2025 // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/>.
 10. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism. Adopted by UN General Assembly resolution 54/109 of 9.12.1999 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml
 11. Modzhoryan L.A. Terrorism and national liberation movements // State and Law. 1998. № 3.
 12. The latest political science dictionary / compiled by D.E. Pogorely, V.Yu. Fesenko, K.V. Filippov. – Rostov n / D: Phoenix, 2010.
 13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / RAS. IRYa im. V.V. Vinogradov. 4th ed., suppl. – M.: OOO "A TEMP", 2010.
 14. Ponomarev V.A. The concept of terrorism and its classification: philosophical and legal aspect // Bulletin of Science of Siberia. 2015. № 1.
 15. Roskomnadzor blocked and deleted more than 4 thousand fraudulent sites in January / News of 13.03.2025 // URL: <https://iz.ru/1853510/2025-03-13/roskomnadzor-v-ianvare-zablokiroval-i-udalil-bole-4-tys-moshennicheski-kh-saitov>
 16. Roskomnadzor blocked 19% more prohibited content in 2024 than in the previous year // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
 17. Sevdimaliev R.M. International terrorism and political and legal problems of combating it. Baku: ÍNDIGO, 2011.
 18. Teplyakov O.V. Problems in the approach to the issue of classification of modern terrorism // Bulletin of the Military University. 2014. № 4 (24).
 19. Terrorism in modern capitalist society Abstract. collection / INION USSR Academy of Sciences. Issue III. – M.: 1983.
 20. Terrorism in historical retrospect and modern conditions: monograph / ed. Belsky, A.I. Satsut. – M.: UNITY, 2019.
 21. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (21.04.2025) // URL: <https://base.garant.ru/10108000/>
 22. Federal Law of March 6, 2006 N 35-FZ "On Counteracting Terrorism" // URL: [https://base.garant.ru/12145408\(28.02.2025\)](https://base.garant.ru/12145408(28.02.2025))
 23. Sheremet K.F., Kireev M.P., Luneev V.V., Komissarov V.S. et al. Round table: Terrorism: psychological roots and legal assessments // State and Law. 1995. № 4.
 24. Bell J.B. Transnational Terror. Washington, D.C.: American Enterprise Institute for Public Policy Research. United States of America, 1975.
 25. DAESH Information Campaign and its Influence. Results of the Study / ed. M.R. Zgryziewicz. Riga: NATO Strategic Communications Center of Excellence, 2015 // URL: <http://www.stratcomcoe.org/daesh-information-campaign-and-its-influence-1>.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Денисов А.Е.

Кандидат политических наук, доцент.
Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Политический аспект преподавания предмета “Основы Российской государственности”: возможности и перспективы для малых народов (на примере Кряшенского сообщества)

29 января 2023 года был опубликован перечень поручений Президента России Владимира Владимировича Путина, в одном из пунктов которого указано, что с 1 сентября 2023 года предусматривается преподавание первокурсникам всех высших учебных заведений России новой общеобразовательной дисциплины “Основы российской государственности”.

Основной целью преподавания дисциплины “Основы российской государственности” является формирование у студентов системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины.

Этносимволизм и теории неравномерного и комбинированного развития

В основе нашего исследования лежит этносимволический подход к изучению этничности и национализма. Э. Смит считал, что этносимволизм выделяется в понимании национализма через его символическую проекцию, через его субъективное измерение¹. Именно благодаря символам происходит трансформация этнического наследия во времени. Его идеи развил Дж. Хатчинсон, который отметил, что национализмы имеют динамический характер, который во многом зависит от того исторического

1 Smith A. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. N.Y.: Routledge, 2009. P. 23.

времени, которое проходит нация. Он отметил, что конфликты между разными репертуарами развития внутри единой этнической общности формируют особые способы восприятия проблем, с которыми они сталкиваются². От того различаются и стратегии, которые выбираются для решения стоящих перед обществом задач. Это особенно становится актуально, когда мы говорим про предмет “Основы Российской государственности”, который призван сформировать общую систему знаний о нашей стране у новых поколений.

Однако, для формирования общей системы знаний необходимы определённые условия. В ситуации, когда не только страны отличаются друг от друга в своём экономическом и социально-культурном развитии, но и внутри государств существуют разные реальности, часто не пересекающиеся друг с другом, построение единой общности может быть под грозой. В современной зарубежной научной обществоведческой литературе часто говорят о теории неравномерного и комбинированного развития. В частности, можно выделить Камрана Матина и Джастина Розенберга из Сассекского университета. Конечно, их работы касаются преимущественно международных отношений, но и для нашего предмета изучения они могут быть полезны.

Если мы обратимся к К. Матину, то он отмечает, что неравномерность в развитии ведёт к “комбинированному” характеру траектории развития “отсталого” общества в капиталистическую эпоху³. Что это означает в контексте преподавания Основ Российской государственности для малых народов? Это означает то, что в духе цивилизационного подхода мы не выделяем “главную” траекторию развития для каждой этнической и конфессиональной группы, а признаём уникальность этой общности, её специфику и особый аутентичный её вклад в развитии нашей государственности. В отличие от опыта западных колониальных стран, мы никогда не принижали значимость разных этнических и религиозных групп в нашей стране и не пытались их чрезмерно интегрировать.

Переходя к взглядам Дж. Розенберга о природе неравномерного и комбинированного развития, важно отметить, что он выделил 3 уровня: внешний, внутренний и зарождающийся⁴. Каждый этот уровень подразумевает углубление в понимании неравномерности развития от чисто

2 *Hutchinson J.* Nations as a zone of conflict. London: Sage Publications, 2005. P. 112.

3 *Matin K.* Uneven and Combined Development in World History: The International Relations of State-formation in Premodern Iran // *European Journal of International Relations*. Vol. 13. Issue 3. P. 427.

4 *Rosenberg J.* Basic problems in the theory of uneven and combined development, part II: Unevenness and political multiplicity // *Cambridge Review of International Affairs*. 2010. Vol. 23. Issue 1. P. 167.

внешних причин до внутренних и исторических продолжающихся аспектов в странах соответственно. Это очень важно для нашего предмета, так как на 3 уровне как раз описываются разные траектории развития страны и разных групп внутри неё, фактически не взирая на внешние причины и международное сообщество. Таким образом Дж. Розенберг говорит об “абсурдности абсолютизации”⁵, то есть если что-то является правильным и работающим в одном обществе, совершенно может не прижиться в другом и, более того, только развратить его и привести к ещё большим разрушительным последствиям. В частности, в России существует своя традиция демократии (от Вече и Новгорода до Соборов, земств и парламента) и она не хуже, чем западные образцы, так и не надо их слепо копировать, а необходимо опираться на свою традицию.

Подводя итог методологическому рассмотрению этого вопроса хотелось бы отметить общий тренд в национальном образовании, который пока только ярко стал проявляться в странах не-западного мира, но в будущем распространится повсеместно. Этот тренд выражается в отказе от глобализации в образовательном процессе, особенно это проявляется в обществоведческих и гуманитарных дисциплинах. Если государство хочет сохранить представление о гражданстве, культивировать гражданскую идентичность, то оно должно предлагать аутентичный образовательный продукт, который будет выполнять функцию социализации подрастающих граждан.

Актуальность предмета

Отечественные исследователи отмечают, что не только теоретические, но и прикладные задачи, стоящие перед страной и обществом, обуславливают необходимость фундаментального поворота к изучению мировоззренческих, культурно-ценностных, идентификационных основ многонационального российского народа⁶.

Более того, введение данного предмета обусловлено особой необходимостью сохранения правильных исторических знаний о нашей стране, об истории взаимоотношений разных этнических и конфессиональных групп и недопущении переписывания истории зарубежными и некоторыми отечественными коллегами.

В наше время в зарубежной политической и исторической науке существует тренд “отмены” многовековой истории нашей государствен-

5 Ibid. P. 170.

6 Полосин А.В. Шаг вперёд: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 19-20.

ности. Если обратиться к научной литературе, то можно встретить прямую подмену терминов “история России” термином “история Северной Евразии”. В первую очередь, это применяется для более ранней истории нашей страны. В частности, такими периодами выступает история Киевской Руси и период феодальной раздробленности. В своей новой статье Ник Эванс прямо говорит, что обществоведы и историки ссылаются на “разрывы” в истории средневековой Северной Евразии, которые служат нарративом, ориентированным на игнорирование разнообразия прошлого и настоящего региона⁷.

Что это означает? По мнению современных зарубежных исследователей, история Российской государственности начинается не с Киевской Руси, а в момент возникновения Московского княжества или даже позже. Из этого выходит, что наша страна “подстраивает” историю таким образом, что связывает более поздние этапы с более ранними, объясняя различия России, Украины и Белоруссии периодом территориальной разобщённости времени татаро-монгольского ига, но при этом включая последних в Российскую цивилизацию. Это является манипулятивным приёмом, чтобы запутать людей, которые изучают историю России, в первую очередь, англоязычную аудиторию. Эти же представления транслируются (или пытаются внедряться) как на постсоветском пространстве среди русскоговорящего населения, так и в России непосредственно.

Как видно из этого, представления о территории нашей страны формируются как пространство со случайным набором этнических и религиозных групп, которые никак между собой не связаны. Как это может сказаться на единстве нашей страны, на воспитании подрастающего поколения на основе общей исторической судьбы и понимании общего будущего? Думаем, что ответ достаточно очевидный. Разделение нашей общей истории на фрагментированные сюжеты является одним из самых сильных вызовов для нашего общества.

Полезность для Кряшенского сообщества

Сделаем небольшое пояснение про кряшен. Кряшены являются субэтнической группой татарской нации. Кряшенское движение фрагментировано. Данная фрагментация объясняется итогами переписи населения 2002, 2010 и 2021 года, когда кряшены получили только частичное внеш-

⁷ Evans N. The Uses of Rupture in Medieval Northern Eurasian History // The Russian Review. 2024. Vol. 83. Issue 1. P. 9.

нее признание и остались в переписных листах как субэтническая группа татар. Умеренное крыло движения сохраняет существующее положение вещей в обмен на определённые ресурсы, которые позволяют выстраивать умеренную этнополитическую мобилизацию населения и гармонично развивать этнокультурную составляющую сообщества. Радикальное крыло движения отвергает компромиссные решения и требует полного внешнего признания⁸. Однако, и умеренное, и радикальное крыло разделяет общие элементы этнокультурной идентичности. От этого важно, чтобы кряшены, как часть общероссийской гражданской нации, не конфликтовали между собой, не были раздираемы внутриэтнической конкуренцией, а находили компромиссы и общие основы для гармоничного развития. От этого актуальность дисциплины “Основы Российской государственности” для кряшенского сообщества очень важна. Как и для других представителей малых народов.

1 Блок. “Что такое Россия?”

Основным содержанием первого блока является комплексное и системное представление России как страны и государства, призванное, во многом, познакомить студентов с собственным Отечеством как через различные познавательные нарративы, так и через яркие образы, призванные заинтересовать аудиторию и отразить воспитательный и просветительский аспекты преподаваемой дисциплины.

Как же этот блок можно связать с кряшенами и в чём он может быть для нас полезным? Кряшены являются частью многонационального и многоконфессионального народа России. И каждый представитель кряшен, который обучается на 1 курсе и проходит этот предмет с самой первой недели должен заинтересоваться в его изучении. Как это сделать?

Мы предлагаем определённый семинар, где каждый в группе должен будет рассказать о своей малой Родине (о родном городе, селе, посёлке). Если же населённый пункт очень маленький, то можно рассказать о районе.

Видится, что такое достаточно творческое задание позволит с первых занятий заинтересоваться предметом “Основы Российской государственности”, это принесёт азарт, творческую энергию в выполнение задания. Параллельно с этим в ходе семинара дети в группе будут знакомиться друг с другом, узнавать много нового о народах России, их культуре, обычаях, что снизит влияние разного рода стереотипов на их дальнейшую

⁸ Денисов А.Е. Внутриэтническая конкуренция и стратегии этнополитических акторов в национальных движениях // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 23.

жизнь. В этом заключается определённая иммерсивность. Как отметили в своей статье Деннис Бек, Леонель Моргадо и Патрик О’Ши, это состояние включает в себя взаимосвязь между практикой “Переживания психологических состояний” и практикой “Воплощённых взаимодействий”⁹. Это говорит о том, что, с одной стороны, студенты одновременно сами вовлекаются в процесс и говорят о том, что для них действительно важно, а с другой стороны, прислушиваются к опыту, к переживаниям своих товарищей и сами проникаются той реальностью, в которой живут их однокурсники.

2 Блок “Российское государство-цивилизация”

В рамках этого блока тоже можно найти множество перспектив для кряшенского сообщества. В частности, можно провести семинарское занятие, в котором студенты подготовят выступления о роли и миссии России в работах, высказываниях или интервью одного из отечественных и зарубежных философов, историков, политиков или деятелей культуры. И так же о том, как эти фигуры повлияли на формирование нашей цивилизации.

Конечно, необходимо для удобства студентов дать какой-то начальный перечень фамилий, однако, это не мешает им рассказать о политических, религиозных деятелей, людей из сферы культуры и науки, которые были тесно связаны и их этнической общиной. Например, кряшены-первокурсники могут рассказать о Н. Ильминском, В. Тимофееве, Я. Емельянове и многих других.

Например, кряшены-первокурсники могут рассказать о вкладе Н. Ильминского в просвещение народов Среднего Поволжья, в частности кряшен. Как благодаря выдающемуся православному миссионеру и учёному была создана крещённо-татарская школа, где люди могли обучаться на родном языке, и был создан алфавит, создание “письменного” кряшенского языка. Это всё, естественно, способствовало образованию и, следовательно, полноценному включению кряшен в единое пространство Российской империи.

5 Блок “Вызовы будущего и развитие страны”

В какой-то степени для курса “Основы Российской государственности” этот раздел является наиболее важным, так как он постоянно обращается к предыдущим темам. Мы здесь говорим о вызовах и угрозах, которые стоят перед человечеством. Однако, многие вызовы и угрозы

⁹ Beck D., Morgado L., O’Shea P. Educational Practices and Strategies with Immersive Learning Environments: Mapping of Reviews for using the Metaverse. // IEEE Transactions on Learning Technologies. 2023. Vol. 17. P. 338.

могут иметь манипулятивный характер. Так, например, далеко не все государства могут сталкиваться с одинаковыми проблемами, у всех они будут разными.

А причём здесь кряшенское сообщество? Мы сейчас говорим про первокурсников, которые только пришли со школьной скамьи и только начинают изучать свою будущую специальность. Они должны уже начинать задумываться о том, какую пользу он с помощью своей профессии и своего будущего труда может принести России, своему народу и своей малой Родине. Это касается и того места откуда он, где он родился. Если первокурсник поступил на направление, которое связано с национальным искусством, то он должен представлять, что его жизнь будет связана с сохранением культуры своего народа. Он должен видеть перспективу, горизонт событий своей профессиональной деятельности, быть максималистом, пусть даже в мечтах. Это же касается абсолютно любых специальностей, будь то человек учится на историка, социолога, политолога, агронома, врача, эколога и так далее. Пусть даже он не поедет к себе на малую Родину обратно, но важно чтобы кряшен-первокурсник, будущий специалист в своей профессии не халатно относился к своему будущему, а задумывался об нём на парах по “Основам Российской государственности”.

В рамках же дисциплины здесь можно дать задание написать эссе о представлении первокурсника о своей профессии и о роли в ней в будущем. В этом эссе необходимо будет отметить, чем он может помочь преодолеть вызовы и угрозы, которые стоят перед Россией именно в рамках своей профессии.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что курс “Основы Российской государственности” предоставляет широкие возможности для кряшенского сообщества, так как направлены, в первую очередь, на молодёжь. Перспективы открываются достаточно широкие: от возрождения интереса к малой Родине до мыслей о том, как он сам может помочь своей стране в той профессии, на которую он поступил учиться.

Список литературы:

1. Денисов А.Е. Внутриэтническая конкуренция и стратегии этнополитических акторов в национальных движениях // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 15-26. – DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-15-26
2. Полосин А.В. Шаг вперёд: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 7-23.

3. Beck D., Morgado L., O'Shea P. Educational Practices and Strategies with Immersive Learning Environments: Mapping of Reviews for using the Metaverse. // IEEE Transactions on Learning Technologies. 2023. Vol. 17. P. 319-341. – DOI: 10.1109/TLT.2023.3243946
4. Evans N. The Uses of Rupture in Medieval Northern Eurasian History // The Russian Review. 2024. Vol. 83. Issue 1. P. 8-16. – DOI: 10.1111/russ.12584
5. Hutchinson J. Nations as a zone of conflict. London: Sage Publications, 2005. 213 p.
6. Matin K. Uneven and Combined Development in World History: The International Relations of State-formation in Premodern Iran // European Journal of International Relations. Vol. 13. Issue 3. P. 419-447. – DOI: 10.1177/1354066107080132
7. Rosenberg J. Basic problems in the theory of uneven and combined development, part II: Unevenness and political multiplicity // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23. Issue 1. P. 165-189. – DOI: 10.1080/09557570903524270
8. Smith A. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. – N.Y.: Routledge, 2009. 184 p.

Bibliography

1. Denisov A.E. Intra-ethnic competition and strategies of ethnopolitical actors in national movements // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2022. № 3. P. 15-26. – DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-15-26
2. Polosin A.V. Step forward: the problem of worldview in modern Russia // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2022. № 3. P. 7-23.
3. Beck D., Morgado L., O'Shea P. Educational Practices and Strategies with Immersive Learning Environments: Mapping of Reviews for using the Metaverse. // IEEE Transactions on Learning Technologies. 2023. Vol. 17. P. 319-341. – DOI: 10.1109/TLT.2023.3243946
4. Evans N. The Uses of Rupture in Medieval Northern Eurasian History // The Russian Review. 2024. Vol. 83. Issue 1. P. 8-16. – DOI: 10.1111/russ.12584
5. Hutchinson J. Nations as a zone of conflict. London: Sage Publications, 2005. 213 p.
6. Matin K. Uneven and Combined Development in World History: The International Relations of State-formation in Premodern Iran // European Journal of International Relations. Vol. 13. Issue 3. P. 419-447. – DOI: 10.1177/1354066107080132
7. Rosenberg J. Basic problems in the theory of uneven and combined development, part II: Unevenness and political multiplicity // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23. Issue 1. P. 165-189. – DOI: 10.1080/09557570903524270
8. Smith A. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. – N.Y.: Routledge, 2009. 184 p.

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ).

Модели расширения территории государства: американский и российский опыт

Государства образуются по-разному. Какие-то настолько издавна времен ведут свою историю, что само их месторасположение превратилось в часть сказания о Сотворении мира. Такое представление следует из именованья Китая Поднебесной империей (пиньинь *Tiāncháo* — букв. «небесная династия»). В названии Тянь-Ся иероглиф «Тянь» выражает Небо и Бога, а «Ся» указывает на низ чего-либо. В японских источниках «Кодзики» («Записки о древних делах») и «Нихонги» («Хроники Японии») повествуется как божественные существа Идзанаги и Идзанами создавали острова, на которых возникнет государство Япония. Однако для большинства государственных образований путь обретения территории обеспечивался не божественным покровительством, а длительной борьбой за землю. Размеры государственной территории зависели от ее возможности прокормить население. Они определялись способностью людей не просто обиходить жизненное пространство, но и поэтизировать его. Также существовала зависимость от возможности найти согласие с соседями и силы защищать свои границы. Чем больше становилось государство, тем сложнее оказывались эти задачи. Когда же государство набирало силы и ему мерещились лавры будущей сверхдержавы, оно чаще всего выбирало курс территориальной экспансии.

Именно ее идеи породили основные такие парадигмы геополитики, как представления о Хартленде (англ. *Heartland* — «сердцевина», срединная земля) и Римленде (англ. *Rimland* — «Дуговая земля»). Они раздвигали территорию государства за его географические пределы, обозначенные сушей, и служили основанием для колониальной политики,

а также оправдания империализма¹. При этом идеологии, модели и методы территориальной экспансии не всегда требовали обоснования необходимости океанического разрыва коренной территории государства и приобретаемых земель, поскольку желаемое пространство находилось рядом, на том же континенте, в тех же географических координатах. Императиву их присоединения требовались лишь геополитические доказательства.

Разница подходов властей государств к постулированию таких императивов могла быть огромной. Особенно контрастной она выступает при сравнении методов, идеологии и последствий территориальной экспансии США и России. Обращение к этой политике двух современных сверхдержав позволяет не просто выявить ключевые этапы и модели расширения, обнаружить специфику идеологического обоснования экспансии и ресурсов ее реализации, но и оценить последствия таких шагов для коренных народов, экологии, региональной безопасности и системы международных отношений.

Сейчас появляются новые подходы к анализу проблем территориального расширения государств. Например, такой новый междисциплинарный подход, как теоретическая или математическая история, дает возможность выстраивать математические модели исторических процессов, а результаты моделирования сравнивать с имеющимися данными. Благодаря этому отрываются такие закономерности исторического развития, которые отражают общие тенденции самоорганизации, проявляющиеся в государственном строительстве, а также выявляются факторы, определяющие рост или уменьшение территорий государств².

Помимо синергетических методов анализа территориального расширения государств поучительные выводы можно получить благодаря моделированию, в частности, обращению к модели воображаемого государства, главной характеристикой которого является одновременное расположение его сразу в двух разноплановых мирах, что делает такое государство как бы существующим и не существующим³. Подобный образ способствует удалению из анализируемого массива данных, связанных с реальными государствами, той части информации, которая

1 Бабурин Н.С. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – М.: Магистр, 2010; Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Астрель: CORPUS, 2013.

2 Турчин П.В. Историческая динамика: как возникают и рушатся государства. На пути к теоретической истории / Пер. с англ. – М.: Ленанд, 2024.

3 Терновая Л.О. Социология воображения международных отношений: монография. – М.: ИНФРА-М, 2017.

может быть отнесена к излишней, и, наоборот, добавляет те несуществующие черты, что ложатся в основу архетипов политического и правового действия власти и общества при развертывании территориальной экспансии⁴. По-новому удастся взглянуть и на ее идеологическое обоснование.

Так, в основе американской модели экспансии лежит идея «Явного предназначения» (англ. *Manifest Destiny*). Подобное предназначение «Манифеста судьбы» было предложено в 1845 г. журналистом, политиком-демократом и дипломатом Джоном Луи О'Салливаном в статье «Аннексия», которую он опубликовал в журнале *United States Magazine and Democratic Review*. В ней он доказывал право Соединенных Штатов занимать территорию от Атлантического до Тихого океана. Эти идеи прекрасно объясняли потребность захвата любым путем, включая вооруженный (Американо-мексиканская война, 1846 – 1848), западных территорий, на которых в наши дни располагаются такие штаты, как Техас, Аризона, Калифорния⁵. Несмотря на то, что в прошлом столетии сама дефиниция «*Manifest Destiny*» ушла из политического лексикона, она продолжает присутствовать в абсолютизации цивилизаторской миссии США и подпитывает стремление распространения демократии по всему миру⁶.

Безусловно, постулирование «*Manifest Destiny*» не было стартовой точкой экспансии ни идеологически, ни практически. Идеологически ее ценность следует связать с образом «града на холме» (англ. *a city upon a hill*) из Нагорной проповеди Христа, перенесенным на желанные земли за Атлантикой еще в Старом Свете 21 марта 1630 г. в проповеди губернатора Массачусетской колонии Джона Уинтропа до того, как группа колонистов отправилась к ним на корабле «Арбелла». А практически реализация экспансии началась еще раньше, в 1626 г., с покупки Манхэттена губернатором Новых Нидерландов Петером Минейтом у местных индейцев всего лишь за одежду, ножи, бижутерию. Именно тогда и родилась главная модель расширения территории будущих Соединенных Штатов в виде получения земель за деньги⁷. В ее рамки вписывается стремление

4 Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории. – М.: РФ-Пресс, 2024.

5 Сиротинская М.М. Джон Луи О'Салливан: парадоксы судьбы // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр / под ред. Т.В. Алентьевой. Вып. 2: Памяти академика Н.Н. Болховитинова. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2009. С. 94-121.

6 Становление американского государства / С.А. Исаев, А.А. Фурсенко, В.Н. Плешков и др.; отв. ред. А.А. Фурсенко; Рос. акад. наук, Ин-т истории России, Петербург. фил. – СПб.: Наука: С.-Петербург. отделение, 1992; Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. – Л.: Наука, 1978; Smith N. American empire: Roosevelt's geographer and the prelude to globalization. Berkeley: University of California Press, 2003.

7 Анянова Е.С. К вопросу о продаже территории государства в международном праве // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8. С. 94-98.

47-го президента США Дональда Трампа присоединить к стране Гренландию, купив ее у Дании.

Эта модель органично существовала с элементарными актами аннексии территорий в результате военных действий. По пути покупки американские власти шли, приобретая: Луизиану у Франции, ищущей средства на военную кампанию (1803); Флориду, на основании Договора Адамса–Ониса (англ. *Adams–Onís Treaty*, 1819) с Испанией; Юты, Невады, Калифорнии и Колорадо по итогам вышеупомянутой Американо-мексиканской войны (1848); Аризону и Нью-Мексико благодаря «покупке Гадсдена» (англ. *Gadsden Purchase*, 1853), названной по имени посланника США в Мексике Джеймса Гадсдена; Аляску по договору с Россией (1867). Отрицательное отношение американского общества к последней сделке не позволило госсекретарю США Уильяму Генри Сьюарду продолжить эту же политику, ведя переговоры об оптовой покупке у Дании Гренландии и Исландии.

В XX столетии американцы вернулись к реализации этой модели территориальной экспансии, купив у датской Вест-Индии Виргинские острова (1917). И хотя приобретение оказалось исключительно дорогостоящим, США пошли на траты, исходя из геополитического положения этих территорий и опасности их захвата Германией в ходе Первой мировой войны. Любопытно, что Дания провела референдум по вопросу продажи островов, на котором получила одобрение сделки.

Не чужда была Соединенным Штатам и модель аннексии. Она коснулась Гавайев (1898), Филиппин и Пуэрто-Рико в ходе Испано-американской войны (1898).

Независимо от того, по какой модели шло расширение американского государства, оно сопровождалось многими издержками. Частью экспансии были истребление и ассимиляция коренного населения континента. Не менее жестко происходило освоение его природы. Именно в американской истории возникла концепция фронта (англ. *frontier* — граница, рубеж, пограничье)⁸. Первоначально обозначая зону освоения Дикого Запада, этот термин перерос в философскую парадигму, убеждающую в безграничных возможностях человека противостоять любым трудностям пограничного бытия.

Во внешнеполитическом поле опыт американской экспансии был переосмыслен в процессе борьбы с изоляционизмом⁹. Это новое видение

8 Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009.

9 Терновая Л.О. Изоляционистские модели внешней политики // Этносоциум и межнациональная

оказалось настолько продвинутым, что в массовом сознании легко закрепились идеи американской исключительности и права на роль «мирового жандарма». Когда в наши дни эти металлические устои оказались весьма зыбкими, в политический дискурс вернулись апробированные и оправдавшие себя с точки зрения обоснования геополитической мощи экспансионистские идеи, проявившиеся в стремлении властей США не только купить Гренландию, но и превратить Канаду в 51-й штат, а также восстановить американский контроль над Панамским каналом.

Российская модель территориального расширения всегда привлекала исследователей не только из-за длительности своего развития и разнообразия форм в царский, советский и современный периоды, но и в силу геополитических обстоятельств, которые, с одной стороны, объясняли мощь России, а, с другой стороны, отражали интересы тех международных акторов, которые стремились к ослаблению Российского государства путем его разделения¹⁰. Однако были в этой модели уникальные черты, которые не замечали или игнорировали те, кто рассчитывал на распад России.

Следует прислушаться к мнению российского и советского историка, академика, ректора Московского университета в 1911 – 1917 гг. Матвея Кузьмича Любавского (1860 – 1936), что при изучении истории территориального образования России, «на переднем плане должен стоять народ-строитель, колонизатор, а не народ-завоеватель, не громкие победы и трактаты, а заимка земель и заселение их, возникновение сел и городов». Любавский не случайно дает такое определение территориям, прибавленным к Московскому княжеству как, примыслы Московских князей¹¹. Старинное слово «примысел» означает сделанное, то, что было примышлено. Его содержание близко к «промыслу», имеющему толкование: «забота Бога о судьбе человека», «провидение Божие», а не близкому термину «примысел», наполненному сугубо хозяйственным значением. Поэтому на всех этапах российского территориального расширения прежде всего предполагалась забота о людях, а не о том, какие ресурсы можно извлечь из новых земель и сколько на этом выгадать.

Несмотря на то, что начало формирования территории Русского го-

культура. 2017. № 1 (103). С. 157-164.

¹⁰ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007; Формирование территории Российского государства. XVI – начало XX в. (границы и геополитика). 2-е изд. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. – М.: Русич, 2005.

¹¹ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра / АН СССР. Археографическая комиссия. – Ленинград: изд. АН СССР, 1929.

сударства отсчитывают с XIV столетия, когда стартовал процесс присоединения Москвой политическими и военными методами земель Восточно-Европейской равнины, Северного Причерноморья, Поволжья, Предуралья, Якутии, Западной и Южной Сибири, представляется, что точку отчета надо опустить на век ранее, в 1263 г. Тогда Московское княжество выделилось в качестве удела младшему сыну Александра Невского — Даниилу Александровичу. Во-первых, этим акцентируется внимание на роли центра, вокруг которого объединяются земли. Во-вторых, импульс воссоединения династически связывается с именем знаковой фигуры Российской истории — Александром Невским¹².

В правление Ивана III не только произошла трансформация Великого княжества Московского в Русское государство, что отразило факт расширения его пределов, но и окончательное освобождение от ордынской зависимости в 1480 г. Новым качеством территориальной экспансии к началу XVI столетия стало то, что государство, позиционируя себя как Третий Рим и выходя за границы собственной этнической территории, задействовало механизмы интеграции народов, создавая единую элиту, распространяя на новые земли православие, вводя общие стандарты управления и хозяйства¹³. Эти механизмы скрепляли государство, их эффективность проявилась в период Смутного времени (1598 – 1613), несмотря на то, что избавление от интервентов сопровождалось территориальными потерями, которые оказались временными¹⁴.

В последующих веках у России был как успешный опыт присоединения территорий Восточной Европы, Причерноморья, Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Заполярья, Южной Сибири, Дальнего Востока и даже Северной Америки¹⁵, так и неудачные примеры покупок земель, в частности, в 1721 г. Петром I выплата Швеции двух миллионов ефимков (1,3 млн серебряных рублей) компенсации по итогам Северной войны за Ингерманландию, часть Карелии, Эстляндии и Лифляндии. Некоторые из этих территорий не только вышли из состава едино-

12 Рябова Е.И., Терновая Л.О. Имя России — князь Александр Невский: урок ответственности власти // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6(156). С. 24-32.

13 Терновая Л.О. Римская империя и ее геополитическое наследие // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 3. № 17. С. 220-233.

14 Елишев С.О., Осипова Н.Г. Историческая Россия. Территория и перспективы. – М.: Канон +, 2020.

15 Алексеев В., Алексеева Е., Зубков К., Побережников И. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX века. – М.: Наука, 2004; Иванов В. Вхождение северо-востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 1999; Терновая Л.О. Сила Сибири: истоки региональной идентичности // Вестник Башкирского института социальных технологий. БИСТ. Серия «Регионалистика и этнополитика». 2014. № 3 (24). Сентябрь. С. 50-56.

го государства, но и превратились ныне в полигон яростной русофобии.

Были сложности территориальной интеграции и в других регионах, проявившиеся в годы Кавказской войны (1817 – 1864). Но любые издержки можно было игнорировать на фоне тех социально-экономических и культурных преимуществ, которые эти земли и населяющие их люди получали от возможностей, формирующихся в результате объединения, и появления такого мощного фактора геополитической безопасности, как общая цивилизационная идентичность.

Проведение сравнительного анализа американской и российской моделей территориального расширения позволяет выделить их общие и отличительные черты. Сходства проявлялись в том, что несмотря на то, какими методами осуществлялся этот процесс, военной силой или дипломатией, в нем возобладали экономические мотивы, предполагавшие с расширением территорий увеличение ресурсной базы развития, создание безопасных торговых путей. Обе эти модели контрастировали с имперскими паттернами колониальной экспансии западноевропейских держав (у США так было, по крайней мере, до начала Испано-американской войны, когда она затронула Филиппины и Пуэрто-Рико). Учет территориального многообразия и вытекающих из него следствий говорил в пользу федеративного государственного устройства¹⁶. И в американской, и в российской моделях присутствует конституционное оформление присоединенных территорий. Также велика роль бюрократии в управлении новыми территориями, хотя методы управления всегда зависели от этнических, географических и идеологических обстоятельств. Различия разительнее всего проявились на идеологическом поле, когда внутри каждой из моделей обозначились контрасты демократии и традиционализма, универсализма и евразийской идентичности.

Нельзя отрицать очевидного, что оба государства использовали территориальную экспансию для усиления своего глобального влияния. Здесь геополитические предпочтения намного превосходили риски конфликтов из-за территориальных споров. Также исторические модели территориальной экспансии, апробированные США и Россией, повлияли на современную геополитику, пытающуюся подстроиться под реалии формируемого многополярного мира, особенно если учитывать, что наследие экспансии влияет и на межэтнические конфликты, и на политику международных санкций.

¹⁶ Терновая Л.О. Морфология федерализма и социальная безопасность // European Social Science Journal. 2014. № 7. Том 2. С. 21-30.

Список литературы:

1. Алексеев В., Алексеева Е., Zubkov K., Poberezhnikov I. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX века. – М.: Наука, 2004. 600 с.
2. Анянова Е.С. К вопросу о продаже территории государства в международном праве // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8. С. 94-98.
3. Бабурин Н.С. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – М.: Магистр, 2010. 830 с.
4. Горский А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. – М.: Индрик, 2010. 174 с.
5. Елишев С.О., Осипова Н.Г. Историческая Россия. Территория и перспективы. – М.: Канон +, 2020. 352 с.
6. Иванов В. Вхождение северо-востока Азии в состав Русского государства. – Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 1999. 199 с.
7. Исаев И.А. Воображаемая государственность. Пространство без территории. – М.: РГ-Пресс, 2024. 224 с.
8. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. – М.: Европа, 2007. 678 с.
9. Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра / АН СССР. Археографическая комиссия. – Ленинград: изд. АН СССР, 1929. 178 с.
10. Рябова Е.И., Терновая Л.О. Имя России — князь Александр Невский: урок ответственности власти // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 24-32.
11. Сиротинская М.М. Джон Луи О'Салливан: парадоксы судьбы // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр / под ред. Т.В. Алентьевой. Вып. 2: Памяти академика Н.Н. Болховитинова. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2009. С. 94-121.
12. Становление американского государства / С.А. Исаев, А.А. Фурсенко, В.Н. Плешков и др.; отв. ред. А.А. Фурсенко; Рос. акад. наук, Ин-т истории России, Петербург. фил. – СПб.: Наука: С.-Петербург. отд-ние, 1992. 318 с.
13. Терновая Л.О. Римская империя и ее геополитическое наследие // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 3. № 17. С. 220-233.
14. Терновая Л.О. Изоляционистские модели внешней политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1 (103). С. 157-164.
15. Терновая Л.О. Морфология федерализма и социальная безопасность // European Social Science Journal. 2014. № 7. Том 2. С. 21-30.
16. Терновая Л.О. Сила Сибири: истоки региональной идентичности // Вестник Башкирского института социальных технологий. БИСТ. Серия «Регионалистика и этнополитика». 2014. № 3 (24). Сентябрь. С. 50-56.
17. Терновая Л.О. Социология воображения международных отношений: монография. – М.: ИНФРА-М, 2017. 254 с.
18. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. 304 с.
19. Турчин П.В. Историческая динамика: как возникают и рушатся государства. На пути к теоретической истории / Пер. с англ. – М.: Ленанд, 2024. 366 с.
20. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. 560 с.
21. Формирование территории Российского государства. XVI – начало XX в. (границы и геополитика). 2-е изд. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 280 с.
22. Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. – Л.: Наука, 1978. 414 с.
23. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. – М.: Русич, 2005. 500 с.
24. Smith N. American empire: Roosevelt's geographer and the prelude to globalization. Berkeley: University of California Press, 2003. XXVII. 557 p.

Refereces

1. Alekseev V., Alekseeva E., Zubkov K., Poberezhnikov I. Asian Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics. XVI - XX Centuries. – М.: Nauka, 2004. 600 p.
2. Anyanova E.S. On the Issue of the Sale of State Territory in International Law // Theory and Practice of Social Development. 2020. № 8. P. 94-98.
3. Baburin N.S. The World of Empires: State Territory and World Order. – М.: Magistr, 2010. 830 p.
4. Gorsky A. From Lands to Grand Duchies: “Fancies” of Russian Princes of the Second Half of the XIII - XV Centuries. – М.: Indrik, 2010. 174 p.
5. Elishev S.O., Osipova N.G. Historical Russia. Territory and Prospects. – Moscow: Canon +, 2020. 352 p.

6. Ivanov V. The entry of the north-east of Asia into the Russian state. – Novosibirsk: SIF “Science” RAS, 1999. 199 p.
7. Isaev I.A. Imaginary statehood. Space without territory. – Moscow: RG-Press, 2024. 224 p.
8. Lieven D. The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day / trans. from English by A. Kozlik, A. Platonov. – Moscow: Evropa, 2007. 678 p.
9. Lyubavsky M.K. Formation of the main state territory of the Great Russian nationality. Settlement and unification of the center / USSR Academy of Sciences. Archaeographic Commission. – Leningrad: publ. USSR Academy of Sciences, 1929. 178 p.
10. Ryabova E.I., Ternovaya L.O. The Name of Russia is Prince Alexander Nevsky: a Lesson in the Responsibility of Power // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2021. № 6 (156). P. 24-32.
11. Sirotinskaya M.M. John Louis O’Sullivan: Paradoxes of Fate // American Studies: Current Approaches and Modern Research: Interuniversity. collection of scientific papers / edited by T.V. Alentyeva. Issue 2: In Memory of Academician N.N. Bolkhovitinov. – Kursk: Kursk. state University, 2009. P. 94-121.
12. Formation of the American State / S.A. Isaev, A.A. Fursenko, V.N. Pleshkov et al.; ed. A.A. Fursenko; Rus. Acad. Sciences, Institute of Russian History, St. Petersburg. Phil. – St. Petersburg: Nauka: St. Petersburg Department, 1992. 318 p.
13. Ternovaya L.O. The Roman Empire and its geopolitical legacy // The Power of History and the History of Power. 2019. Vol. 5. Part 3. № 17. P. 220-233.
14. Ternovaya L.O. Isolationist models of foreign policy // Ethnosociety and interethnic culture. 2017. № 1 (103). P. 157-164.
15. Ternovaya L.O. Morphology of federalism and social security // European Social Science Journal. 2014. № 7. Vol. 2. P. 21-30.
16. Ternovaya L.O. The Power of Siberia: The Origins of Regional Identity // Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies. BIST. Series “Regional Studies and Ethnopolitics”. 2014. № 3 (24). September. P. 50-56.
17. Ternovaya L.O. Sociology of the Imagination of International Relations: Monograph. – M.: INFRA-M, 2017. 254 p.
18. Turner F.J. Frontier in American History / Translated from English by A.I. Petrenko. – M.: Ves Mir Publishing House, 2009. 304 p.
19. Turchin P.V. Historical Dynamics: How States Rise and Fall. Towards Theoretical History / Translated from English. – Moscow: Lenand, 2024. 366 p.
20. Ferguson N. Empire: What the Modern World Owes to Britain / translated from English. – Moscow: Astrel: CORPUS, 2013. 560 p.
21. Formation of the Territory of the Russian State. XVI – Early XX Century (Borders and Geopolitics). 2nd ed. – Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2017. 280 p.
22. Fursenko A.A. American Revolution and the Formation of the USA. – Leningrad: Nauka, 1978. 414 p.
23. Hosking J. Russia: People and Empire. – Moscow: Rusich, 2005. 500 p.
24. Smith N. American empire: Roosevelt’s geographer and the prelude to globalization. Berkeley: University of California Press, 2003. XXVII. 557 p.

Гарифзянов Р.Р.

*Аспирант факультета международных отношений.
Санкт-Петербургский Государственный Университет.*

Исламский фактор в современном Казахстане

Введение

В нынешнем веке глобализационных процессов вопрос терроризма и религиозного экстремизма становится особенно важным, тем более в развивающихся регионах с мусульманским населением. Вывод американских войск из Афганистана и приход к власти талибов меняет геополитический ландшафт данного региона и создает целый ряд проблем, связанных с террористической активностью, миграционными потоками и политической неопределенностью¹.

Это событие оказало серьезное влияние на систему национальной безопасности центральноазиатских стран в частности расположенных по соседству с Афганистаном (Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан). Именно туда, под видом беженцев, проникали террористы и прочие радикальные элементы с дальнейшим продвижением в Казахстан и к границам России². Это дало толчок к активизации исламских радикалов в странах ЦА (Центральной Азии), разделяющих взгляды талибов.

Среди стран ЦА в религиозном вопросе выделяется Казахстан, население которого наименее подвержено идеям радикального ислама. И этому есть вполне логичное объяснение.

История становления ислама в Казахстане

Ислам на территории современного Казахстана распространился достаточно продолжительное время. Этот процесс затянулся на несколько столетий³.

Проникновение ислама на эту территорию началось еще в VIII в., а уже в X–XII вв. тюркоязычные племена Казахстана начали в массовой форме обращаться в ислам, тем самым сделав свой исторический выбор. Монгольское завоевание изначально не стало катализатором укрепления

1 *Гарифзянов Р.Р.* Место стран Центральной Азии в российской политике в отношении Афганистана: вызовы безопасности для региона // *Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности.* 2023. С. 354.

2 Там же. С. 361.

3 *Басилов В.* Ислам в казахстанской степи // *nomad-kazakhstan,* 2006. № 5 (11). С. 32.

ислама в степи. Во многом это связано с веротерпимостью монголов, которые зачастую сами ассимилировались на завоеванных территориях. Свою окончательную победу ислам одержал в XIV в., когда приобрел статус государственной религии Золотой Орды и Чагатайского Улуса, контролировавших территории на которых проживали казахские племена⁴.

К XVI в. казахская общность в полной мере осознала себя мусульманской, причем суннитского толка, ханифитской школы. Ислам сыграл консолидирующую роль в процессе централизации ханской власти и интеграции различных казахских племенных групп в единую этническую общность⁵. На уровне массового сознания и в своих ритуально-догматических институтах ислам в Казахстане утвердился только к XVIII веку⁶. Но это был «степной ислам», отличающийся умеренностью и некой синкретичностью. Степной образ жизни, составляющий казахскую идентичность, не давал исламу укрепиться, ведь «в степи нет мечетей и мулл»⁷. А языческие воззрения и традиции на долго укоренились в казахской памяти.

После присоединения территорий Казахстана к Российской империи царская власть решила перевести казахов на оседлость, навязав им «русскую имперскую культуру и ее ценности»⁸. По мнению властей, переход к оседлости привел бы к «окультуриванию» кочевых народов империи⁹. Это происходило путем создания в «степи» религиозных (мектебов, медресе), а затем и более светских (училищ) учебных заведений¹⁰.

Особый этап в развитии ислама в Казахстане обуславливается продолжительным господством атеизма, который повсеместно внедрял Советский Союз. Тем не менее, в данный период не произошло полного вытеснения ислама. Он сохранился как часть «этнической идентификации»¹¹, но принадлежность к нему стала иметь преимущественно символический характер.

После распада СССР в ЦА образовалось пять новых независимых

4 Нуртузина Н. Ислам в Казахском ханстве (XV–XVIII вв.). Алматы: Казак университет, 2009. С. 3.

5 Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. Алматы, 1998. С. 20.

6 Там же. С. 3.

7 Ларина Е.И. О соотношении национального и исламского в казахских традициях // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре. 2016. С. 158.

8 Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей/ отв. ред. и сост. В.О. Бобровников. М.: ООО «Садра», 2017. С. 42.

9 Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio. 2011. С. 180.

10 Стурова М.В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 90.

11 Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. Алматы, 1998. С.55.

государств. Наибольшую актуальность для них приобретали проблемы государственного строительства и конструирования национальной идентичности. Главным аспектом национального строительства стран ЦА, первые истоки которого появляются в годы перестройки, является идея «духовного возрождения». Под этим подразумевался, преимущественно, возврат к традиционным формам культуры, в том числе и религии.

По мнению некоторых специалистов¹², ислам в ЦА играл роль связующего материала для консолидации общества, которое нужно было отвлечь от социально-экономических проблем новообразованных стран. Апелляция глав государств ЦА к исламским ценностям была нацелена, в первую очередь, на мобилизацию общественного мнения и придание легитимности правлению новоявленных «отцов наций»¹³.

В результате, влияние религии на большинство сфер общественной жизни их населения значительно усилилось, но в каждом государстве в разной степени. В том числе усилилось влияние религии на их внешнюю и внутреннюю политику. Именно с этого момента резко активизировалась деятельность различных мусульманских организаций и произошел всплеск интереса населения к религии.

Таким образом, ислам уверенно занял важное место в вопросе казахстанского возрождения. Он стал важнейшей частью казахской национальной идентичности и консолидации общества. Однако, казахстанский ислам выделялся на фоне ислама других республик ЦА и имел ряд определенных особенностей.

Возрождение ислама в Казахстане в 1990 - нач. 2000 гг.

В 1990-е г. религиозная ситуация в Казахстане изменилась. Произошел всплеск интереса казахов к исламу. Произошел т.н. религиозный ренессанс¹⁴. С обретением религиозной «независимости», в 1990 г. был основан независимый «Муфтият мусульман Казахстана», который затем переименовали в «Духовное управление мусульман Казахстана» (ДУМК).

12 *Гарбузарова Е.Г.* Ислам в государствах Центральной Азии в современный период // Исламоведение. 2019. № 2. С. 23.

Алимова К.Т. Ислам в Центральной Азии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 1 (53). С. 11.

13 *Шамгунов Р.Г.* Исламский фактор в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 4. С. 92-93.

Комлякова Ю.Ю. Значение ислама в формировании политического курса государств Центральной Азии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4 (68). С. 46.

14 *Смагулов К.* Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 3. С. 57.

Уже в 1990 г. появляется первый перевод Корана на казахский язык, большими темпами стала издаваться и распространяться пропагандистская мусульманская литература (преимущественно переводы зарубежных исламских книг).

С обретением Казахстаном независимости также активизируется процесс возвращения мечетей верующему населению, их восстановление и строительство. В результате, количество мечетей с 1989 г. к 1999 г. увеличилось более чем в десять раз.

Параллельно Республика Казахстан (РК) начинает налаживать отношения с исламским миром. Так, выстраиваются отношения с Пакистаном, Турцией, Ливией, Египтом и прочими мусульманскими странами. А уже в 1995 г. Казахстан вступил в ОИС (Организация Исламского сотрудничества).

В образовательной сфере начинается подготовка отечественных религиозных кадров. При мечетях начинают создавать кружки, воскресные школы и курсы по подготовке низшего звена священнослужителей. Однако местных специалистов не хватало, поэтому многие будущие религиозные кадры обучались за рубежом.

Действительно, новые партнеры Казахстана старались помочь ему в религиозном вопросе. Ими были выделены квоты казахстанцам на бесплатную учебу в своих религиозных заведениях. Так, уже в 1996 г. около восьмидесяти человек училось в университете Аль-Азхар в Египте, более ста студентов в Турции и около двадцати в Пакистане. В дальнейшем это привело к определенным проблемам, но об этом позже.

В возрождении и популяризации ислама на территории РК в 1990 – нач. 2000-х гг. важную роль сыграло достаточно либеральное религиозное законодательство, позволяющее работать различным НПО и религиозным объединениям и образованию ДУМК, а также помощь властей в его работе. Это позволило установить связи с различными религиозными фондами и иностранными ВУЗами, помогавшим РК с подготовкой отечественных религиозных кадров.

К тому же, в 1990-е г. на фоне афганских событий и активного религиозного влияния арабских стран (в т.ч. Турции и Пакистана) практически в каждой республике ЦА начинают появляться исламские политические организации, в том числе радикальные. В Казахстане же это не получило широкого распространения. Во-первых, Казахстан был наиболее отдален от Афганистана и во-вторых, по мнению Е.И. Лариной и О.Б. Наумовой это связано с тем, что у казахов, в частности у северных, несмотря

на сильный всплеск интереса к исламу, не было сильного религиозного фанатизма¹⁵.

Действительно, уровень религиозности населения Казахстана является самым низким в ЦА. Это связано прежде всего с тем, что Казахстан был лидером по количеству славянского населения среди республик. Этот фактор усиливается синкретичностью казахского ислама¹⁶.

К тому же, в сравнении с другими государствами ЦА, Казахстан выделяется тем, что его верующее население не поддерживает политические проявления религии и слабо поддерживает законы шариата. У казахстанцев религиозность проявляется в большей степени во внимании к общинным праздникам, верности культурным ценностям и социальным нравам казахских общин¹⁷.

Особенности казахского ислама

Казахский ислам имеет ряд определенных особенностей и отличается от классического. По мнению Е.И. Лариной, большинство казахов не являются глубоко верующими. У казахов зачастую под религией подразумевается не знание и использование правил классического ислама, а наличие самых разных традиций, составляющей частью которых является ислам¹⁸.

Действительно, до 2000-х г. наиболее религиозной частью населения РК считались не казахи, а исповедующие ислам представители узбекской, чеченской и уйгурской этнических групп¹⁹. Многие казахи, называющие себя мусульманами, подразумевают под этим соблюдение определенных норм поведения и выполнение определенных предписаний: не курить, не пить, держать пост, читать намаз, праздновать Ураза-айт и Курбан-айт (более привычные названия Ураза-Байрама и Курбан-Байрама в Казахстане), давать садака и батыр в мечеть.²⁰ Такие представления о правоверном мусульманине предписывают обычно людям, осознанная жизнь

15 Ларина Е.И. О соотношении национального и исламского в казахских традициях // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной. 2016. С. 157-158.

16 Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань: Казан. ун-т, 2013. 294 с.

Раздыкова Г.М. О синкретичности погребально-поминального комплекса обрядов казахов в конце XIX - начале XX вв // Вестник ЗКГУ. 2019. № 3 (75). С. 362.

17 Михайлов Д.М. «Светская религия»: ислам в казахстанском национальном строительстве // Полит. наука. 2020. № 4. С. 250.

18 Ларина Е.И. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 87.

19 Смагулов К. Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 3. С. 71.

20 Ларина Е.И. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 88.

которых пришлось на годы атеизма, навязываемого советским союзом.

Вообще, исламские традиции имеют большую силу в южных областях РК, граничащих с Узбекистаном, т.к. ислам традиционно высоко влияет на оседлое население. Степной же Северный, Восточный и Центральный Казахстан, более умеренный в религиозном смысле. Степь всегда мешала укрепиться исламу. «Степной народ всегда будет молиться степным природным явлениям»²¹.

Именно у населения вышеперечисленных частей РК многие нормы классического ислама заменены на народные. Так, например, многие казахи «заменяют» намаз, который следует делать 5 раз в день, на «бата» (бата-беру). Как правило трапеза обычно заканчивается ритуальным произнесением бата, который совершает обычно наиболее уважаемый человек, зачастую отец семейства²². Часто в бата включены элементы молитвы, что, по мнению некоторых, заменяет намаз.

У некоторой части казахов, в основном у северных, был распространен похоронный ритуал «даур» (искат, фидия) - обряд посмертного искупления грехов покойного посредством их продажи за определенную плату муллам²³. Это одно из самых ярких противоречий бытового и классического ислама, т. к. свои корни обряд берет в язычестве. В настоящее время его выполняют казахи, в основном проживающие на территории России и севера Казахстана. В остальной части Казахстана данный ритуал практически не практикуется. Частью этого ритуала является другой похоронный обычай – «жыртыс» (раздача кусков материи). Участники похорон брали жыртыс, так как верили, что посредством лоскутков смогут приобрести положительные качества умершего²⁴. Данные обычаи заметно распространились среди казахского населения в советское время.

К группе похоронных ритуалов можно отнести и обряд щек. Другое название «шек беру» – поминание умерших родственников. Зачастую данный обряд проводится за один день до Курбан-айта. На этот праздник приглашаются все близкие родственники и глава семьи, совершив поминание, может угощать всех едой²⁵.

21 Ларина Е.И. О соотношении национального и исламского в казахских традициях // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре – Самара: СГСПУ, 2016. С. 158.

22 Ларина Е.И. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 90.

23 Ерназаров Ж.Т. Этнознаковые функции погребально-поминальной обрядности казахов // Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен, 2022. С. 113.

24 Мусагажинова А.А. Доисламские элементы в погребальной обрядности казахов Павлодарского Прииртышья // ВААЭ. 2015. № 1 (28). С. 136.

25 Джанзакова Ш.И. Этнокультурные традиции казахской семьи в духовно-нравственном воспитании детей и подрастающего поколения // МНКО. 2021. № 6 (91). С. 295.

Стоит обратить внимание и на тасаттык – обряд вызывания дождя, который также встречает сопротивление со стороны местных мулл. Хоть в хадисах и имеется «Книга моления о ниспослании дождя», данный обряд наделяют языческим смыслом и зачастую он носит развлекательный характер, проявляющийся в обливании всех водой.

Традиционный обряд щек, наряду с такими практиками как даур, жыртас и тасаттык, становится объектом критики со стороны представителей казахского исламского духовенства. Основным предметом дискуссий выступает ритуально-пищевой аспект данного обряда. Следует отметить, что предпраздничные дни Курбан-байрама занимают особое место в исламском календаре как дни благочестивого поминовения. Поскольку проведение щека совпадает с периодом поста, религиозные авторитеты усматривают в данной традиции противоречие нормам ислама

Особое место среди национальных особенностей казахов занимает уважительное отношение к старшим. Причем не важно к кому: родителям, родственникам или просто окружающим людям. Соблюдение традиции по иерархии «старший - младший» является обязательным для каждой семьи²⁶. И это можно проследить во всех перечисленных нами ритуалах (не считая тасаттык).

В настоящее время вышеперечисленные ритуалы в Казахстане постепенно вытесняются. Наблюдается рост исламизации населения (классическим исламом) и унификации обрядов и ритуалов. Однако, для большинства казахов религия — это преимущественно национальная традиция. Религиозность у них проявляется в традиционных праздниках и устоях казахских общин²⁷. Некоторые исследователи прозвали феномен казахского ислама «религиозным минимализмом»²⁸.

Действительно, несмотря на то, что число мечетей, религиозных кадров, а, следовательно, и верующих увеличивается, ислам в Казахстане является частью народной традиции и смешивается с языческими обрядами и обычаями. Казахский ислам весьма умеренный и в каком-то смысле дистанцированный от классического ислама. Это дистанцирование обусловлено историческими предпосылками и особенностями, а также целенаправленной политикой государства для минимизации влияния на РК иностранных государств и экстремистских течений, которые могут

26 Там же.

27 Михайлов Д.М. «Светская религия»: ислам в казахстанском национальном строительстве // Полит. наука. 2020. № 4. С. 250.

28 Ларина Е.И. О соотношении национального и исламского в казахских традициях // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре – Самара: СГСПУ, 2016. С. 158.

угрожать гражданам республики. Это отразилось бы на казахстанском суверенитете, мобилизационном ресурсе, государственной идеологии и национальной идентичности. Именно поэтому в общественно-политическом дискурсе Казахстана появился тезис «казахский ислам».

Проблема религиозного экстремизма и радикализма в современном Казахстане и политика противодействия им со стороны властей

Проблема радикализации религии имеется практически в каждом регионе мира и имеет свою определённую специфику. Так, например, в центральноазиатском регионе феномен исламского экстремизма порождает не столько религиозный, сколько социальный протест, являющийся показателем социального неблагополучия в обществе. Именно поэтому ЦА является удачной площадкой для распространения идей исламского фундаментализма²⁹, усиливающегося соседством с нестабильным Афганистаном. Сказанное в полной мере касается и Казахстана.

В первые годы своего развития РК сделала важный шаг в области разработки и реализации религиозной политики. Важнейшее решение РК в этой области — это создание ДУМК, взявшее под свой контроль большую часть мечетей страны и являющееся посредником между мусульманами и государством.

Однако существовали и проблемы. Главная из них заключается в том, что период «исламского ренессанса» в Казахстане совпал с весьма низким уровнем религиозного образования духовенства и простых граждан, что породило множество проблем.

После первой волны появления радикальных течений в Казахстане (конец 1990 – начало 2000-х гг.) руководство РК, для противодействия радикализму и экстремизму, пересмотрело свое отношение к заграничному религиозному образованию молодежи.

Как говорилось ранее, некоторые студенты получали религиозное образование за границей на бесплатной основе. «В ходе обучения некоторые казахстанские студенты неизбежно усваивали религиозные взгляды и ценности, которые отличались от традиционно принятых в Казахстане. Нередко они попадали под влияние представителей радикальных исламских организаций»³⁰. В результате, часть студентов, ставших в дальней-

29 Шамгунов Р.Г. Исламский фактор в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2004. № 4. С. 97.

30 Маульшариф М. Религиозный экстремизм в Казахстане // ҚазҰУ Хабаршысы. Психология және Социология сериясы. 2013. № 1. С. 86.

Нурғалиева А.М. Причины и условия распространения в Казахстане идей исламского экстремизма // International scientific review. 2016. № 10 (20). С. 69.

шем представителями духовенства, относились к религии с особым фанатизмом. В частности, с фанатической строгостью соблюдали обряды, что было характерным скорее для ханбалитской школы (мазхабу), нежели ханафитской - традиционной для казахов.

Отголоски сложившейся ситуации долгие годы напоминали о себе. В результате правительство Казахстана сделало упор на воспитание местных религиозных кадров и приняло поправки в законодательство о борьбе с экстремизмом, направленные на приведение законодательства страны в соответствие с Государственной программой по противодействию экстремизму и терроризму на 2013-2017 годы³¹.

По мере развития коммуникационных технологий и повсеместного свободного доступа к ним ситуация снова изменилась. Растет количество мобильных приложений, которые облегчают скачивание экстремисткой литературы на технические устройства (компьютер, планшет, мобильный телефон), доступ к которым имеется уже у каждого человека. Именно интернет предоставляет религиозным лидерам и вербовщикам возможность масштабного воздействия на целевые аудитории при сохранении анонимности и минимальных рисков идентификации со стороны органов государственной безопасности.

Особенному риску подвержена молодежь, которая, в большинстве своем, не обладает достаточными религиозными знаниями, но имеет свободный доступ в интернет. Она является самым активным действующим лицом в виртуальном мире и наиболее остальных подвержена деструктивному влиянию.

В результате, на смену старой программы по противодействию терроризму и религиозному экстремизму приходит новая - на 2018-2022 гг. Она более детально подходит к проблеме профилактики терроризма и экстремизма³².

К тому же власти РК принимают активные меры посредством ДУМК, которое негласно контролируется государством, для проведения своей политики в данной сфере. Эта политика заключается в профилактике проявления в республике радикальных форм ислама, путем ограничения и замены радикальных и фанатичных духовных деятелей на более уме-

Поляков К.И. *Исламский экстремизм в Центральной Азии*. – М.: ИВ, 2014. С. 15.

31 Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013 - 2017 годы. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648> (Дата обращения: 20.5.2025).

32 Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 - 2022 годы. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124> (Дата обращения: 22.05.2025).

ренных и лояльных.

Таким образом, взаимоотношения государства и ислама в Казахстане характеризуются определенной двойственностью. С одной стороны, государство оказывает поддержку и признание традиционному исламу. С другой же преследует «неверных» и желает взять эту сферу под полный контроль.

С приходом к власти талибов в 2021 году появился риск их экспансии в Центральную Азию, след которой был обнаружен во время январских беспорядков 2022 г., самыми активными участниками которых, по мнению К-Ж. Токаева были иностранные боевики преимущественно из Афганистана, стран ЦА, и ближнего Востока³³ (в т.ч. ИГИЛ³⁴). В связи с этим власти Казахстана ужесточили контроль за радикальной идеологией и последователями экстремистских учений.

В настоящее время власти Казахстана активно работают в сфере купирования идеологии терроризма и экстремизма. Действительно, по мнению политолога В. Колточника «Казахстан при Токаеве выбрал четкую линию противодействия религиозному экстремизму и его политическим веяниям. Страна прошла идеологическую вакцинацию, сформулировав четкий концепт «справедливого Казахстана» и идеологемы «Адал адам – Адал еңбек – Адал табыс», и активно продвигает кампанию светского воспитания...»³⁵.

Сейчас Казахстан, как и ранее, меньше всего из стран ЦА подвержен влиянию экстремистских и террористических идей и соответственно наиболее «спокойный» среди соседей по региону, особенно на фоне событий в Афганистане, с которым у Казахстана в настоящее время складываются вполне позитивные партнерские отношения.

В 2023 г. РК активизировала свою политику и в других сферах. В январе 2023 г. появилась информация, что РК возобновляет ранее действующую образовательную программу для афганских студентов, которая нацелена на то, чтобы в дальнейшем они приняли идеи более умеренного ислама.

Казахстан, являясь одним из крупнейших импортеров Афганистана, продолжает активно наращивать с ним товарооборот. На текущем этапе

33 Касым-Жомарт Токаев провел переговоры с Президентом Европейского Совета Шарлем Мишелем. // URL: <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-provel-peregovory-s-prezidentom-evropeyskogo-soveta-sharlem-mishelem-1002514> (Дата обращения: 19.5.2025).

34 Запрещенная в России террористическая организация.

35 Токаев четко обозначил позицию РК в отношении религиозного фундаментализма и салафизма, считает эксперт В. Колточник // URL: <https://www.nur.kz/society/2118192-tokaev-chetko-obozeichnet-pozitsiyu-rk-v-otnoshenii-religioznogo-fundamentalizma-i-salafizma-schitaet-ekspert-v-koltochnik/> (Дата обращения: 20.05.2025).

Республика Казахстан последовательно наращивает своё участие в процессах экономической стабилизации Афганистана, уделяя особое внимание развитию трансграничных торгово-логистических коридоров и интеграционных проектов регионального значения³⁶. Это замотивировано в первую очередь стремлением Казахстана выйти на новый торгово-экономический уровень отношений с Афганистаном.

Выводы

После развала СССР, в центральноазиатских странах произошло возрождение ислама или т.н. «исламский ренессанс». В данном вопросе Казахстан выделялся на фоне своих соседей по региону. Если население соседних республик (в частности Узбекистана, Таджикистана) было более подвержено влиянию радикального ислама, то «казахских ислам» отличался особой умеренностью и толерантностью.

Отличие религиозной ситуации в Казахстане от ситуаций его соседей по региону обусловлено рядом казахстанских особенностей:

1) Этническое разнообразие. В Казахстане, в сравнении с другими государствами региона, проживало наибольшее количество славянского (в основной массе христиане) населения. Вплоть до развала СССР славянское население превалировало над коренным, что способствовало продвижению русского языка и культуры. Это культурное влияние иногда ослабляло традиционные исламские практики среди казахов, особенно в северных регионах, где было сосредоточено русское население. В настоящее время около четверти населения республики являются христианами, что создает естественные барьеры для исламизации.

2) Историко-географический фактор. Ислам в Казахстане был достаточно синкретичным, т.е. представлял некую смесь ислама с местными языческими (тенгрианскими) верованиями по причине того, что казахи являются степным народом, а степной образ жизни не давал исламу там укрепиться. К тому же Казахстан, в сравнении с остальными странами ЦА, наиболее удален от Афганистана

3) Социально-экономический фактор. Население Казахстана является самым урбанизированным в ЦА (порядка 60%), что снижает влияние сельских консервативных общин, а доходы населения выше региональных, что уменьшает социальную базу религиозному фундаментализму.

4) Жесткий контроль со стороны государства. Руководство республи-

³⁶ Прагматичный подход к сотрудничеству Казахстана с Афганистаном: экспертное измерение. // URL: <https://kisi.kz/ru/pragmaticchnyj-podhod-k-sotrudnichestvu-kazahstana-s-afganistanom-ekspertnoe-izmerenie/> (Дата обращения: 23.05.2025).

ки тесно сотрудничает с ДУМК, которое, в свою очередь, является носителем умеренных взглядов. Также в отличие от других центральноазиатских республик в Казахстане действовал государственный запрет на создание религиозных партий.

Именно эти факторы не позволили казахскому исламу приобрести радикальные черты и в совокупности дают основания говорить об особом «казахском исламе», который не стал «ключевым фактором этнической мобилизации казахов», а был органично инкорпорирован в систему традиционных культурных практик, сосуществуя с традиционными верованиями.

Действительно, большинство казахов, искренне считающих себя истинными мусульманами, не соблюдают элементарные правила классического ислама. Для них обрядовая сторона считается второстепенной, причем ритуальные практики гибриды по своей сущности и включают в себя как народное понимание ислама и его переосмысленные догмы, так и нормы классического ислама.

В настоящее время ислам во всех его проявлениях является, хоть и не главным, но достаточно важным фактором для выражения не только религиозного, но и этнонационального самосознания казахов.

Список литературы:

1. Алимova К.Т. Ислам в Центральной Азии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 1 (53). С. 5-12.
2. Басилов В. Ислам в казахстанской степи / В.Н. Басилов, Б.Х. Кармышева // nomad-kazakhstan, 2006. № 5 (11). С. 31-37.
3. Белоглазов А. В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань: Казан. ун-т, 2013. 294 с.
4. Гарбузарова Е.Г. Ислам в государствах Центральной Азии в современный период // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 2 (40). С. 22-31.
5. Гарифзянов Р.Р. Место стран Центральной Азии в российской политике в отношении Афганистана: вызовы безопасности для региона / Р. Р. Гарифзянов // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности: Сборник работ X международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2023. С. 353-365.
6. Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013 – 2017 годы. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648> (Дата обращения: 20.5.2025).
7. Джанзакова Ш.И. Этнокультурные традиции казахской семьи в духовно-нравственном воспитании детей и подрастающего поколения / Ш.И. Джанзакова, Д.Р. Муталиева, А.А. Мурзашева // МНКО. 2021. № 6 (91). С. 294-297.
8. Ерназаров Ж.Т. Этнознаковые функции погребально-поминальной обрядности казахов // Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : Сборник статей всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. К 250-летию со дня рождения оренбургского военного губернатора П.К. Эссена (1772 г.), 100-летию создания Центрального бюро краеведения (1921-1922 гг.), 100-летию со дня рождения выдающегося популяризатора истории, выпускника Чкаловского педагогического института С.П. Алексеева (1922 г.). В 2-х томах, Оренбург, 31 марта – 02 2022 года / Науч. редактор С.В. Любичанковский. Том 2. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2022. С. 110-114.
9. Касым-Жомарт Токаев провел переговоры с Президентом Европейского Совета Шарлем Мишелем. // URL: <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-provel-peregovory-s-prezidentom-evropeyskogo-soveta-sharlem-mishelem-1002514> (Дата обращения: 19.05.2025).

10. Комлякова Ю.Ю. Значение ислама в формировании политического курса государств Центральной Азии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4 (68). С. 46-50.
11. Ларина Е.И. О соотношении национального и исламского в казахских традициях / Е.И. Ларина, О.Б. Наумова // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре : Сборник статей, посвященный 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов», Самара, 23–25 июня 2016 года. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2016. С. 152-158.
12. Ларина Е.И. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов / Е.И. Ларина, О.Б. Наумова // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 83-96.
13. Маульшариф М. Религиозный экстремизм в Казахстане [Текст] / М. Маульшариф, Ж.А. Базаркулова // ҚазҰУ Хабаршысы. Психология және Социология сериясы. 2013. № 1. С. 84-93
14. Михайлов Д.М. «Светская религия»: ислам в казахстанском национальном строительстве / Д.М. Михайлов, Н.М. Тернов // Полит. наука. 2020. № 4. С. 246-268.
15. Мусагажинова А.А. Доисламские элементы в погребальной обрядности казахов Павлодарского Прииртышья // ВААЭ. 2015. № 1 (28). С. 133-137.
16. Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И.В. Герасимов, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнов. – М.: ООО «Садра», 2017. 424 с.
17. Токаев четко обозначил позицию РК в отношении религиозного фундаментализма и салафизма, считает эксперт В. Колтоchnik // URL: <https://www.nur.kz/society/2118192-tokaev-chetko-oboznachil-poziciyu-rk-v-otnoshenii-religioznogo-fundamentalizma-i-salafizma-schitaet-ekspert-v-koltochnik/> (Дата обращения: 20.05.2025).
18. Нурғалиева А.М. Причины и условия распространения в Казахстане идей исламского экстремизма / А.М. Нурғалиева, Ж.К. Нурғалиева. – Текст: непосредственный // International scientific review. 2016. № 10. P. 67-70.
19. Нуртузина Н. Ислам в Казахском ханстве (XV–XVIII вв.) / Н. Нуртузина. Алматы: Казак университети, 2009. 116 с.
20. Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 – 2022 годы. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124>(Дата обращения: 22.05.2025).
21. Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии / Предисл. И. Звягельской; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. – М.: ИВ, 2014. 134.
22. Прагматичный подход к сотрудничеству Казахстана с Афганистаном: экспертное измерение. // URL: <https://kisi.kz/ru/pragmaticchnyj-podhod-k-sotrudnichestvu-kazahstana-s-afganistanom-ekspertnoe-izmerenie/> (Дата обращения: 23.05.2025).
23. Раздыкова Г.М. О синкретичности погребально-поминального комплекса обрядов казахов в конце XIX – начале XX вв. // Вестник ЗКГУ. 2019. № 3 (75). С. 358-364.
24. Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio 1. 2011. С. 169-205.
25. Смагулов К. Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 3. С. 53-73.
26. Стурова М.В. Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал-губернаторства начала XX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 88-98.
27. Султанғалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество / А.К. Султанғалиева. Алматы, 1998. 182 с.
28. Шамгунов Р.Г. Исламский фактор в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 4. С. 87-98.

Bibliography

1. Alimova K.T. Islam in Central Asia // Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2016. № 1 (53). P. 5-12.
2. Basilov V. Islam in the Kazakh steppe / V.N. Basilov, B.Kh. Karmysheva // nomad-kazakhstan, 2006. № 5 (11). P. 31-37.
3. Beloglazov A.V. The influence of Islam on political processes in Central Asia. Kazan: Kazan. University, 2013. 294 p.
4. Garbuzarova E.G. Islam in the states of Central Asia in the modern period // Islamic studies. 2019. Vol. 10. № 2 (40). P. 22-31.
5. Garifzyanov R.R. The Place of Central Asian Countries in Russian Policy Towards Afghanistan: Security Challenges for the Region / R.R. Garifzyanov // Russia in the Global World: New Challenges and Opportunities: Proceedings of the X International Student Scientific Conference, St. Petersburg, March 24–26, 2022. – St. Petersburg: ООО Skifi-

ya-print, 2023. P. 353-365.

6. The State Program for Countering Religious Extremism and Terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2013–2017. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648> (20.5.2025).
7. Dzhanzakova Sh.I. Ethnocultural Traditions of the Kazakh Family in the Spiritual and Moral Education of Children and the Young Generation / Sh.I. Dzhanzakova, D.R. Mutaliev, A.A. Murzasheva // MNKO. 2021. № 6 (91). P. 294-297.
8. Ernazarov Zh.T. Ethnic symbolic functions of the funeral and memorial rites of the Kazakhs // The Eleventh Bolshakov Readings. The Orenburg Region as a Historical and Cultural Phenomenon: Collection of articles from the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. To the 250th anniversary of the birth of the Orenburg military governor P.K. Essen (1772), the 100th anniversary of the creation of the Central Bureau of Local History (1921-1922), the 100th anniversary of the birth of the outstanding popularizer of history, graduate of the Chkalov Pedagogical Institute S.P. Alekseev (1922). In 2 volumes, Orenburg, March 31 – February 2, 2022 / Scientific editor S.V. Lyubichankovsky. Volume 2. – Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2022. P. 110-114.
9. Kassym-Jomart Tokayev held talks with President of the European Council Charles Michel. // URL: <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokayev-provel-peregovory-s-prezidentom-evropeyskogo-soveta-sharlem-mishelem-1002514> (19.05.2025).
10. Komlyakova Yu.Yu. The Importance of Islam in Forming the Political Course of the Central Asian States // Bulletin of the Kemerovo State University. 2016. № 4 (68). P. 46-50.
11. Larina E.I. On the Relationship between the National and the Islamic in Kazakh Traditions / E.I. Larina, O.B. Naumova // Holidays and Rituals in the Ural-Volga Region: Traditions and Innovations in Modern Culture: A Collection of Articles Dedicated to the 30th Anniversary of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture of the Samara State Social-Pedagogical University and the 15th Anniversary of the State Social-Pedagogical University “House of Friendship of Peoples”, Samara, June 23-25, 2016. - Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 2016. P. 152-158.
12. Larina E.I. Modern religious consciousness of Russian Kazakhs and Islamic imams / E.I. Larina, O.B. Naumova // Ethnographic review. 2008. № 1. P. 83-96.
13. Maulsharif M. Religious extremism in Kazakhstan [Text] / M. Maulsharif, Zh.A. Bazarkulova // Kazakh Language and Psychology Series. 2013. № 1. P. 84-93
14. Mikhailov D.M. “Secular religion”: Islam in Kazakhstan’s national construction / D.M. Mikhailov, N.M. Ternov // Political science. 2020. № 4. P. 246-268.
15. Musagazhinova A.A. Pre-Islamic elements in the funeral rites of the Kazakhs of the Pavlodar Irtysh region // VAAE. 2015. № 1 (28). P. 133-137.
16. Muslims in the new imperial history: collection of articles / ed. and compiled by V.O. Bobrovnikov, I.V. Gerasimov, S.V. Glebov, A.P. Kaplunovsky, M.B. Mogilner, A.M. Semenov. – M.: OOO “Sadra”, 2017. 424 p.
17. Tokayev clearly outlined the position of the Republic of Kazakhstan regarding religious fundamentalism and Salafism, according to expert V. Koltchchnik // URL: <https://www.nur.kz/society/2118192-tokayev-chetko-oboznachil-pozitsiyu-rk-v-otnoshenii-religioznogo-fundamentalizma-i-salafizma-shchitaet-ekspert-v-koltochnik/> (20.05.2025).
18. Nurgalieva A.M. Causes and conditions for the spread of Islamic extremism ideas in Kazakhstan / A.M. Nurgalieva, Zh.K. Nurgalieva. - Text: direct // International scientific review. 2016. № 10. P. 67-70.
19. Nurtuzyna N. Islam in the Kazakh Khanate (15th-18th centuries) / N. Nurtuzyna. Almaty: Kazakh University, 2009. 116 p.
20. On approval of the State Program for Combating Religious Extremism and Terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2018-2022. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124> (22.05.2025).
21. Polyakov K.I. Islamic Extremism in Central Asia / Preface by I. Zvyagelskaya; Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. – M.: IV, 2014. 134.
22. A Pragmatic Approach to Kazakhstan’s Cooperation with Afghanistan: An Expert Dimension. // URL: <https://kisi.kz/ru/pragmatichnyj-podhod-k-sotrudnichestvu-kazahstana-s-afganistanom-ekspertnoe-izmerenie/> (23.05.2025).
23. Razdykova G.M. On the syncretic nature of the funeral and memorial complex of Kazakh rites in the late 19th – early 20th centuries // Bulletin of ZKSU. 2019. № 3 (75). P. 358-364.
24. Remnev A.V. Coloniality, postcoloniality and “historical policy” in modern Kazakhstan // Ab Imperio 1. 2011. P. 169-205.
25. Smagulov K. The modern religious situation in Kazakhstan // Central Asia and the Caucasus. 2011. Vol. 14. № 3. P. 53-73.
26. Sturova M.V. Russian-Kazakh schools in the system of public administration of the educational space of the Steppe Governorate-General of the early 20th century // Peoples and religions of Eurasia. 2018. № 3 (16). P. 88-98.
27. Sultangaliyeva A.K. Islam in Kazakhstan: history, ethnicity, society / A.K. Sultangaliyeva. Almaty, 1998. 182 p.
28. Shamgunov R.G. Islamic factor in Central Asia // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations. 2004. № 4. P. 87-98.

Абулзицзян Шавути

*Доцент, магистр-наставник
Института марксизма Синьцзянского педагогического университета, КНР.*

Шан Кан

*Магистрант направления
«Идеологическое и политическое воспитание»
Института марксизма Синьцзянского педагогического университета, КНР.*

**Продвижение строительства
«Масштабного курса идеологической
и политической работы» через Собрание
восхваления в национальном единстве и прогрессе:
ценностные ориентиры, содержательная
направленность и практические пути**

Аннотация. Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе, являясь символическим мероприятием, сочетающим политическое руководство и идейно-воспитательную работу, по своему функциональному значению соответствует задачам построения «масштабного курса идеологической и политической работы», взаимно дополняя его. Оно связано с формированием национального дискурса и нарративной системы «масштабного курса идеологической и политической работы», эффективным укреплением сознания сообщества китайской нации в осязаемой и ощутимой форме, а также продолжением национальной главы китайской модернизации на новом этапе эпохи. Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе служит практической реализацией «масштабного курса идеологической и политической работы». Его скрытые «пространственное измерение», «организационное измерение» и «кадровое измерение» соответствуют требованиям построения «масштабной аудитории», создания «масштабной платформы» и формирования «сильного преподавательского состава». В новую эпоху продвижение «масштабного курса идеологической и политической работы» может осуществляться через использование передового опыта для создания насыщенной атмосферы «масштабного курса идеологической

и политической работы», умелое применение ритуалов и церемоний как разнообразных носителей его содержания и инновационные методы пропаганды, и отработку уникальных брендов «масштабного курса идеологической и политической работы».

Ключевые слова: Национальное единство и прогресс, Политическое руководство, Идеологическая и образовательная работа, Идеологическая и политическая работа в классе, Национальная система учебных программ, Процесс модернизации Китая.

Abulizijiang Shawuti

*Associate Professor, Master's Degree Mentor,
Institute of Marxism, Xinjiang Normal University, PRC.*

Shan Kang

*Master's Degree Student, Ideological and Political Education,
Institute of Marxism, Xinjiang Normal University, PRC.*

Promoting the construction of the «Large-Scale ideological and political work course» through the praise assembly for national unity and progress: value guidelines, content focus, and practical paths

Annotation. The National Unity and Progress Commendation Conference, as a symbolic event with both political leadership and ideological education, fits with and achieves the construction of the 'Great Ideology and Politics Course' in a functional sense, and is related to the construction of the 'Great Ideology and Politics Course's' national discourse and narrative system, the tangible and intangible impact of the 'Great Ideology and Politics Course' on the Chinese people. It is about constructing an ethnic discourse and narrative system for the 'Great Ideology and Politics Course', effectively forging a strong sense of community among the Chinese nation, and continuing the ethnic chapter of Chinese modernisation in the new era and

new journey. The National Unity and Progress Commendation Conference is the reality of the construction of the 'Great Ideology and Politics Course', and its implied 'spatial orientation', 'organisational orientation' and 'talent orientation' are the benchmarks for the construction of the 'Great Ideology and Politics Course'. Its implicit 'spatial orientation', 'organisational orientation' and 'talent orientation' are in line with the requirements of building a 'big classroom', a 'big platform' and a 'big teacher'. In the new era, we can create a strong atmosphere of 'big ideological and political class' by giving play to typical examples, create diversified carriers of 'big ideological and political class' by making good use of rituals and ceremonies, and polish the characteristic 'big ideological and political class' brand by innovating publicity methods. 'The brand of 'Big Ideological and Political Class' is being promoted.

Key words: National unity and progress, Political leadership, Ideological and educational work, Ideological and political work in the classroom, National curriculum system, China's modernization process.

Данная статья является промежуточным результатом проекта общего фонда Национального социального научного фонда Китая «Исследование укрепления сознания сообщества китайской нации среди народов Синьцзяна с нового времени» (№22BMZ043).

I. Введение

Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе направлено на награждение коллективов и передовых работников различных уровней в сфере национальной работы почетными званиями, их широкое освещение в СМИ и моральное стимулирование. Данный механизм поощрения демонстрирует искренние поздравления и всестороннюю поддержку со стороны партии и народов Китая делу укрепления национального единства и прогресса. Одновременно он служит важным материалом для построения Масштабного курса идеологической и политической работы, играя уникальную роль в усилении эффекта идеологического и политического воспитания.

В уведомлении №3 (2022) Министерства образования и Академии общественных наук и разработанном на его основе «Рабочем плане всесто-

ронного продвижения построения Масштабного курса идеологической и политической работы» (далее - «Рабочий план») подчеркивается: «включение передовых примеров героев и примеров в учебные программы, интеграция новаторской теории партии и исторического опыта во все виды идеолого-политических дисциплин на всех образовательных уровнях» [1, с. 4] как ключевой элемент Масштабного курса; «привлечение руководителей партийных и государственных органов, ученых, ветеранов, передовиков производства в качестве внештатных преподавателей идеологических дисциплин» [1, с. 5] как часть системы преподавания. В контексте завершения реализации 14-й пятилетки, изучение ценностных ориентиров, содержательного наполнения и практических механизмов использования опыта Собрания для развития Масштабного курса способствует формированию социальной среды уважения к добродетели, приоритета духовных ценностей над материальными и стремления равняться на лучших.

II. Ценностные ориентиры продвижения построения Масштабного курса идеологической и политической работы через собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе

Процесс становления китайской нации от «подъема» и «обогащения» до «усиления» одновременно является процессом зарождения, развития и совершенствования собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе. В начальный период первой пятилетки Яньбянь-Корейский автономный округ провел первую конференцию национального единства, ставшее первым в истории нового Китая местным Собрание восхваления прогресса в национальном единстве. В августе того же года округ Яньбянь установил сентябрь как «месяц пропаганды национального единства», создав прецедент для 30 национальных автономных округов страны. В 1954 году на первой сессии ВСНП была принята «Конституция 54-го года», где в статье 3 Общих положений закреплено: «Китайская Народная Республика является единым многонациональным государством» [2, с. 451]. На этой основе был создан Государственный комитет по делам национальностей КНР, заложивший организационный фундамент для проведения всекитайских собраний восхваления в национальном единстве и прогрессе. После Третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва мероприятия по чествованию стали проводиться повсеместно - не только для нужд реформ и открытости, но и для создания системы примеров, идеологического воспитания и формирования об-

ществленных норм, способствуя мобилизации национальных сил для социалистической модернизации. Таким образом, Собрания обладают эпохальной ценностью для: формирования национального дискурса и нарративной системы Масштабного курса, укрепления сознания сообщества китайской нации и продолжения национальной главы китайской модернизации.

1. Формирование национального дискурса и нарративной системы в рамках Масштабного курса идеологической и политической работы

В контексте Масштабного курса дискурс понимается не просто как инструмент коммуникации, но и как профессионально структурированное отражение великих исторических практик китайской нации. Специалисты в области идеологического воспитания систематизируют эти практики через определенные методологические принципы, категории и логические связи, чтобы служить целям национального образования, обеспечивать социальную стабильность и акцентировать ценностно-ориентированную составляющую. Нарратив здесь — это способ организации исторических событий, где выбор ключевых сюжетов, определение принципов и формирование категорий основываются на реалиях жизни китайской нации. Грамотная нарративная стратегия усиливает эффективность дискурса, создавая когнитивную синхронность между воспитателями и обучаемыми. Масштабный курс интегрирует дискурс и нарратив, создавая диалектическое единство ценностей и познания.

С точки зрения ценности, в качестве важного носителя Масштабного курса, собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе является конкретным проявлением «материального объекта», поэтому Масштабный курс может рассматривать субъективность своих ценностей из различных субъектов, таких как реальные люди, нации и государства; исходя из различных свойств, таких как присущие им политические, социальные и культурные атрибуты, использовать их ценностную объективность; изучение многомерности их ценностей с учетом различных потребностей одной и той же местности и одной и той же этнической группы; подводя итог социально - историческому характеру своих ценностей из общих категорий развития, таких как национальная практика и история.

С когнитивной точки зрения, собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе, благодаря долгой исторической эволюции,

ярким историям персонажей и торжественным церемониям награждения расширила повествовательную идею Масштабного курса из всех областей во всех аспектах. Постоянно рассказывать трогательные национальные истории разных периодов, хвалить национальных героев, укреплять национальную идентичность, повышать привлекательность дискурса, теоретическую близость и идеологическую центростремительную силу. «В некоторых местах и школах недостаточно внимания уделяется строительству Масштабного курса, осознание и способность открывать двери для проведения уроков мысли и политики и мобилизовать различные социальные ресурсы недостаточно сильны, и система учебных материалов нуждается в дальнейшем совершенствовании» [1, с. 3]. Это свидетельствует: Масштабный курс должен преодолеть ограниченность традиционных нарративов, интегрировав опыт Собраний в свою архитектуру.

2. Содействие формированию сознания сообщества китайской нации

“Выражение дискурса и метод повествования должны быть не только выражены, сосредоточены на нации, но и следовать правильной основной линии, которая, в частности, заключается в том, что формирование сознания сообщества китайской нации является основной линией национальной работы партии в новую эпоху и всей работы в этнических районах.” [3, с. 4] С 1988 по 2019 год Национальная конференция по признанию национального единства и прогресса признала более 9 000 образцовых коллективов и отдельных лиц.

В 2024 году впервые состоится съезд от имени ЦК КПК и Государственного совета, а местные съезды будут дополнительно институционализированы, стандартизированы и процедурны. «Автономный район не реже одного раза в 5 лет, штат, город не реже одного раза в 3 года, уезд (район) не реже одного раза в 2 года созывает Собрание [4]. Как национальные, так и местные конференции указывают на осязаемое чувство, которое эффективно формирует сознание национального сообщества китайской нации и закладывает идеологическую основу для того, чтобы говорить о Масштабном курсе.

Во-первых, Ассамблея создает социальную атмосферу, которая соответствует образцу для подражания. Создавая носитель идеологического и политического образования, мы создаем сцену самовыражения для образцовых представителей, опираясь на язык, текст, телевидение и Интер-

нет и другие средства массовой информации, чтобы передовые дела были широко известны, чтобы укрепить себя, вдохновить людей на активное участие в национальном деле, играть роль радиации и движения.

Во-вторых, Конгресс создает уникальную идеологическую и политическую образовательную среду. В соответствии с общими требованиями «Меры по признанию образцового отбора национального единства и прогресса» (далее именуемые «Меры по признанию заслуг»), лауреаты, как правило, избирают представителей и присутствуют на собраниях при координации многих сторон, а национальные обычаи отражают друг друга. Они не только поднимают чувство гордости, чести и идентичности по национальному делу в своих сердцах, но и являются отличным эмоциональным резонансом и визуальным праздником для зрителей.

В-третьих, Ассамблея способствует синергизму в национальных усилиях. Благодаря естественному институциональному дизайну, доброжелательные люди собираются вместе, путем создания образцовых групп отчетности о делах, проведения образцовых отчетов о делах, национального тура и местных поездок в сочетании, демонстрируя личный стиль, уделяя внимание формированию общественного имиджа, социальный надзор заставляет группы идеологического и политического образования повышать профессионализм, тем самым поддерживая идеологическую и политическую образовательную экологию совместного процветания «ключевых меньшинств» и «подавляющего большинства». Наконец, Конгресс расширяет киберпространство идеологического и политического образования. Цифровизация старение и ситуативное представление, с одной стороны, способствуют созданию прочной основы для развития коллективизма в киберпространстве, хеджируют негативные последствия утонченных эгоистических и рассеянных негативных высказываний, а с другой стороны, помогают людям всех этнических групп в отдаленных районах своевременно следить за последними событиями конференции и помогают строить инновационные высоты идеологического и политического образования в приграничной сети.

3. Продолжение национальной главы модернизации в китайском стиле в новом путешествии в новую эпоху

Си Цзиньпин отметил: «В новом путешествии в новую эпоху центральной задачей партии и государства является всестороннее про-

движение строительства могущественной нации и национального возрождения с помощью модернизации в китайском стиле, что требует объединения и борьбы народов всех национальностей по всей стране» [5, с. 7]. В процессе модернизации в китайском стиле появился ряд выдающихся национальных образцов, которые помнят о своей миссии по возрождению, объединяют великие силы и создают необычные достижения на обычных должностях. Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе является не только важной вехой в подведении итогов текущей национальной работы, но и транзитным пунктом для развертывания следующего раунда национальной работы. Внутренне функционирующий механизм выхода модели национального единства и прогресса становится все более совершенным. Для национального образца только сознательная забота о политических перьях, упорство в последовательном и прекрасном стиле работы и непрерывная самореволюция могут привести к высокому единству развития личного дела и развития национального дела. Для народов всех национальностей мы должны не только видеть различные интересы и дивиденды, которые мы получаем в качестве бенефициаров, но и видеть роль и позиционирование как исторического субъекта и субъекта жизни в многомерной и единой структуре китайской нации, понимать славный курс борьбы и ценные духовные качества, стоящие за национальной моделью, наследовать и продвигать прекрасные традиции национальной культуры и строить социалистическую духовную цивилизацию с национальными особенностями.

III. Содержательная направленность продвижения строительства «Масштабного курса идеологической и политической работы» через Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе

Строительство Масштабного курса обладает всеобъемлющим и детализированным содержанием. От общих требований «Рабочего плана» до семи аспектов, включающих усиление организационного руководства, и двадцати двух основных положений, сопутствующих этим семи аспектам - все вместе они формируют логическую структуру строительства «Масштабного курса». Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе, выступая важной ситуационной платформой и носителем строительства «Масштабного курса», в материализованной форме усваивает и трансформирует теоретическое содержание строительства «Масштабного курса», заключая в себе три вектора: строительство «большой

аудитории», создание «большой платформы» и формирование «большого преподавательского состава».

1. Пространственное измерение: акцент на строительстве «большой аудитории»

В пространственном измерении Масштабный курс отличается грандиозным размахом, охватывая как теоретические интерпретации, так и образовательный процесс, уделяя внимание историко-культурным, политико-экономическим и социально-экологическим аспектам, а также мировой обстановке, национальным условиям, региональной специфике и учебному контексту. Он не может ограничиваться абстрактными теориями в кабинетной тиши, а требует взаимодополняющего взаимодействия «первой аудитории» и «второй аудитории», тесной координации «малой аудитории идеологического воспитания» и «большой аудитории общества», устраняя когнитивные барьеры в понимании прогресса национального единства и направляя всех членов общества на изучение материалов собрания, усвоение его духа и выполнение его требований.

«Введение собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе в учебный процесс «путем обобщения опыта на примерах подтверждает научность и истинность теории идеологического воспитания» [6, с. 78], что позволяет постепенно выявлять логическую связь со строительством сообщества китайской нации. Для преодоления таких явлений, как «акцент на мероприятиях в ущерб руководящей роли во второй аудитории» и «формальное включение идеологического воспитания в учебные курсы» [1, с. 3], использование новостных репортажей, визуальных символов и пространственных репрезентаций делает элементы воспитания национального единства более наглядными и конкретными, позволяя добрым поступкам примерных личностей незаметно проникать в сердца воспитуемых. «Соединение малой аудитории идеологического воспитания с большой аудиторией общества» [1, с. 3] и «полноценное использование воспитательного потенциала красных ресурсов, постоянное расширение пространства и опорных пунктов практического и сетевого воспитания» [7] - в этом Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе своим политически-идейным образцовым характером ломает стереотип о том, что воспитательная деятельность может проводиться только в фиксированное время и в определенном месте, являясь важным проявлением всевременного и всепространственного воспитания «Масштабного курса». Участники

Собрания, говорящие на путунхуа и пишущие стандартными иероглифами, становятся не только «ходячими» носителями пропаганды государственного языкового стандарта, но и осязаемым подтверждением укрепления сознания сообщества китайской нации. Независимо от внешности, религиозных убеждений и уровня образования, они вместе принимаются руководителями, появляются в списках, награжденных без ранжирования, что само по себе ярко демонстрирует социалистические межнациональные отношения нового типа, основанные на национальном равенстве. Некоторые регионы, руководствуясь духом Собрания, создают демонстрационные зоны национального единства различных уровней (автономные округа, уезды, деревни), демонстрационные учреждения и образовательные базы, регулярно проводят обмены опытом по созданию прогресса национального единства, способствуя формированию благоприятной ситуации, когда каждый участвует в создании и стремится стать примером.

2. Организационное измерение: акцентирование строительства «большой платформы»

Собрание как форма организованных консультаций предоставляет платформу для коллективного обсуждения, обмена идеями и принятия решений. Собрание использует себя в качестве платформы, признание как возможность, национальное единство и прогресс в качестве темы и темы, собравшись вместе, чтобы обсудить страну, чтобы сделать ее событием, представляющим общий интерес для всех народов. С точки зрения системного подхода, собрание, награждение и национальное единство/прогресс являются его базовыми элементами, взаимовлияющими и взаимодействующими: собрание обеспечивает практическую основу для награждения и национального единства, награждение приносит внешнюю мотивацию для собрания и национального единства, а национальное единство задает ценностные ориентиры для собрания и награждения, вместе образуя неразрывное системное целое. Исходя из этого, продвижение строительства «большой платформы» соответствует логике национального единства и прогресса и способствует интеграции ресурсов «Масштабного курса».

Во-первых, «большая платформа» должна стать высотой пропаганды идей национального единства и прогресса. Собрание как материальная платформа включает не только такие объекты, как государственный флаг, герб, бутоньерки и ленты, но и нематериальные аспекты, получае-

мые через телесный опыт, объединяя воспитание кадров, членов партии и граждан, пробуждая коллективную память и чувство принадлежности у китайских сыновей и дочерей, добиваясь их психологического отождествления и эмоционального принятия идей национального единства и прогресса.

Во-вторых, «большая платформа» должна стать базой практики воспитания национального единства и прогресса. «Рабочий план» подчеркивает «необходимость активно создавать базы практического обучения 'Масштабного курса' с учетом конкретных условий» [5, с. 4]. С момента публикации документа Госкомитета по делам национальностей №153 (2006) было проведено шесть отборов всекитайских образовательных баз национального единства и прогресса, а регионы исследуют модели развития с местной спецификой.

В-третьих, «большая платформа» должна стать центром интеграции ресурсов национального единства и прогресса, выходя за пределы физического пространства места проведения собраний и включая онлайн- и оффлайн-платформы для обмена, информационного взаимодействия и ресурсной интеграции. В онлайн-сфере активно продвигается «интернет + национальное единство», появились комплексные клиенты типа «Китайская национальная газета» и «Гранатовая туча»; оффлайн-практики, такие как «Семья национального единства» и товарищеские встречи национального единства, подобно весеннему ветру и дождю, сочетают национальные и региональные особенности, двигаясь в одном направлении.

В заключение, строительство «большой платформы» должно тесно сочетаться с «Масштабным курсом». В настоящее время Министерство образования совместно с соответствующими ведомствами углубляет создание общекитайской системы научных исследований и преподавания вузовских курсов идеологического воспитания, национальной платформы умного образования и платформы «Масштабный курс в облаке», где преподаватели используют единые научно-авторитетные учебные материалы, что способствует точной интерпретации национальной политики в профессиональной деятельности; совместные уроки идеологического воспитания для вузов, школ и колледжей, микроуроки помогают в строительстве общего духовного дома китайской нации через интеграцию идеологического воспитания.

3. Кадровое измерение: акцент на формировании «большого преподавательского состава»

«Интегрированное развитие образования, науки и техники и талантов является стратегическим требованием, изложенным в докладе 20 - го Национального конгресса КПК, а также важным планом, подчеркнутым на 3 - м пленуме ЦК КПК 20 - го созыва, и ключевой отправной точкой для строительства образовательной державы в новую эпоху» [8]. Собрание как важное место концентрации человеческих ресурсов через разумный отбор, проверку и оценку совершенствует механизмы внешнего доступа и выбытия, непрерывно создавая разнообразные преподавательские ресурсы и направляя многообразное предложение идеологического и политического воспитания.

С одной стороны, разнообразные преподавательские ресурсы объединяются, формируя мощную силу для качественной работы с национальностями. Модели прогресса национального единства охватывают все отрасли, и в общем деле национального единства и прогресса их разный жизненный опыт, социальные биографии и структуры знаний часто обеспечивают четкую политическую позицию в принципиальных вопросах и уникальные аналитические перспективы. «Рабочий план» предлагает «отбирать и назначать выдающихся местных руководителей партии и правительства, экспертов по управлению предприятиями и учреждениями, экспертов из общественных и теоретических кругов, передовиков различных отраслей» в состав преподавателей идеологического воспитания, «создавая через учреждение системы внештатных преподавателей долгосрочный механизм регулярного участия в преподавании идеологических курсов в вузах передовых представителей, таких как герои, модели труда, мастера государственного уровня, а также экскурсоводов и волонтеров красных баз - революционных музеев, мемориальных залов, музеев истории партии, кладбищ мучеников» [1, с. 6].

С другой, разнообразные преподавательские ресурсы предъявляют более высокие требования к работе с национальностями. « [9, с. 157]. Преподаватели должны стать великими наставниками, формирующими характер, поведение и вкус студентов». Точечное распределение по профессиям приводит к значительным различиям в теоретической подготовке, педагогико-исследовательских способностях и личном обаянии, а результаты преподавания часто трудно предсказать, что создает новые вызовы для отбора преподавателей и отражает необходимость повышения воспитательного потенциала «большого преподаватель-

ского состава». В настоящее время, помимо штатных преподавателей идеологического воспитания, «других преподавателей обычно приглашают временно или разово в рамках соответствующих тематических воспитательных мероприятий или включают в программы подготовки преподавателей, академических лекций, церемоний» [10, с. 97], что приводит к высокой текучести, слабой стабильности и недостаточной преемственности в структуре преподавателей. Кроме того, коллективная подготовка уроков становится все более важной в строительстве «большого преподавательского состава»: единая подготовка преподавателей идеологического воспитания, единое понимание ключевых и сложных моментов преподавания не только помогают сократить разрыв в уровне преподавания, но и предотвращают поляризацию в оценках преподавания и репутации преподавателей.

IV. Практичный путь проведения конференции по признанию прогресса и национального единства для продвижения строительства Масштабного курса

Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе продвигает строительство Масштабного курса с точки зрения типичной демонстрации, эффективного использования церемониального этикета и инновационных методов пропаганды, что способствует созданию богатой атмосферы, разнообразного носителя и полировки отличительных брендов Масштабного курса.

1. Играть типичную демонстрацию, чтобы создать богатую атмосферу Масштабного курса

Чтобы продвигать строительство Масштабного курса, необходимо выбрать дерево в знак признания передовых моделей, не только потому, что передовые модели являются представителями выдающихся моделей, с моделью и стремлением к ответственности, должной осмотрительности и преданности делу, но и потому, что их поведение и поступки могут воспитывать людей, коптить людей, вдохновлять людей, иметь сильное идеологическое и политическое руководство и социальную синергию. Восхваляя исторические типичные и окружающие их типичные, мы изучаем негативные модели самоанализа и изучаем глобальное воспитание людей в горизонтальных и вертикальных, положительных и отрицательных двухмодовых группах.

Во-первых, глубже копать исторические модели. От «Чжаоцзю-

ня пробки», «Тунба Хунханьхуа реструктуризация», «Госпожа Сиань управляет Линнаном», «Принцесса Вэньчэн в Тибет», «Чжэн Хэ семь спускается на запад», а затем «Восстание Вэйбаньцюня Байс», «Улан Фу Единство и строительство правительства», «Курбан Туруму отправляется в Пекин, чтобы поблагодарить», все они являются образцами для исторических фигур. Мы должны придерживаться метода исторического анализа, противостоять и подтверждать их выдающиеся заслуги, интегрировать исторический пример во весь процесс образования национального единства и прогресса, интегрировать его во весь процесс мышления и управления учебной программой, научиться понимать и понимать историческую эволюцию китайской нации, знаковые события и образы людей. Мы должны обратить внимание на защиту нематериального культурного наследия в районах проживания этнических меньшинств, ускорить работы по восстановлению местной этнографии, разработать и использовать павильоны с тематическими фигурами, создать новую матрицу распространения средств массовой информации, в сочетании с пропагандой исторических моделей.

Во-вторых, нужно в полной мере использовать модель вокруг себя. «Ценность, чтобы действительно функционировать, должна быть интегрирована в общественную жизнь, чтобы люди воспринимали ее и понимали ее на практике» [11, с. 165]. Формирование через повседневные сцены, чтобы типично быть близко к требованию интересов масс всех этнических групп и омолаживать «людей, которые используют практическую силу». В соответствии с требованиями Государственного комитета по делам национальностей «шесть прогрессов», мы должны принять форму сетки и модуляризации, чтобы создать модель вокруг, координировать и решать проблему напряжения между перспективной целью и светским характером реальной жизни.

В-третьих, нужно осторожно относиться к негативным моделям. Необходимо решительно противодействовать национальному нигилизму и историческому нигилизму, жестко бороться с осквернением передовых моделей, в соответствии с законом заниматься национальными делами внутри страны, постоянно повышать возможности и уровень управления национальными делами, строго соблюдать такие законы, как «Закон о защите героических мучеников», ускорять разработку закона о содействии национальному единству и прогрессу, а также укреплять международное распространение и декларирование национального единства и прогресса.

2. Эффективное использование ритуального этикета, создание разнообразных носителей Масштабного курса

Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе в качестве централизованного представления церемониального этикета, ее уставные положения, процедурные шаги и дизайн конференционных вопросов имеют как формальные нормы, так и глубокое содержание, могут передавать «скрытые ценности» через «внешнюю церемонию», эта модель «церемониального мышления и политики» не только демонстрирует уникальные преимущества национальных церемоний в сплочении консенсуса, формировании идентичности, но и обеспечивает практическую парадигму для Масштабного курса, которая сочетает в себе как политическую высоту, так и культурную температуру.

Во-первых, необходимо углублять субъективный опыт через этнические ритуалы, выходящие за рамки Собраний по восхвалению прогресса национального единства и укорененные в традиционной культуре всех народов Китая. От динамичной гармонии корейского танца с барабанами до спортивных состязаний монгольского Наадама, от общинной интеграции на фестивале воды Дай до человеческих кругов на факельном празднике и — все эти практики культурно воплощают идеи национального процветания, физического здоровья и коллективной защиты родной земли. Метод ролевых игр, имитирующих процедуры награждения с присвоением виртуальных статусов «церемониймейстера» или «пропагандиста», позволяет участникам осваивать лежащие в основе ритуалов концепции порядка, цивилизованности и культурных ценностей. Межкультурное сотрудничество в сложных ритуальных практиках углубляет понимание принципа «взаимного совершенства».

Во-вторых, параллельно требуется расширение образовательных границ через полиформатные носители. Интеграция этнических ритуалов с современными образовательными технологиями, включая VR-реконструкцию церемоний и празднеств, создает иммерсивный мультисенсорный опыт. Перспективным направлением является исследование возможностей применения крупноязыковой модели DeepSeek в строительстве «Масштабного курса» — разработка AI-ассистентов, цифровых учебных материалов и автоматизированных методик способна стать цифровым рычагом для перераспределения образовательных ресурсов в национальные регионы. Междисциплинарные исследования должны способствовать проникновению идей национального единства в сферу досуга и развлечений.

В-третьих, необходимо укрепить эффективность образования посредством реальных преобразований. Мы должны «стоять на высоте общей стратегии великого возрождения китайской нации, активно адаптироваться к новой ситуации и новым задачам и новым требованиям нового этапа развития» [12, с. 173], Статистический анализ случаев межэтнической взаимопомощи и участия этнических культурных мероприятий, установить и количественно оценить показатели, превратить церемониальные церемониальные чувства в согласованные и прагматичные меры, а эффект церемониального воспитания - в измеримые результаты социальной практики.

3. Инновационные методы пропаганды: создание уникального бренда Масштабного курса

«Использование успешных примеров великих преобразований новой эпохи для создания серии брендов Масштабного курса» [13]. Опираясь на уникальные географические ресурсы и национальную стратегическую поддержку, этнические районы постоянно внедряют инновационные пути пропаганды и образования, придерживаются правильной ориентации на общественное мнение, демонстрируют национальный имидж во многих аспектах и вводят «золотой курс» мышления и управления, который демонстрирует национальный стиль.

Во-первых, необходимо консолидировать силы множества субъектов для расширения источников пропаганды. «Рабочий план» в формате «специальных разделов» подчеркивает необходимость тесного взаимодействия всяких министерств и комитетов с Министерством образования для совместного создания тематических баз практического обучения. Си Цзиньпин отметил: «Партийные комитеты и правительства всех уровней должны выносить вопросы национальной работы на повестку дня, своевременно изучать и решать важные проблемы в этой сфере, поддерживая национальные ведомства в качественном выполнении их обязанностей» [5, с. 8]. Объединение многосторонних сил позволит расширить каналы пропаганды и сформировать широкое участие общества в работе с национальностями.

Во-вторых, следует дифференцировать подходы к различным группам населения для расширения охвата. Необходим всесторонний анализ состава аудитории, исследование региональных особенностей и применение дифференцированных, адресных и локализованных методов распространения информации, уделяя особое внимание точному воспитанию и

созданию брендов. Требуется «усилить институциональное оформление, кадровое обеспечение и ресурсную поддержку объединенного фронта и национальной работы на местах, четко определить соответствующие механизмы» [12, с. 17], укреплять сплоченность и взаимодействие «двух комитетов», максимально использовать ведущую роль деревенских кадров, а через вечерние школы для крестьян, «уроки доброты» и домашние визиты усиливать воспитание в духе «трех неразрывностей», «четырех историй» и «пяти идентичностей».

В-третьих, необходимо преобразовать стратегии пропаганды для повышения эффективности. Столкнувшись с преобладанием традиционных методов (информационные стенды, брошюры, баннеры, радиотрансляции), важно правильно выстроить диалектическое соотношение объективности содержания и субъективности форм, продвигать цифровую трансформацию национальных культурных ресурсов, активно использовать новые медиа, пробуждать культурную субъектность cadres и масс всех национальностей, собирать народные примеры снизу вверх, тщательно их отбирать, анализировать и классифицировать, постоянно обновляя case-базы и корпусы текстов «Масштабного курса», осуществляя парадигмальный переход от «рассказа от других» к «самопрезентации».

Короче говоря, Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе - это не только великое творение народов всех национальностей, но и особая печать и миссия, а также идеологическая сублимация и политическое расширение, чтобы обеспечить духовное питание и импульс для продвижения вперед для людей всех национальностей. В современных исследованиях, помимо глубинного изучения данного мероприятия с онтологической точки зрения, целесообразно всесторонне рассмотреть взаимосвязанную логику его взаимодействия с идеологическим и политическим воспитанием, особенно со строительством «Масштабного курса идеологической и политической работы», а также его современное значение. Следует поэтапно выявить его ценность через три взаимосвязанных аспекта: «самостоятельность - осознанность - самодеятельность»; четко определить содержательные аспекты через пространственную организацию мероприятия, межведомственную координацию и подготовку кадров; разработать методы и стратегии, активизируя авангардную роль образцовых примеров, умело используя поведенческую направленность ритуалов и церемоний, систематизировав подходы к «субъектам пропаганды», «направлениям

пропаганды» и «эффективным методам пропаганды», переосмыслив практические ориентиры - все это будет способствовать качественному развитию строительства «Масштабного курса идеологической и политической работы».

Список литературы:

1. Рабочая программа по всестороннему продвижению строительства «Великого курса идеолого-политического образования» [J]. Форум по педагогическим наукам, 2022. № 27. С. 4-6.
2. Центральный исследовательский отдел партийной литературы ЦК КПК, Центральный государственный архив КНР. Избранные важные документы по истории КНР (1949-1965): Том 5. [M]. Пекин: Издательство документов ЦК КПК, 2011. С. 451.
3. Си Цзиньпин. Укрепление чувства общности китайской нации и содействие качественному развитию работы партии по национальному вопросу в новую эпоху [J]. Цючжи, 2024. № 2. С. 4.
4. Положение о работе по национальному единству и прогрессу в Синьцзян - Уйгурском автономном районе [N]. Синьцзянская ежедневная газета (Хань), 2016. 01. 04 (3).
5. Си Цзиньпин. «Речь на Всекитайской церемонии награждения за прогресс в национальном единстве» [J]. Китайские этносы, 2024. № 10. С. 4, С. 7-8.
6. Ван Сисэн, Хуа Иньфэн. Основная направленность, многоуровневое развитие и ожидаемые результаты построения «масштабного курса идеологической и политической работы» [J]. Идеино-теоретическое воспитание, 2024. № 5. С. 78.
7. Неуклонно сосредоточившись на основной задаче воспитания добродетельных талантов, уверенно продвигаться к стратегической цели построения мощной образовательной державы [N]. Жэньминь жибао, 2024-09-11(1).
8. Сюэ Эрюн. Единое продвижение развития образования, науки и кадров [N]. Гуанмин жибао, 2024-11-05(15).
9. Си Цзиньпин. О образовании [M]. Пекин: Издательство центральных архивных документов, 2024. С. 157.
10. Тан Лянху, У Мань. «большой преподавательский состав» в «Масштабном курсе идеологической и политической работы»: сущность, проблемы и пути построения» [J]. Исследования высшего образования Хэйлуцзяна, 2024. № 42 (12). С. 97.
11. Си Цзиньпин. Рассуждения Си Цзиньпина об управлении государством: Том 1 [M]. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 165.
12. Государственный комитет по делам национальностей. «Укрепление чувства общности китайской нации: учебное пособие по изучению духа Всекитайской церемонии награждения за прогресс в национальном единстве» [M]. Пекин: Издательство национальностей, 2021. С. 17, 173.
13. Министерство образования КНР. Специальное разъяснение Министерства образования о всестороннем продвижении строительства мощной страны в сфере образования. [ЕБ/ОЛ] (2024-9-27) [2025-3-6]. // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202409/t20240927_1153405.html.

Bibliography

1. Work Program for Comprehensively Advancing the Construction of the "Great Course of Ideological and Political Education" [J]. Pedagogical Science Forum, 2022. № 27. pp. 4-6.
2. Central Research Department of Party Literature of the CPC Central Committee, National Archives of the PRC. Selected Key Documents on the History of the PRC (1949-1965): Vol. 5. [M]. Beijing: CPC Central Committee Documents Publishing House, 2011. p. 451.
3. Xi Jinping. Strengthening the Sense of Community of the Chinese Nation and Promoting the High-Quality Development of the Party's Work on the National Question in the New Era [J]. Qiuzhi, 2024. № 2. p. 4.
4. Regulations on the Work for National Unity and Progress in the Xinjiang Uygur Autonomous Region [N]. Xinjiang Daily (Han), 2016. 01. 04 (3).
5. Xi Jinping. "Speech at the National Awards Ceremony for Progress in National Unity" [J]. Chinese Ethnic Groups, 2024. № 10. P. 4, P. 7-8.
6. Wang Xiseng, Hua Yinfeng. The Main Focus, Multi-Level Development, and Expected Results of Building a "Large-Scale Ideological and Political Work Course" [J]. Ideological and Theoretical Education, 2024. № 5. P. 78.
7. Unswervingly Focusing on the Core Task of Nurturing Virtuous Talents, Confidently Advance Toward the Strategic

Goal of Building a Powerful Education Country [N]. People's Daily, 2024-09-11(1).

8. Xue Eryun. Unified promotion of the development of education, science and personnel [N]. Guangming ribao, 2024-11-05(15).

9. Xi Jinping. On education [M]. Beijing: Central Archival Documents Publishing House, 2024. P. 157.

10. Tang Lianghu, Wu Manyi. "large teaching staff" in the "Large-scale Course on Ideological and Political Work": the essence, problems, and construction path" [J]. Heilongjiang Higher Education Research, 2024. № 42 (12). P. 97.

11. Xi Jinping. Xi Jinping's Reflections on Governance: Volume 1 [M]. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2014. P. 165.

12. National Ethnic Affairs Commission. "Strengthening the Sense of Community of the Chinese Nation: A Study Guide for the Spirit of the National Awards Ceremony for Progress in National Unity" [M]. Beijing: Nationalities Publishing House, 2021. P. 17, 173.

13. Ministry of Education of the PRC. Special Explanation of the Ministry of Education on Comprehensively Promoting the Building of a Powerful Country in the Field of Education. [EB/OL] (2024-9-27) [2025-3-6]. // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202409/t20240927_1153405.html.

Тюрин Е.А.

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Савинова Е.Н.

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Мустафин Д.О.

Аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

**Шотландский стиль в политике:
специфические и универсальные проявления.
Часть 1**

Заявленный в названии тезис о шотландском стиле в политике, относится, прежде всего, к деятельности правительства Шотландии, придерживающегося консультативно-кооперативного стиля при разработке и реализации госполитики в пределах переданных полномочий (включая здравоохранение, образование, местное самоуправление и правосудие). Оно работает с добровольными группами, профсоюзами, профессиональными организациями, частным сектором, медицинскими структурами и местными органами власти для сбора информации и обеспечения своих политико-управленческих целей. Этот стиль распространяется на весь политический цикл, в рамках которого шотландское правительство готово разрабатывать широкую стратегию действия и систему нацио-

нальных приоритетов, доверяя выбор методов и путей достижения общенациональных целей Шотландии различным институциям (например, местным органам власти). В свою очередь, те же местные органы власти работают с широким кругом иных структур (в государственном, общественном и частном секторах) в рамках партнерского взаимодействия для разработки все тех же национальных целей, относящихся в конкретных сегментах к компетенции местных территорий. Все это комплексное партнерское взаимодействие стало возможным, благодаря, так называемому, «Соглашению о едином результате»¹, знаменующему собой символический переход от реализации политики «сверху вниз», при которой местные органы власти и другие структуры наказываются, если они в ходе сотрудничества не достигают краткосрочных целей, направленных на достижение общих долгосрочных стратегических целей.

Отметим, что в данной статье мы будем оперировать понятием шотландского стиля в политике, хотя относительно недавно появилось понятие шотландского подхода, введенное в дискурс шотландским правительством для описания и оценки национальной модели разработки и реализации госполитики [16]. Но академический термин «шотландский стиль» политики содержательно шире, и охватывает, в том числе, потенциальные отличия политико-управленческих механизмов, посредством которых шотландское правительство разрабатывает и реализует политику в более широком ее понимании. Кроме того, обращаем внимание, что отличия в шотландском стиле госполитики обычно выявляются при сравнении с деятельностью правительства Великобритании (данного компаративно-аналитического подхода придерживаются и авторы данной статьи).

На первый взгляд, сравнение шотландского и британского политических стилей может представить правительство Шотландии в благоприятном свете в ущерб критическому анализу проблем и способов их решения, с которыми оно сталкивается. Однако концепт, который мы используем для сравнительного анализа того, как Эдинбург и Лондон справляются со сложностями формирования и реализации госполити-

¹ Шотландский закон о местном самоуправлении (2003 г.) возлагает на местные органы власти обязанность инициировать, поддерживать и способствовать процессу общественного планирования. В этой связи в июле 2008 г. каждый местный совет в Шотландии совместно с партнёрами по планированию на местном уровне подписал «Соглашение о едином результате» (SOA). В SOA изложены запланированные мероприятия по повышению эффективности шотландской госполитики, реализуемой на местах, а также прописаны пути оптимизации политико-управленческих механизмов достижения 15 национальных результатов, установленных правительством Шотландии в рамках «Национальной системы показателей эффективности».

ки, позволяет нам утверждать следующее. Несмотря на наличие важного территориального аспекта в политике (в том числе, на этапе ее формирования), его следует рассматривать, все же, в контексте универсальных проблем, с которыми сталкиваются все правительства, когда они имеют ограниченные полномочия для обеспечения ряда важных компромиссов, связанных с национальными социально-политическими ценностями. Первый компромисс – между подходами к разработке национальной² и местной политики, когда правительства стремятся сбалансировать национальные стандарты и единообразие с местными дискреционными полномочиями. Второй компромисс лежит в плоскости проблемы, так называемых, «сквозных сфер», которые демонстрируют сложность процесса формирования политики и побуждают нас изучить, в какой степени органы власти и управления могут выбирать свой собственный отличительный стиль госполитики.

В основе означенного выше дискурса лежат кажущиеся безобидными концепции, которые обычно используются властными структурами и экспертами, но которые наполнены, все же, нормативным значением. Такие категории, как объединенное правительство и согласованная политика, продвигают идеи централизации и гармонизации, содержащие в себе способность создавать что-то, что можно с полным основанием назвать национальной политикой, несмотря на наличие определенного круга полномочий у местных властей [6]. На общенациональном уровне эти концепции конкурируют с идеей прагматичного формирования политики, основанной на предположении, что разработка последней не может быть полностью централизована. Суть названного прагматизма состоит в том, что ни одна политика не может быть по-настоящему целостной, и что в поощрении политики, проводимой на основе принципа специализации, есть практические преимущества [1].

На центрально-местном уровне правительства могут поощрять разработку политики «снизу вверх». Это обусловлено тем, что определенная степень вариативности может быть заложена в разработку политики на местном уровне (или поощряться иным образом в качестве признания легитимности принятия решений местными властями). Кроме того, в этом может проявляться желание стимулировать участие местных сообществ в предоставлении услуг местным же пользователям.

2 В данном случае мы используем понятие национальной политики для обозначения шотландского национального политического (в том числе, государственно-управленческого) процесса. Наше сравнение предполагает сопоставление по разграничительным линиям – шотландское национальное / местное управление и британское национальное / местное управление.

Отметим, что во многих сквозных сферах политики национальные и местные проблемы могут возникать одновременно. Однако, когда директивные органы пытаются решить, кто лучше всего подходит для решения той или иной плохо сформулированной политико-управленческой задачи, организационные вопросы начинают испытывать на себе проблему неопределенности.

С теоретико-методологической точки зрения необходимо сказать еще и о том, что язык, используемый для описания согласованности политики, показывает, что на практике невозможно отделить нормативные оценки от эмпирических описаний. Например, мы можем описывать «фрагментацию» или «гибкость», но при этом окажемся перед необходимостью выбора между эмпирически возникающими категориями (например, «лотерея почтовых индексов», «политика сообществ», «индивидуальные услуги» и т.п.), создаваемыми пользователями услуг совместно другими важными заинтересованными сторонами. Даже термин «деволюция» предполагает, что центральное правительство вынуждено решать, какие полномочия оставить за собой, а какие передать региональным и местным органам.

Аналитически, когда мы фокусируемся на центрально-местном изменении, эмпирический акцент делается на степени, в которой мы можем выявить различия и сходства в реализации государственной политики, в то время как нормативный акцент делается на том, насколько акторы могут быть удовлетворены потенциальными и фактическими различиями в результатах. Например, довольно интересным является вопрос о том, что люди с одинаковыми потребностями в услугах, при этом, могут получать разные услуги, из-за разницы подходов и возможностей в разных местных локациях. Не менее интересной исследовательской задачей оказывается и желание выявить связь политических стилей/подходов с наличием компромисса между стремлением к национальному единообразию и территориальной легитимностью в политике.

Проблема весьма непростая. Её сложность обусловлена как самим политическим процессом (поскольку им слишком сложно управлять), так и теми теоретическими вопросами, которые в научном дискурсе слишком расплывчато определены, чтобы их можно было легко решить. Поэтому понятие сложного управления в каком-то смысле легитимизирует аргумент о том, что правительства не контролируют в полной мере систему механизмов разработки политики, не могут претендовать на высокую степень согласованности в данном вопросе, и поэтому не должны нести

всю ответственность за фрагментарность государственных услуг [2].

Опираясь на означенные выше постулаты, мы выявили теоретическую возможность того, что политики могут принимать важные решения, сталкиваясь с необходимостью серьезных компромиссов, и что совокупность принимаемых решений может быть описана как стиль политики. Однако задача выявления отличительных черт политических стилей не продвинется далеко в своём решении без концепций, помогающих объяснить, что происходит в каждом конкретном политическом кейсе того или иного правительства. Как же тогда можно разобраться в столь сложном процессе, превратить его в нечто, что можно было бы проанализировать простым способом, объяснив взаимосвязи между: 1) сквозными политическими проблемами и многоуровневыми политическими процессами; 2) преднамеренными и непреднамеренно изменяющимися результатами политики? Мы рассматриваем эти процессы с трех точек зрения, выявляя универсальные, национальные и специфические проблемы. При этом мы пытались решить ряд задач.

Во-первых, необходимо было рассмотреть причины различий в результатах политики на национальном и местном уровнях; выявить, каковы движущие силы, и в какой степени они отражают намеренное решение о получении неоднородных результатов. Мы описывали «универсальные» причины, которые связаны с взаимодействием таких факторов, как: 1) ограниченная степень внимания национальных политиков к региональным и местным проблемам; 2) возможность двусмысленности или того, что разные политики могут по-разному понимать и реагировать на проблемы политики; 3) изолированность правительства, которая может привести к фрагментарному формированию политики; 4) степень свободы действий местных политиков; 5) сложное управление, в котором существует определенная степень непредсказуемости, когда вовлечено много участников на нескольких уровнях управления, а реализацию самой политики трудно контролировать. Эти факторы могут быть компенсированы правительственными мерами по координации результатов политики - включая «корпоративные» центры в национальных и местных органах власти, нормативные акты, управление эффективностью, целевые показатели и процедуры отчетности - и профессиональными нормами или обучением и передачей политики между руководящими органами.

Во-вторых, необходимо было рассмотреть, как конкретные правительства координируют стратегии национальной политики и находят баланс

между национальной политикой и гибкостью на местах. В данном случае мы рассматриваем шотландский стиль как способ выработки самобытной, консультативной и гибкой национальной³ политики Шотландии.

В-третьих, требовалось рассмотреть, как вышеозначенные процессы протекают в конкретных случаях. Мы исследуем две разновидности политики: 1) превентивную политику (когда правительства в рамках профилактики пытаются на ранней стадии вмешаться в жизнь людей, чтобы снизить их потребность в неотложных государственных услугах); 2) переходную политику, когда правительства решают вопросы перехода пользователей от одной государственной услуги к другой.

Данный вектор исследования был выбран, чтобы подчеркнуть, каким образом общие политические цели усугубляют универсальные проблемы, которые они затрагивают функции департаментов, требуют высокой степени координации со стороны многих государственных органов на общенациональном, региональном и местном уровнях. Такие проблемы являются довольно сложными для определения соответствующих целей и управленческих механизмов (даже при наличии налаженного взаимодействия всех уровней управления, распространенном общественном контроле и приверженности общенациональной политической повестке). Кроме того, мы попытались сравнить проблемы, которым правительство уделяет большее (превентивная политика) и меньшее (переходная политика) внимание. Впрочем, наша аргументация носит в первую очередь концептуально-теоретический характер.

Когда мы описываем факторы, определяющие различия в результатах политики, как универсальные, мы подразумеваем, что сходные процессы можно идентифицировать в большинстве политических систем и концептуализировать сходным образом. Политики могут уделять внимание лишь небольшой части вопросов, за которые они отвечают, поэтому всегда существует вероятность того, что их внимание будет переключаться с одной политической проблемы на другую. Кроме того, если имеющиеся проблемы привлекают внимание политиков высокого уровня на общенациональном уровне, то с большой долей вероятности в течение периода, достаточного для четкого определения проблемы, будут приняты меры для выработки соответствующих решений на данном политическом уровне. Если же проблемы касаются регионального или местного уровней, то политика может быть недостаточно проработана и/или оставлена на усмотрение региональных подразделений центральных правитель-

3 Имеется ввиду шотландская нация.

ственных ведомств и/или и местных субъектов. Такой эффект отчужденности политики, вырабатываемой на центральном уровне, возникает из-за необходимости разделить сложный процесс разработки политики на множество более управляемых сегментов, затрагивающих меньшее число участников. Правительство разбивает процесс разработки политики на ряд департаментов, возглавляемых министрами, у которых есть свои собственные методы сбора информации и выработки политики. Министры делегируют большинство вопросов государственным служащим, которые обращаются за информацией и советами к специализированным организациям и т.д. В результате проявляется фрагментация, поскольку большое количество субъектов по-разному разрабатывают политику, часто практически не взаимодействуя друг с другом [7, р. 237]. Изменить эти механизмы довольно сложно, поскольку политики (в их управленческом функционале), вступая в должность, наследуют имеющиеся законы, правила, институты и программы действий, и далеко не всегда демонстрируют желание или способность что-либо менять.

Необходимо учитывать еще один момент. У каждого правительственного ведомства может быть свое собственное представление о политической проблеме и ее решении. Поэтому довольно часто складывается ситуация, когда региональные и местные политики-управленцы интерпретируют проблемы иначе, чем общенациональные. В политический процесс вовлечено множество участников, включая широкий круг государственных органов, которые интерпретируют запутанный свод законов, следуют различным правилам и сталкиваются с различными нагрузками. Поэтому фрагментация и региональные/местные различия могут быть обычными, даже при наличии определенной степени централизованного управления. В связи с этим большое значение имеют подотчетность и централизация управления.

Государственные нормативные акты, управление эффективностью и другие меры способствуют эффективной институциональной подотчетности. Или же процедуры подотчетности могут быть фрагментарными и сложными в управлении, при этом некоторые органы подотчетны парламенту и общественности через правительство, а на другие в значительной степени влияют меры, направленные на повышение подотчетности через местные государственные органы и пользователей услуг.

Наконец, следует сказать и о том, что общенациональное правительство могло бы выступать в качестве центра изучения политики и выстраивания более действенных каналов информации с региональными/мест-

ными органами власти, которых должны иметь возможность обратиться за советом о том, как действовать. Однако этот процесс не является простым, и могут возникать трения между центром и периферией, связанные с тонкой гранью между поощрением и обязательством к единообразию.

С 1999 года в научном этнополитологическом дискурсе стала рассматриваться идея о существовании шотландского политического стиля, который относится к способам, с помощью которых шотландское правительство разрабатывает политику после консультаций и переговоров с заинтересованными сторонами, такими как заинтересованные группы, местные правительственные организации и профсоюзы [8; 3]. Правительство Шотландии также может претендовать на наличие особого стиля управления: относительной способности или готовности делегировать реализацию политики другим организациям значимым образом.

Относительно недавно шотландское правительство начало формулировать конкретное видение своего этнополитического стиля и национального управленческого подхода. Этот процесс начался в начале 2007 года, в конце эры лейбористов и либерал-демократов 1999-2007 годов, когда бывший постоянный секретарь сэр Джон Элвидж [13, р. 31-33], описывая шотландскую модель управления и потенциал ее использования в связях с органами государственного сектора, предложил упразднить департаменты, занимающиеся конкретными областями политики, и передать общеорганизационные обязанности государственным служащим, которые ранее отвечали за отдельные области.

Однако реально этот подход начал проявлять себя при шотландском правительстве под руководством Шотландской Национальной Партии (SNP), с мая 2007 года, которое ввело Национальную систему показателей эффективности (NPF), основанную на едином десятилетнем видении и переходе к измерению успеха с точки зрения долгосрочных результатов. NPF в Шотландии – это, фактически, инструмент для поддержки целей и приоритетов правительства страны. Изначально NPF использовалась для управления эффективностью государственных услуг. После пересмотра в 2018 году NPF превратилась в систему оценки благосостояния и стала примером национального измерения «за пределами ВВП»⁴. По сути, цель NPF – сосредоточение этнополитических элит на создании более успешной страны с возможностями для процветания всей Шотландии за счёт повышения благосостояния населения, а также устойчивого и инклюзив-

⁴ Текущая версия NPF – National Planning Framework 4 (NPF4) – опубликована 13 февраля 2023 года // URL: https://www.highland.gov.uk/info/178/development_plans/927/national_planning_framework (Дата обращения: 23.05.2025)

ного экономического роста. По мере своих возможностей, правительство Шотландии стремится воплотить эту общую цель в конкретные стратегии и показатели успеха двумя основными способами.

Во-первых, в рамках шотландского национального подхода к системе целей, основанной на показателях, оценивающих экономический рост, производительность, участие на рынке труда, численность населения, неравенство доходов, региональное неравенство и устойчивость. Данная система определяет пять основных стратегических целей:

1. «Богаче и справедливее» – предоставить компаниям и отдельным людям максимальные возможности для увеличения своего благосостояния, а также создать механизмы для реализации справедливого распределения накапливаемых богатств среди всех слоев населения.

2. «Здоровее» – обеспечить для граждан возможности лучшего, локального и быстрого доступа к здравоохранению (с особым вниманием к неблагополучным социальным группам и сообществам).

3. «Безопаснее и лучше» – помочь гражданам в предоставлении им улучшенных возможностей для повышения качества жизни и обеспечения безопасности.

4. «Умнее» – расширение возможностей для достижения успеха как результата непрерывного развития личности (от дошкольного воспитания до вузовского и поствузовского обучения на протяжении всей жизни), а также обеспечение условий для более высоких и широко реализуемых достижений.

5. «Зеленее» – улучшение природной и искусственной среды проживания в Шотландии.

В свою очередь, названные цели сопоставляются с, так называемыми, 16-ю «Национальными результатами» и 50-ю «Национальными индикаторами».

Вся эта система работает в рамках партнерства субъектов всех уровней управления по согласованию целей с NPF. В частности, местные органы власти теперь разрабатывают «Соглашения о единых результатах» (SOA) в соответствии с общим видением и стратегическими целями NPF, но оставляют за местными органами власти право определять баланс между отдельными приоритетами и способами достижения соответствующих целей.

Дух соглашения правительства Шотландии с Конвенцией местных органов власти Шотландии (COSLA) предполагает, что правительство не будет стремиться к управлению местными органами власти или ис-

пользовать внешний контроль и финансирование для достижения краткосрочных целей (хотя субнациональные субъекты могут по-разному относиться к этому центрально-местному взаимодействию). Вместо этого правительство Шотландии поощряет местные власти сотрудничать с рядом других органов государственного сектора, включая здравоохранение, промышленность, правопорядок, пожарную охрану и транспорт, через систему созданных «Партнерств по планированию сообществ» (CPPS), которые поощряют вовлечение сообществ во взаимодействие с третьим и частным секторами, с тем чтобы формулировать общее стратегическое видение и общие цели, а также совместно настраиваться на значимые долгосрочные результаты [3, р. 139-140]. Такая передача полномочий и ресурсов поставщикам услуг и сообществам на местном уровне для реализации приоритетов национальной политики характерна для локализма. Таким образом, NPF предоставляет значительную свободу действий управленческим органам, устанавливающим свои собственные приоритеты.

С 2013 года шотландское правительство стремилось более четко сформулировать значение «шотландского стиля», отчасти для того, чтобы еще больше поощрять его использование и измерять его проявленность в своих действиях. Основными аспектами выступают: 1) эффективность повышения качества услуг, подкрепленную данными, доказательствами и применением соответствующей методологии; 2) опора на сильные стороны и активы отдельных лиц и сообществ, а не только сосредоточение на воспринимаемых дефицитах; 3) услуги, совместно реализуемые как их поставщиками, так и гражданами, а также сообществами, получающими эти услуги [16, р. 4].

Это развитие «шотландского стиля» происходит в контексте меняющейся политической обстановки, в рамках которой возникает необходимость предоставлять государственные услуги при сокращении бюджета. В этой ситуации шотландское правительство стало все чаще брать на себя обязательства по реформированию механизмов предоставления государственных услуг, чтобы сократить неравенство в таких сферах как здравоохранение и образование.

В целом, можно сказать, что «шотландский стиль» возник в 1999 году как широкая идея о том, как управлять на основе консенсуса в эпоху политических изменений. Далее он развивался с 2007 года как способ достижения единого понимания сквозных целей управления и основанной на результатах меры успеха, разработанной в сотрудничестве с

государственным сектором. С 2013 года «шотландский стиль» стал проявляться в способах формулирования и измерения ключевых принципов управления (основанных на активах, совместном производстве, методологии улучшения и т.п.) и решения конкретных проблем (например, неравенства). Другими словами, обозначенный шотландскими властями «шотландский стиль», раскрывается посредством большого количества конкретных реформ, целей и принципов, отличаясь от более четко просматривающегося «британского стиля» политики. Впрочем, необходимо держать в фокусе более широкий контекст, не позволяющий излишне преувеличивать самодостаточность шотландского стиля.

В определенном смысле «шотландский стиль» связан с более широкими явлениями, коренящимися в этнополитических характеристиках Шотландии, обусловленных соответствующими социокультурными основаниями. Поэтому шотландское правительство (в отличие от Лондона) склонно доверять местным властям и использовать более традиционные формы предоставления услуг, что формирует отличительные подходы к управлению. Большая часть исследований в сфере управления, фокусирующихся на Великобритании, подчеркивают связанную с историей обхода местных властей фрагментацию предоставления услуг и акцентом на *quangos*⁵ (часто специально создаваемых) [4, p. 283-284; 5, p. 153-157; 12, p. 32]. За этим последовали попытки координировать разработку политики через политические сети, а затем нисходящая попытка вернуть себе контроль над результатами политики [11, p. 343] – процесс, связанный со строгой постановкой целей. И только относительно недавно мы увидели возрождение идеи локализма как цели политики [14].

Впрочем, шотландский стиль может быть связан с самим шотландским правительством, высокий потенциал которого позволяет развивать относительно тесные личные отношения между ключевыми участниками политического цикла, а также обеспечивать более тесные связи между различными ведомствами. Низкий потенциал шотландского правительства побуждает государственных служащих больше полагаться в получении информации, советов и поддержки не только на тех, кто будет отвечать за реализацию политики на низовых уровнях, но и, прежде всего, на экспертов, не входящих в состав правительства. Политика же правительства Великобритании распространяется гораздо дальше, поскольку

5 Квизигосударственная организация (квазиавтономная неправительственная организация) – это организация, которой правительство передало полномочия, но которая по-прежнему частично контролируется и/или финансируется государственными органами. Аббревиатура образована от сокращения «квази-НПО», где НПО – сокращение от неправительственной организации.

Лондон предпринимает значительно больше попыток контролировать гораздо большее число организаций и структур, оставляя меньше возможностей для личных отношений.

В связи со сказанным мы вновь выходим на более широкий контекст осмысления выработки и принятия политических решений в Шотландии в его пяти основных аспектах. Во-первых, шотландский стиль развивался в период увеличения государственных расходов с 1999 года до середины-конца 2000-х годов, когда было сравнительно мало трудных решений и серьезных политических разногласий. Во-вторых, шотландское правительство не застраховано от международных тенденций, таких как внедрение новых форм и методов государственного управления.

В-третьих, акцент на шотландском стиле может преуменьшить многоуровневый характер процесса выработки политики, в котором шотландский уровень играет, всё же, важную роль. Но важно учитывать и тот факт, что правительство Великобритании по-прежнему оказывает заметное влияние на деволюционные полномочия шотландских властей, в значительной степени определяя бюджет и формируя ключевые отраслевые политики в сферах экономики, социального обеспечения и занятости и других. В результате у Эдинбурга и Лондона возникают межправительственные проблемы, когда государственные услуги, предоставляемые в рамках передачи полномочий, пересекаются с механизмами социального обеспечения и налогообложения. Некоторые из этих пересечений могут стать более существенными по мере расширения деволюции [15]. В таких областях, как экологическая политика, сельское хозяйство, рыболовство, и, косвенно, занятость, на распределение обязанностей в рамках политического цикла накладывается фактор чаяний Шотландии (в лице её политических элит) на вступление в ЕС. В-четвертых, широко распространены департаментализм и политические сообщества, поскольку в самых разных странах существует одна и та же логика разработки политики. Соответственно, разделение происходит из-за того, что министры и государственные служащие имеют свои собственные обязанности и ограниченное время для взаимодействия с субъектами, не входящими в их департаменты. Поэтому существуют неизбежные компромиссы между специализацией департаментов и разработкой межведомственной политики. Субъекты с ограниченными ресурсами сосредотачиваются на конкретных вопросах и направлениях деятельности, имея ограниченное время для понимания других и взаимодействия с ними. В-пятых, после передачи полномочий Шотландии

мы наблюдаем мало фактов того, что различия в разработке политики привели к существенным различиям в её результатах. Например, более критичная литература по социальной политике (где иногда оспаривается идея наличия отличительного шотландского стиля) [9;10], свидетельствует о том, что неравенство в таких областях, как образование, здравоохранение и преступность, остается неизменно высоким.

Таким образом, в целом, шотландский стиль, возможно, имеет свои специфические характеристики, но мы не должны переоценивать его эффективность. По сравнению с общегосударственной ситуацией по Великобритании в целом, мы можем отметить, что у высокопоставленных политиков Шотландии имеется больше возможностей для формирования личных связей с участниками политического цикла (такими как заинтересованные группы и государственные органы), оказывающими влияние на процесс инициирования и формирования политики. Это могло бы помочь: 1) минимизировать изоляцию, если шотландское правительство устанавливает национальные рамки с межсекторальными целями и наделяет министров обязанностями, охватывающими департаменты; 2) сгладить неопределенность, возникающую при регулярном взаимодействии участников политического цикла для определения и решения ими политических проблем; 3) обеспечить некоторую осмотрительность в рамках взаимодействия общенациональных и местных субъектов управления для достижения общих политических целей.

С другой стороны, шотландский стиль содержит в себе стремление к такому подходу в реализации политики (более «снизу вверх» и менее «сверху вниз»), в рамках которого поощряется участие общественных субъектов в процессе инициирования и реализации политики, превращая её из государственной в публичную. Это подразумевает поощрение дискрецию, повышение значимости региональной и местной политик, а также признание того, что некоторые отраслевые политики могут формироваться и реализовываться при отсутствии центрального управляющего субъекта.

В целом же, можно отметить, что шотландское правительство сталкивается с теми же проблемами, что и правительства других стран. Система подотчетности становится довольно запутанной, поскольку, например, строго регламентированные цели или показатели эффективности выполняются параллельно с общими долгосрочными целями, с которыми все согласны, но которые не являются приоритетными. Регулярное обсуждение не устраняет двусмысленности и не приводит к достижению со-

гласия в масштабах всего управления относительно того, как понимать и решать проблемы. Участники политического цикла могут иметь возможность изменить некоторые аспекты отдельных отраслей, но не могут полностью изменить способы специализации и объединения людей; имеют возможность внедрять политические решения, но ограничены в понимании того, почему и как они должны это делать.

Список литературы / Bibliography

1. Cairney P. Geyer R., Introduction, in R Geyer, P Cairney (eds) Handbook of complexity and public policy, Cheltenham: Edward Elgar, 2015.
2. Cairney P. What is complex government?, Public Money and Management 35, 2015. № 1. P. 3-6.
3. Cairney P., McGarvey N. Scottish politics, 2nd edn, Basingstoke: Palgrave, 2013.
4. Gray C. A 'hollow state'?, in R Pyper, L Robins (eds) United Kingdom governance, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000.
5. Greenwood J., Pyper R., Wilson D. New public administration in Britain, London: Routledge, 2001.
6. Jordan G., Halpin D. The political costs of policy coherence, Journal of Public Policy, 2006. № 26. P. 1-21
7. Jordan G., Cairney P. What is the 'dominant model of British policymaking'? British Politics. 2013. № 8, 3. P. 233-259.
8. Keating M. The Government of Scotland, 2010, 2nd edn, Edinburgh: Edinburgh University Press.
9. Law A., Mooney G. 'We've never had it so good': The problem of the working class in devolved Scotland, Critical Social Policy, 2006. № 26, 3. P. 523-542.
10. Mooney G., Poole L. A land of milk and honey? Social policy in Scotland after devolution, Critical Social Policy, 2004. № 24, 4. P. 458-483.
11. Richards D., Smith M. The 'Hybrid State', in S Ludlam, M Smith (eds) Governing as New Labour, London: Palgrave, 2004.
12. Stoker G. Transforming local governance, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
13. Электронный источник: Elvidge J. Northern exposure: Lessons from the first twelve years of devolved government in Scotland, London: Institute for Government, 2013 // URL: www.cbr.ru (Дата обращения: 23.05.2025).
14. Электронный источник: Local Government Association, 2013, Localism Act. // URL: www.local.gov.uk/localism-act (Дата обращения: 23.05.2025).
15. Электронный источник: McEwen N., Petersohn B. Between autonomy and interdependence, Political Quarterly, 2015. // URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-923X.12162/abstract> (Дата обращения: 23.05.2025)
16. Электронный источник: Scottish Government and ESRC, 2013, What Works Scotland (WWS) // URL: www.esrc.ac.uk/_images/WWS%20Call%20spec%20FINAL%2006%20Jan%202014_tcm8-29575.pdf (Дата обращения: 23.05.2025)

Тянь-Юй Ли

*Аспирант факультета педагогического образования,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.*

Ли Пэнчэн

*Факультет педагогического образования,
Университет Лишуй, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.*

Мэй Яньлин*

*Факультет марксизма, Университет Лишуй,
г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.*

Модель развития социально-ориентированного поведения студентов университета в идеологическом и политическом воспитании

Аннотация. Реализация потребности в самосовершенствовании не только формирует положительные качества и личностную ценность студентов, но и позволяет обеспечить их интеграцию и адаптацию в обществе и развивать чувство социальной ценности на основе учета интересов других людей. Самосовершенствование в таком ключе способствует социально-ориентированному поведению через инициативу и общественный характер деятельности. Формирование общественно-ориентированного поведения способствует развитию студентов и формированию гармоничных социальных отношений. В данной статье авторами предложена модель идеологического и политического воспитания в целях развития общественно-ориентированного поведения студентов университета. Основываясь на существующей реальности идеологического и политического воспитания и базовых социалистических ценностях, авторы ведут поиск эффективных мер для улучшения текущей ситуации, поддерживают идеи социально-ориентированного поведения студентов университета, а также выстраивают стратегию учета интересов в поведении студентов.

Ключевые слова: идеологическое и политическое воспитание, социально-ориентированное поведение, стратегические рекомендации.

* Автор-корреспондент: Мэй Яньлин, e-mail: lpc0112@126.com

Tian Yu Li

Student Faculty of Teacher Education of Lomonosov Moscow State University.

Pengcheng Li

Faculty of Teacher Education, Lishui University, Lishui 323000, Zhejiang, China.

Yanling Mei**

Faculty of Marxism, Lishui University, Lishui 323000, Zhejiang, China.

The path recommendation model of Cultivating College Students' prosocial behavior in Ideological and Political Education

Annotation. The self-enhancement needs of college students should not only improve their own positive qualities and personal value, but also realize the integration and adaptation between themselves and society by paying attention to the interests of others, so as to enhance the sense of social value. This kind of self enhancement needs to promote prosocial behavior through two paths: initiative and sociality. The formation of prosocial behavior is conducive to the healthy development of college students and the formation of a harmonious social relationship. Based on this, this paper designs the path recommendation model of Ideological and political education to cultivate college students' prosocial behavior. Starting from the reality of Ideological and political education, under the guidance of socialist core values, it seeks effective countermeasures to improve the current situation of cultivation, promotes college students' prosocial behavior, and recommends the behavior path by selecting the interest characteristics of students' behavior.

Key words: ideological and political education, prosocial behavior, path recommendation.

Introduction

Prosocial behavior refers to the behavior that is beneficial to others. Its be-

** Corresponding Author: Yanling Mei, Email: lpc0112@126.com

havior is similar to altruistic behavior, which is beneficial to others and society. Prosocial behavior pays attention to behavior performance, and its motivation is more diversified, which can be to pay attention to the interests of others, or to obtain positive social evaluation and reduce their own internal negative state. Therefore, the concept of prosocial behavior is broader than that of altruistic behavior^[1]. As the motivation of prosocial behavior includes both pure altruistic motivation to benefit others and self-serving motivation to enhance individual self-worth and social value, prosocial behavior can be regarded as a continuum from self-benefit to others-benefit^[2]. The research on the cognitive representation of College students' prosocial behavior finds that the conceptual representation of College students' prosocial behavior includes four dimensions: altruism, relationship, compliance, public welfare and trait^[3]. College students believe that prosocial behavior not only refers to the altruistic behavior of "helping others" or "sacrificing oneself to save others", but also includes the behavior related to the improvement of individual's positive quality and sense of self-worth, the improvement of harmonious relationship between oneself and others, and the improvement of social public value. It can be seen that the concept representation category of prosocial behavior of college students has broken through the single altruistic characteristics embodied in traditional research^[4]. The conceptual representation structure of College Students' prosocial behavior reveals that the psychological needs of individuals seeking self-improvement internally, seeking self-improvement externally and social integration and adaptation are widespread. Prosocial behavior based on self-enhancement orientation has the dual functions of serving others and improving self, so it is increasingly concerned by researchers^[5]. At the same time, the mechanism of this behavior has gradually become a research hotspot in related fields. This paper will explore the mechanism of prosocial behavior from the perspective of self-enhancement.

1. Analysis of the influence of Ideological and political education on Cultivating College Students' prosocial behavior

Ideological and political education is the spiritual core of building a harmonious society and the inevitable requirement of building a harmonious society. The cultivation of prosocial behavior is one of the important goals of Ideological and political education^[6]. If we want to make the socialist core values recognized in college students' ideas, and make the prosocial behavior internalized into students' consciousness and action, we need long-term publicity, education and practice. The teaching of Ideological and political courses aims

to carry out ideological and political propaganda and moral quality education for students, help them establish correct outlook on life and values, shape their beauty souls and promote their social development^[7]. At present, one of the important goals of Ideological and political education in our country is to put the requirements of socialist core values throughout classroom teaching, throughout all aspects of students' Ideological and moral construction, and promote the cultivation of College students' prosocial behavior ability. This will provide a theoretical basis and important guarantee for students to truly understand the requirements of the socialist core value system for prosocial behavior, establish harmonious interpersonal relationships, and promote students' physical and mental health, harmony, and all-round development^[8]. First of all, carry out the reform of curriculum system, follow the principle of "student development oriented", closely combine with the characteristics of College students' psychological development; combine theory with practice, under the premise of basically not changing the teaching hours, put the requirements of socialist core values on prosocial behavior into the ideological and political classroom education^[9]. Through combination and infiltration, from the perspective of educational practice, this paper innovates the teaching mode of Cultivating College students' prosocial behavior, and constructs the theoretical basis of prosocial behavior. Secondly, to carry out lectures on the prosocial behavior of College students Guided by socialist core values^[10]. This paper discusses how to cultivate college students' prosocial behavior from the perspectives of the development of students' emotions, attitudes and values. Strengthen the education of responsibility consciousness and improve consciousness. We should make clear the value orientation, standardize the code of conduct, and strengthen the concept of prosocial behavior. The cultivation of prosocial behavior among college students should be carried out through multiple channels and perspectives^[11]. In order to realize the innovation of the cultivation mode of prosocial behavior, it is necessary to supplement the deficiency of the classroom teaching of Ideological and political courses in the cultivation of College students' prosocial behavior.

Helping others is prosocial behavior. Helping behavior is generally observed in daily social life, such as friends and classmates helping each other to complete a task. Scholars usually define it as the behavior that brings benefits to others, which is a subordinate concept of prosocial behavior and can be understood as a representative prosocial behavior^[12]. Altruistic behavior also belongs to prosocial behavior, which is the subordinate concept of prosocial behavior. Altruistic behavior is a special and purely altruistic prosocial

behavior. From the perspective of motivation and purpose of helpers, altruistic behavior motivation is voluntary, does not expect any return and reward, its purpose is purely for the benefit of others^[13]. Helpers help others with the belief that they are selfless and unrequited. The motives and purposes of prosocial behavior are various, including egoism and pure altruism. For example, the motivation of prosocial behavior can be: to make yourself happy, to gain social approval, to alleviate the sense of guilt, to help others in trouble, and so on. Based on this, this paper optimizes the relationship model of College students' prosocial behavior.

The "self directivity" of prosocial behavior has been paid more and more attention by researchers. The integration of other orientation and self orientation of prosocial behavior has become a problem worthy of attention, because only in this way can we better understand human prosocial behavior. However, according to the current research data, there is still a lack of relevant empirical research and effective theoretical model^[14]. The self directivity and other directivity of prosocial behavior both reflect the individual's need for self enhancement in the process of positive social interaction. In other words, it is this need for self enhancement that promotes the occurrence of prosocial behavior in specific situations. Self enhancement refers to the tendency of individuals to selectively focus on, emphasize and exaggerate the positive aspects of themselves. Individuals will enhance their "positive self" in the dimensions they value^[15]. For example, some people associate their "positive self" with their personal characteristics, and their self enhancement needs are realized by emphasizing and exaggerating their unique qualities. Other people pay more attention to

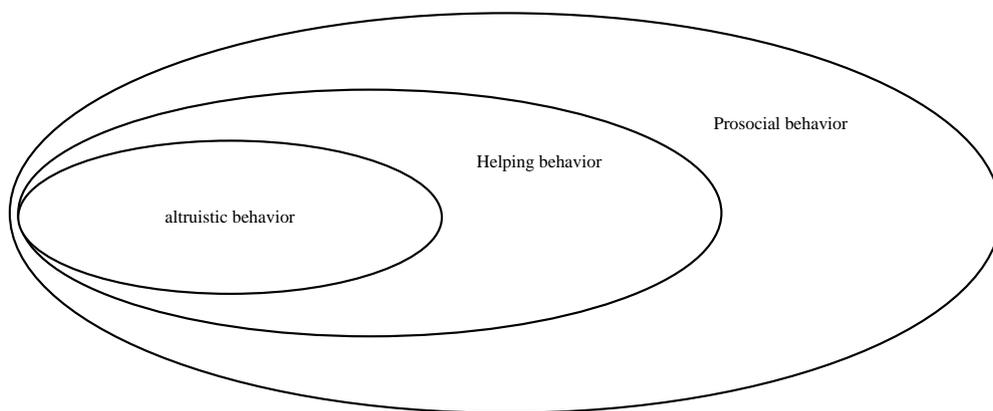

Fig. 1. The relationship among prosocial behavior, helping behavior and altruistic behavior.

relationships. When they enhance the positive “self”, they tend to put the positive elements of self into the specific relationship background, and achieve the purpose of enhancing self-worth by promoting the harmony of the relationship^[16]. It can be seen that people’s need for self enhancement is the driving force to promote prosocial behavior, which includes both altruistic motivation of prosocial behavior pointing to the interests of others and the motivation of self-worth promotion^[17]. Therefore, analyzing prosocial behavior from the perspective of self enhancement can further improve the theoretical model of prosocial behavior research, and the need for self enhancement reflects the relationship between individuals and the willingness of others to benefit and realize self-worth promotion. Next, we discuss the path of prosocial behavior in the dimensions of initiative and sociality.

The social cognitive processes of individuals in the dimensions of initiative and sociality are not parallel. The emotional process in the social field will take place first, which makes the influence of emotion on behavioral response more important. The gratitude from the recipient will not only enhance the social value of the donor, but also enhance the self-efficacy of the donor. However, the gratitude of the recipient can further promote the prosocial behavior only through the mediating role of the social value (not self-efficacy) of the donor^[18]. Although this study supports the priority processing effect of emotion in the social dimension to a certain extent, the situational variables (gratitude from the recipient) selected by the researchers themselves have obvious social

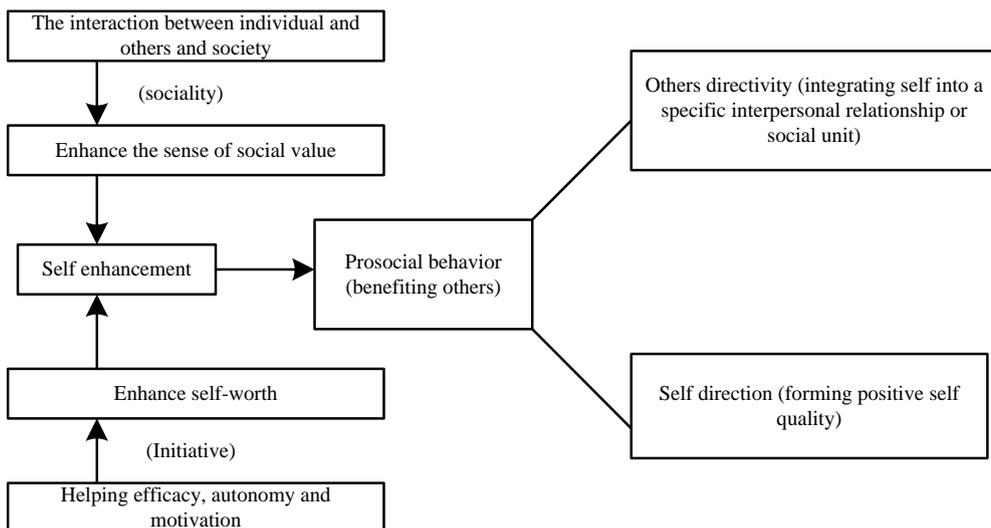

Fig. 2. The dynamic path and social path of prosocial behavior.

implications. In such situations, the role of “others” in the environment will be highlighted. Therefore, it is easier to activate the influence path of social emotion processing on prosocial behavior, and reduce the influence of internal dynamic factors on behavior intention ^[19]. Therefore, the activation order of activism and sociality in the process of social cognitive processing may depend on their correlation with stimulus materials or environmental variables. In view of this, future research should continue to examine whether the pro social behavior initiative path can also be activated preferentially in the context of helping others with a strong sense of efficacy.

From the perspective of self perception and others’ perception, this paper links the social dimension with the tendency to promote others’ benefits, and the initiative dimension with the tendency to promote self benefits. It uses the dichotomy of “altruism egoism” to simply set up the relationship between initiative and sociality. It holds that the former is more closely related to egoism, and the latter is more closely related to altruism close together. But in fact, the seemingly “self-interest” initiative may also bring benefits to others in specific situations. In fact, prosocial behavior on the path of initiative also has the dual function of promoting the interests of others and self-worth, rather than always pointing to self benefit ^[20]. It is found that initiative is not only derived from the need for self-service, but also from the need to promote the interests of others. When the goal pursued by an individual has the characteristics of “high sociality” or “behavioral interest”, the initiative has the characteristics of self-interest and altruism, which will benefit others. This shows that prosocial behavior not only benefits others, but also meets the psychological needs of self-improvement or self enhancement on the level of initiative. At the same time, a large number of empirical studies have found that the sense of efficacy and the need for autonomy related to initiative can promote the occurrence of prosocial behavior. The social dimension emphasizes the attention to the welfare of others, the cooperation with others, and the expression of emotions to others, so as to realize the integration of self and society.

2. Path recommendation algorithm for prosocial behavior of College Students

College students’ prosocial behavior path recommendation is mainly based on the collection and analysis of students’ behavior initiative and interest characteristics. The sense of help efficacy and autonomous motivation are two important factors. Helping efficacy promotes prosocial behavior, while autonomous helping motivation, as an internal stable trait, restricts the influence of

environmental factors on prosocial behavior. In the aspect of sociality, individuals' perception of social value and social openness of behavior, as well as the representation of the relationship between the donor and the recipient, or the intention of prosocial behavior have an important impact. The advantage of College students' prosocial behavior path recommendation lies in rich resources, but different styles of learners have different preferences for prosocial behavior path recommendation. The resource preference of Ideological and political learners is one of the external characteristics of personal style. By studying the preference priority sequence of different types of learning resources of learners with different behavior styles, the resource preference is described and quantitatively estimated. For example, according to the prosocial behavior path of college students, the recommended resource types are divided into four categories, and the preference for different resources corresponds to different external performance behaviors. Among them, the prosocial behavior preference of college students is shown on the table.

Table 1. Analysis of College Students' prosocial behavior resource preference.

Resource type number	Resource preference	Performance behavior
1	Text	Browse PPT, browse post, view e-book data
2	Video and audio	Watch teaching video
3	Exercises	Online exercises after class, online contact
4	Ask for help	Post for help and communicate with others

Table 2. External performance of behavior style.

Learning style	The main external performance behavior
Activity	Post and communicate with others
Meditative	Browse, ppt
Perception type	Watch teaching video
Intuitive type	On line exercises after class
Visual type	Watch teaching video
Speech type	Post and communicate with others
Sequence type	On line exercises after class
Comprehensive type	Post, communicate with others, watch teaching videos

Table 3. Priority analysis of pro-social behavior style and ideological and political learning resource preference.

Learning style	Resource preference prioritization
Activity	4,3,1,2
Meditative	1,2,3,4
Perception type	2,1,3,4
Intuitive type	3,1,2,4
Visual type	2,1,3,4
Speech type	4,2,1,3,
Sequence type	1,2,3,4,
Comprehensive type	4,1,2,3

The prosocial behavior preference of college students is quantified as vector $C = (C_1, C_2, C_3, C_4)$, in which C_i represents the preference weight of text type, video and audio type, exercise type and conversation resource learners respectively. The preference weights are arranged in descending order according to the priority sequence, and $C_1 - C_2 + C_3 + C_4 = 1$. Will. C_1, C_2, C_3, C_4 etc. For example, active learners' resource preference can be quantified as $C_i = \{0.4, 0.3, 0.2, 0.1\}$. Due to too many kinds of data, it will interfere with the development of learning analysis and personalized path recommendation. How to select the appropriate dimension of information data to build a learner model is a problem worthy of study. For this reason, the relevant features in interactive activities can be divided into three categories, namely static features, dynamic features and derived features. Learners' static feature data can be obtained directly through the school ideological and political teaching management model and students' electronic files, and students' prosocial behavior dynamic feature data can be obtained through interactive activities.

Table 4. Personalized learning model of students' prosocial behavior.

Category	Main attribute
Static characteristics	Personal basic information
	Academic record of history
	Learning background

Dynamic characteristics	Learning performance
	Course schedule
	Learning behavior
	Hobby
	Evaluation information
	Learning attitude
	Learning objectives
	Cognitive level
Export features	Learning style
	Resource preference

Using the scoring method of students' prosocial behavior path based on multi factor fuzzy evaluation method, the comments on students' prosocial behavior path are converted into corresponding scores, which are used as pheromones in the algorithm. There are three advantages of using this method: firstly, the scoring method formulates the path scoring criteria; secondly, it makes full use of Web short text data; thirdly, it uses a variety of subjective and objective data to evaluate the recommended path, so as to reduce the impact of visual scoring on pheromone calculation and increase the credibility of decision-making. This paper constructs a hierarchical evaluation index system for personalized students' prosocial behavior path recommendation, refines the evaluation factors of personalized students' prosocial behavior path from top to bottom, analyzes the characteristics of personalized recommendation path, and obtains the evaluation levels of personalized recommendation path as shown in the following table. The evaluation system has three primary indicators (evaluation criteria) and eight secondary indicators (evaluation factors), which constitute a three-tier evaluation system of objects, criteria and factors. Using the evaluation system, we can use a variety of subjective and objective data to evaluate the recommended path from all aspects.

Definition 1: set generation t students' interest in prosocial behavior, and student A 's interest in student B is expressed as $T(A,B)$.

Table 5. Evaluation hierarchy of personalized recommendation path of students' prosocial behavior.

Evaluation object	Evaluation criteria	Evaluation factors
Personalized learning path (Lij)	Applicability	Do you take advantage of your personality Is it in line with the current cognitive level
	Purposefulness	The correlation between path nodes and learning objectives
		Learning duration ratio before and after recommendation
	Experiential	Recommendation satisfaction evaluation
Path adoption rate Interest matching degree Content relevance of recommended learning resources		

Definition 2: set T_1 as the direct path. When student A pays attention to student B, the formula of T_1 is as follows:

$$T_1 = \left\| \frac{\alpha(A) \cap \alpha(B)}{B_1 \cup B_2} \right\| \quad (1)$$

In the formula, α is student A to student B behavior attention set.

Definition 3: set T_2 as indirect behavioral interest. If student A has direct behavioral interest relationship with student B, and student B has direct behavioral interest relationship with student C, then there is indirect behavioral interest relationship between student A and student C. At this time, the indirect behavioral interest can be expressed by the following mathematical formula:

$$T_2 = \prod T_1 \quad (2)$$

Definition 4: set R as the transfer path between students. The transfer path R includes R_1 direct path and R_2 indirect path.

After similarity calculation, the improved collaborative filtering algorithm is used to optimize the model. According to the students' interest in behavior, the behavior interest matrix is established. The mean clustering of the improved collaborative filtering method is used to classify the students, and the clustering centers of N categories are obtained. According to the maximum

degree principle of the obtained modulus matrix, the final score of the comprehensive evaluation is selected and recorded as the equal pheromone.

$$P_i = W_i \circ A_i = (w_{i1}, w_{i2}, \dots, w_{in}) \circ \begin{pmatrix} x_{11} & \cdots & x_{1n} \\ \vdots & \ddots & \vdots \\ x_{m1} & \cdots & x_{mn} \end{pmatrix} = (b_{i1}, b_{i2}, \dots, b_{in}) \quad (3)$$

P is the score of the ith judging criterion, “ \circ ” is the fuzzy operator. The formula to calculate the comprehensive evaluation result vector P is as follows:

$$P = P_i W_i \circ [P_1, P_2, \dots, P_k]^T = (b_1, b_2, \dots, b_n) \quad (4)$$

According to the principle of maximum membership, the maximum value in P is selected as the final comprehensive scoring value, which is also the value of pheromone R, as shown in the formula.

$$R_y^k = \text{Max}(b_1, b_2, \dots, b_n) \quad (5)$$

The original personalized path recommendation algorithm is extended based on ant colony algorithm, so it inherits the defect that ant colony algorithm is easy to fall into local optimal. In other words, the pheromone concentration of a certain recommended path is significantly different from that of other paths during the algorithm operation, which makes the coverage of heuristic information and the effect of pheromones produced by other (similar) learners ineffective. Therefore, the pheromone limit interval is introduced when the pheromone of each section of the recommended path is updated globally, and the maximum and minimum values are set to avoid the occurrence of the above situation. The limit formula is shown below.

$$R_y^k(t, u) = \begin{cases} R_{\max}, & R_{ij}^k(t, u) \geq R_{\max} \\ R_{\min}, & R_{ij}^k(t, u) \leq R_{\min} \\ R_{ij}^k(t, u), & R_{\min} < R_{ij}^k(t, u) < R_{\max} \end{cases} \quad (6)$$

Through the binary k - means clustering algorithm is divided into m class, recommended path choice probability, which is decided by the pheromone and the heuristic information of pheromones give impact for others, heuristic information for their own, collaborative filtering algorithm can break only based on the evaluation content, the limitations of can be included in the scope of such as pictures, audio and video. Calculate the source of similarity and recommend a wider range of items. The collaborative filtering algorithm can fully excavate the implicit preference information in the data, and on this basis, rec-

ommend points of interest to students. The working principle of collaborative filtering algorithm used to optimize a recommendation model of interest points of location prosocial behavior to evaluate information is shown in the figure.

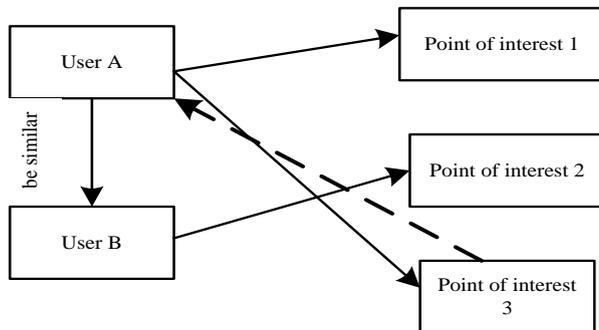

FIG. 3. Working principle of the point of interest recommendation model for social behavior.

The improved collaborative filtering algorithm is divided into six methods. Among them, mean clustering is the most commonly used method. Now, mean clustering in collaborative filtering algorithm is introduced into the recommendation model of interest points of prosocial behavior, and students are divided into different categories according to the scoring preference, which can save the online calculation time, reduce the running time of the model, and improve the recommendation quality.

3. Analysis of experimental results

Through the statistical analysis of the learning frequency of learners in accordance with the recommended path sequence, the rationality of the model recommended path can be inferred. Sequence statistics at the learn-

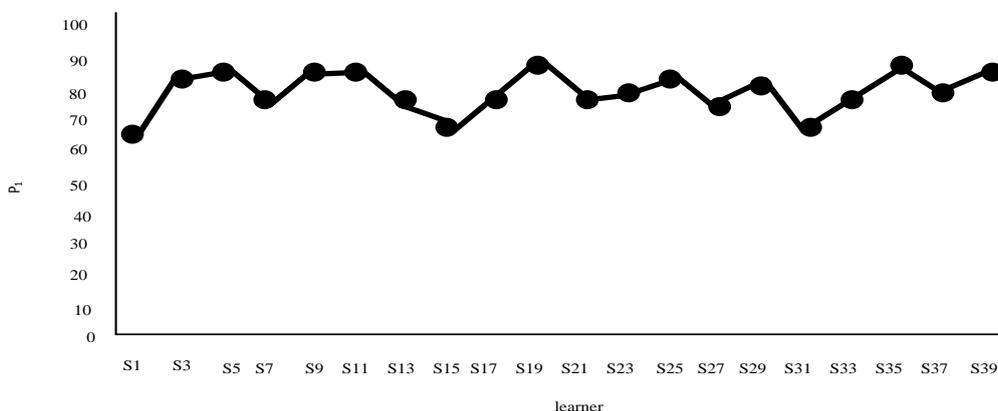

FIG. 4. Recommendation frequency analysis of students' prosocial behavior path.

ing objectives under the knowledge point of learning, learning sequence is the same as the recommended path sequence number for L_1 , not exactly the same number of L_2 , the recommended path of use frequency for $P_1 = L_1 (L_1 + L_2)$, set the statistical period for a month, carried out in accordance with the learner ID in ascending order, choose the learner ID number is an odd number of the top 20 students learning records to make statistical analysis, the results shown:

The figure above shows the frequency of learners' learning in turn according to the recommended path recommended by the model, where the horizontal axis represents learners and the vertical axis represents the frequency P (expressed as percentage) of learners' learning in full accordance with the recommended path recommended by the model. It can be seen from the figure that the usage frequency of the recommended path of the model is basically higher than 80%, although the usage frequency of a few is lower than 70%, the average value can reach 81.35%. It can be considered that this model has certain rationality for the recommendation of the recommended path. This result is consistent with the data results of the questionnaire survey on the recommended path, which further verifies the strong rationality of this model for the recommended path, so as to provide effective help for learners' learning. The statistical period was set as one month, arranged in ascending order of learner ID, and the learning records of the top 20 students with odd learner ID were selected for statistical analysis. The results were shown in the figure below:

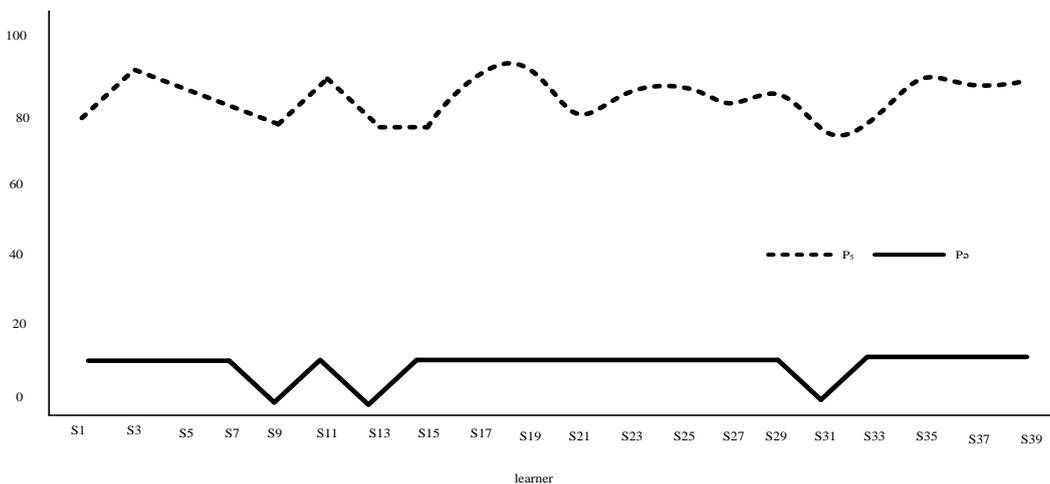

Fig. 5. Prosocial behavior path inference accuracy result statistics.

The figure above presents the statistical results of the accuracy of behavioral style inference, including the frequency with which learners first choose the type of resource recommended by the model for learning, and the accuracy of the model for learner behavioral style inference. In the figure, the x-coordinate represents the learner, and the y-coordinate represents the preferred rate $P<$ (expressed as a percentage) of the recommended resources or the accuracy rate P_0 of the model for behavior style inference (expressed as a numerical value). It can be seen from the figure that, for different learners, the values of P and are basically higher than 80%, although a few values are lower than 70%, and the average value can reach 86.19%. To some extent, it can be considered that this model has a certain accuracy in inferring learners' behavior style. Also can be seen from the picture, for most learners P_0 has a value of "10", said the learner preferences of the resource type and its behavior is consistent style field corresponding resource type. The behavior of the model is obtained by calculating the overall style measurement accuracy of a value of 85.0%, the value is the value P_0 with basic, P_0 relations with A form to confirm each other. To sum up, this model has a certain accuracy in inferring learners' behavior style, but it still needs to be further improved. This result is consistent with the results of the questionnaire survey on learning resources, which further verifies the accuracy of the model in the inference of learners' behavior style, so as to improve the accuracy of the model in providing personalized learning support services to learners. Query the relevant data in the

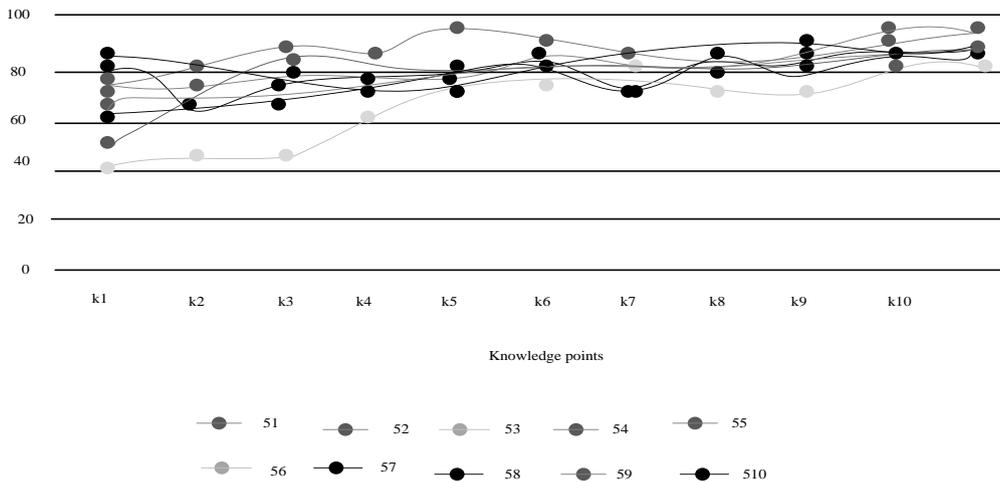

Fig. 6. Recommended path change curve.

database and conduct statistical analysis. Due to the large amount of data in this part, this study only selects the data within one month and sorts them according to the student ID, only counting the records of the top 10 students. Because different learners have different knowledge points, in order to facilitate comparison and analysis, this part only selects the top 10 behavioral interest scores of each student according to the time sequence of knowledge points. The statistical results are shown in the figure:

The figure shows the scores of each student on the knowledge points they have learned. The x-coordinate in the figure represents the knowledge points learned by each student. Since the specific knowledge points learned by different students are not exactly the same, the k1-K10 in the figure only represents the top 10 knowledge points learned by students in chronological order, not the specific knowledge point ID. The ordinate in the figure represents the score corresponding to each knowledge point. As can be seen from the figure, with the increase in the time using the model, the score of learners in learning various knowledge points has a certain rising trend, but it is not obvious. This study believes that the main reasons for this phenomenon include the following aspects: On the one hand, the improvement of academic performance requires a relatively long-term process, while a month is not long enough, and learners' academic performance cannot be significantly changed in the short term. On the other hand, the main purpose of this adaptive path recommendation is to optimize the learning process of learners, improve their learning efficiency, reduce the time cost and energy cost of online learning, and enhance their learning interest and confidence, which will effectively promote the improvement of learners' ideological and political learning performance and the development of pro-social behaviors.

Conclusion

Prosocial behavior refers to the behavior beneficial to others and society, such as courtesy, help, cooperation and sharing, which people show in social communication. In the development of society as a whole and the prosocial behavior, which lays an important foundation to constitute a harmonious relationship between human and has become an important part of social ethics, for the healthy development of individual and social progress plays a positive and far-reaching effects, based on this to ideological education as the research direction, the prosocial behaviors of college students, optimization design was carried out on the recommended path model.

Список литературы / Bibliography

1. Nabizadeh A.H., Jorge A.M., Leal J.P. Estimating time and score uncertainty in generating successful learning paths under time constraints [J]. *Expert Systems*, 2019. № 36(2). P. 1-17.
2. Martin D.U., Perry C., Macintyre M.I. et al. Investigating the nature of children's altruism using a social humanoid robot [J]. *Computers in Human Behavior*, 2020, 104(Mar.):106149.1-106149.8.
3. Lavertu L., Marder B., Erz A. et al. The extended warming effect of social media: Examining whether the cognition of online audiences offline drives prosocial behavior in 'real life' [J]. *Computers in Human Behavior*, 2020. № 110 (4). P. 106389.
4. Iten G.H., Bopp J.A., Steiner C. et al. Does a prosocial decision in video games lead to increased prosocial real-life behavior? The impact of reward and reasoning [J]. *Computers in Human Behavior*, 2018. № 89. P. 163-172.
5. Stockdale L.A., Coyne S.M., Padilla-Walker L.M. Parent and Child Technoference and Socioemotional Behavioral Outcomes: A Nationally Representative Study of 10 - to 20-Year-Old Adolescents [J]. *Computers in Human Behavior*, 2018. № 88 (4). P. 219-226.
6. Cox J., Nguyen T., Thorpe A. et al. Being seen to care: The relationship between self-presentation and contributions to online pro-social crowdfunding campaigns [J]. *Computers in Human Behavior*, 2018. № 83. P. 45-55.
7. Verheijen G.P., Stoltz S.E.M.J., Berg Y.H.M.V.D. et al. The influence of competitive and cooperative video games on behavior during play and friendship quality in adolescence [J]. *Computers in Human Behavior*, 2019, 91. P. 297-304.
8. Zhu H., Tian F., Wu K. et al. A multi-constraint learning path recommendation algorithm based on knowledge map [J]. *Knowledge-Based Systems*, 2018. № 143. P. 102-114.
9. Kang W.G., Kim T.H., Park S.W. et al. Modeling of Effective Path-Length Based on Rain Cell Statistics for Total Attenuation Prediction in Satellite Link [J]. *Communications Letters, IEEE*, 2018. № 22 (12). P. 2483-2486.
10. Alexandridis G., Chrysanthi A., Tsekouras G.E. et al. Personalized and content adaptive cultural heritage path recommendation: an application to the Gournia and Catalhoeyuek archaeological sites [J]. *User modeling and user-adapted interaction*, 2019. № 29 (1). P. 201-238.
11. Saggi M.H., Sheikh N.A., Niazi U.M. et al. Predicting the Structural Reliability of LNG Processing Plate-Fin Heat Exchanger for Energy Conservation [J]. *Energies*, 2020. № 13 (9). P. 2175.
12. Lien Y.C.N., Wu W.J., Lu Y.L. How Well Do Teachers Predict Students' Actions in Solving an Ill-Defined Problem in STEM education: A Solution Using Sequential Pattern Mining [J]. *IEEE Access*, 2020. № 99. P. 1-1.
13. Wang Z., Li P., Zhang L. et al. Community-aware Photo Quality Evaluation by Deeply Encoding Human Perception [J]. *IEEE Transactions on Multimedia*, 2019. № 99. P. 1-1.
14. Rahul S., Thurmon L. Inertial Sensor-Based Variables Are Indicators of Frailty and Adverse Post-Operative Outcomes in Cardiovascular Disease Patients [J]. *Sensors*, 2018. № 18 (6). P. 1792.
15. Shi D., Wang T., Xing H. et al. A learning path recommendation model based on a multidimensional knowledge graph framework for e-learning [J]. *Knowledge-Based Systems*, 2020. № 195 (4). P. 105618.
16. Liu J., Fu L., Wang X. et al. Joint Recommendations in Multilayer Mobile Social Networks [J]. *IEEE Transactions on Mobile Computing*, 2020, 19(10):2358-2373.
17. Gupta M., Kumar P. Recommendation generation using personalized weight of meta-paths in heterogeneous information networks [J]. *European Journal of Operational Research*, 2020. № 284 (2). P. 660-674.
18. Vijayakumar V., Vairavasundaram S., Logesh R. et al. Effective Knowledge Based Recommender System for Tailored Multiple Point of Interest Recommendation [J]. *International Journal of Web Portals*, 2019. № 11 (1). P. 1-18.
19. He X.J., Dong Y., Zhen Z. et al. Weighted meta paths and networking embedding for patent technology trade recommendations among subjects [J]. *Knowledge-Based Systems*, 2019. 184 (Nov.15):104899.1-104899.10.
20. Amal S., Tsai C.H., Brusilovsky P. et al. Relational Social Recommendation: Application to the Academic Domain [J]. *Expert Systems with Applications*, 2019. № 124. P. 182-195.

Внутренняя логика и внешние вызовы 75-летнего развития отношений нового типа между Китаем и Россией как крупными странами

Аннотация. На основе системного анализа эволюции китайско-российских отношений за семьдесят пять лет (1949–2024 гг.) в статье обобщаются этапы развития двусторонних связей: от военного союза, руководимого идеологией, через стратегическое противостояние и сотрудничество в поисках моделей взаимодействия, к институционализированному сотрудничеству. Внутренняя логика этого процесса заключается в утверждении принципа суверенного равенства, мирном урегулировании исторических вопросов и формировании комплексной сети взаимозависимости. Столкнувшись с изменениями в международной обстановке, Китай и Россия, придерживаясь модели «партнёрства без союза», эффективно противостоят стратегии сдерживания со стороны США, а также выстраивают многопрофильную архитектуру сотрудничества в рамках структурного соперничества на евразийском геоэкономическом пространстве и в ответ на индо-тихоокеанскую стратегию. Статья подчёркивает, что новое качество китайско-российских отношений как крупных держав уже вышло за рамки двустороннего уровня и стало ключевой силой, влияющей на формирование многополярного мирового порядка. Некоалиционный формат взаимодействия двух стран служит эмпирическим примером преодоления традиционных проблем союзнических отношений.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, трансформация международного порядка, стратегическое партнёрство, геополитическое соперничество, евразийская геоэкономическая стратегия.

The internal logic and external challenges of the 75-year evolution of the new type major-country relationship between China and Russia

Annotation. Based on a systematic review of the evolution of China-Russia relations over the past 75 years (1949-2024), this article summarizes that the relationship between the two countries has undergone a transformation from an ideological led military alliance, strategic confrontation, and collaborative exploration to institutional cooperation. Its internal logic is reflected in the establishment of the principle of sovereign equality, peaceful resolution of historical legacy issues, and the formation of a composite interdependent network. In the face of changes in the international environment, China and Russia have effectively responded to the US containment strategy through the «partnership rather than alliance» model. In the structural game between the Eurasian geoeconomic layout and the Indo-Pacific strategy, a cooperation framework covering multiple fields such as energy, digital governance, and cross-border infrastructure has been constructed. The article emphasizes that the new type of major-country relationship between China and Russia has surpassed the bilateral scope and become a key force in shaping a multipolar international order. Its non-confrontational cooperation paradigm provides empirical samples for avoiding the dilemma of traditional alliances.

Key words: China-Russia relations, International order transformation, Strategic collaborative partnership, Geopolitical game, Eurasian geoeconomic layout.

Данная статья является промежуточным результатом научного проекта, финансируемого в рамках базового научного фонда высших учебных заведений провинции Хэйлуцзян за 2018 год (номер проекта: 2018-KYYWF-1284).

Introduction

2024, as a crucial historical milestone in the evolution of China-Russia relations, is a “special year” for both countries. It marks the historical depth

of the paradigm shift in major power relations - from the military and political alliance dominated by ideology in 1949, to the non-aligned strategic cooperation based on the principle of sovereign equality after 1991, and ultimately evolved into the institutional framework of comprehensive strategic cooperation partnership in the new era. Over the past 75 years, Sino-Soviet (Russian) relations have undergone four major paradigm shifts: the “Socialist Alliance Period” from 1949 to 1959, the “Ideological Confrontation Period” from 1960 to 1989, the “Strategic Cooperation Exploration Period” from 1990 to 2012, and the “New Era Comprehensive Cooperation Deepening Period” from 2013 to present. This evolutionary trajectory not only reflects the historical experience and summary of the structural contradictions between the two countries during the Cold War, such as sovereignty transfer conflicts and the cost of factional confrontation, but also reflects the deep transformation of the global power pattern from bipolar confrontation to unipolar hegemony and then to multipolar game. It is worth noting that even amidst the severe turbulence in the international system caused by the collapse of the Soviet Union, China and Russia achieved a smooth transition in their relationship through the “Treaty of China-Russia Good-neighborliness, Friendship and Cooperation”, creating a new interactive model of “partnership rather than alliance” among major countries. The strategic value of the current China-Russia relationship has surpassed the bilateral scope and become an important independent variable in shaping the transformation of the international order. Through the dialectical unity of institutional cooperation and non-aligned practices, the two countries have established a multi-level dialogue mechanism of the intergovernmental cooperation committee and formed a composite interdependent network in fields such as energy, digital governance, and cross-border infrastructure. This cooperative framework based on the logic of market economy and the alignment of strategic interests provides an empirical model for major powers to avoid the “security dilemma” and “commitment trap” in traditional alliance relationships.

1. The historical evolution of china-russia strategic relations

In October 1949, shortly after the founding of the People’s Republic of China, diplomatic relations were officially established with the Soviet Union. In October 1949, the People’s Republic of China established diplomatic relations with the Soviet Union and launched the strategic alliance of the socialist camp. The 1950 “Sino-Soviet Treaty of Friendship, Alliance, and Mutual Assistance” established a comprehensive framework for political, military,

and economic cooperation, forming an Asian socialist system covering Korea, Vietnam, and Mongolia. The 20th National Congress of the Communist Party of the Soviet Union in 1956 sparked ideological differences, with the CCP questioning the theory of “peaceful transition” and escalating tensions between the two parties. The armed conflict on Treasure Island in 1969 led to the substantial breakdown of the alliance, and the two sides entered a decade long military standoff. The dramatic changes in the international landscape in the 1980s: China adjusted its diplomatic strategy through the theory of “two intermediate zones”, and in 1979, the establishment of diplomatic relations between China and the United States broke through diplomatic isolation; The Soviet Union was deeply involved in the Afghanistan War and arms race. After Brezhnev’s Tashkent speech in 1982, there was a possibility of normalization in Sino Soviet relations. Gorbachev’s visit to China in 1989 achieved normalization of relations, and the elimination of the “three major obstacles”¹ became a prerequisite for truly realizing the normalization of Sino-Soviet relations.

On the evening of December 25, 1991, the then Supreme Leader of the Soviet Union, Gorbachev, announced his resignation in a televised speech, leading to the dissolution of the Soviet Union. The Russian Federation, led by Yeltsin, officially came to power and became the successor state of the Soviet Union. During Yeltsin’s visit to Beijing in December 1992, China and Russia issued a “Joint Statement on the Basis of Mutual Relations Between the People’s Republic of China and the Russian Federation”. China and Russia quickly developed into a “friendly countries, constructive partnership, and strategic partnership”. Entering the 21st century, the relationship between China and Russia has developed into a “comprehensive strategic partnership” and “the most important and primary strategic cooperative partnership between China and Russia”. In 2019, Xi Jinping and Putin jointly announced that “China-Russia relations have entered a new era” and are currently positioned as a “comprehensive strategic partnership of cooperation between China and Russia in the new era”. On September 16, 2019, the joint communiqué issued by the 24th regular meeting between the Chinese and Russian prime ministers emphasized that “China-Russia relations are mature, stable, resilient, and not affected by external environmental changes. The relationship between the two countries has exceeded the bilateral scope and is of

1 The «three major obstacles» are reducing the number of armed forces in the Sino-Soviet border areas, withdrawing troops from Mongolia, withdrawing troops from Afghanistan, and facilitating Vietnam’s withdrawal from Cambodia.

great significance for maintaining regional and world peace and stability... promoting comprehensive mutually beneficial cooperation between the two countries to achieve more fruitful results.” [1].

From the above-mentioned trajectory of the establishment of diplomatic relations between China and the Soviet Union (Russia) in the past 70 years, people can see several important salient features in the historical transition, and these characteristics are all issues worthy of people’s serious and in-depth consideration.

First, the essence of Sino-Soviet (Russian) relations has undergone a fundamental transformation from a political party bond to a sovereign state relationship. During the Comintern period from 1921 to 1943, the CPSU, as the first socialist ruling party, not only profoundly influenced the international communist movement, but also provided key support in the early revolution of the CCP. However, there were always structural contradictions between the two sides. In 1956, the 20th National Congress of the Communist Party of the Soviet Union triggered the process of ideological autonomy, and the CCP established its theoretical discourse through “On the Historical Experience of the Dictatorship of the Proletariat”. The 1969 Zhenbao Island conflict marked an escalation of security concerns. In 1989, Deng Xiaoping proposed to “end the past and open up the future”, promoting the transformation of Sino-Soviet relations towards the principle of sovereign equality. After the dissolution of the Soviet Union in 1991, the “Joint Declaration on the Foundations of China-Russia Mutual Relations” established a modern framework for state relations, completely realizing the paradigm shift from “revolutionary party ties” to “sovereign state cooperation”. Its core characteristics are reflected in equality, institutionalization, and non-ideologization.

Secondly, both sides resolved historically controversial border issues on the basis of mutual respect and peaceful consultation. As two neighboring countries with interdependent mountains and waters, China and Russia must learn from the historical lessons of deteriorating national relations due to ideological differences in the past, strive to consolidate the public opinion foundation of good neighborly friendship between the two countries, and continuously tighten the bond of development interests. The “Treaty of China-Russia Good-neighborliness, Friendship and Cooperation” signed by the heads of state of China and Russia in Moscow on July 15, 2001 has significant political significance. This treaty establishes in legal form the peaceful ideas of eternal friendship and never being enemies between the two countries, as well as the political will to always be good neighbors, friends, and partners.

It is a guiding document for the long-term healthy and stable development of bilateral relations. In October 2004, the Chinese and Russian governments signed the Supplementary Agreement on the Eastern Section of the China Russia Border. The border issue that has long plagued the relationship between the two countries has been thoroughly resolved, removing a major obstacle in the bilateral relationship and eliminating a potential conflict point in the long-term relationship. This has laid the foundation for further promoting the bilateral relationship and developing equal and mutually beneficial cooperation, creating necessary conditions for the two countries to carry out economic and trade exchanges, environmental protection, joint efforts to combat crime, and many other specific areas of cooperation in the long border area. It has also provided a legal basis for the two countries to create and maintain a favorable external environment and establish good neighborly and friendly relations [2].

Thirdly, China-Russia relations have undergone a transformation from alliance to strategic cooperation. In the early days of the founding of the People's Republic of China, in order to break through international isolation and implement a "one-sided" policy, the 1950 "Sino-Soviet Treaty of Friendship, Alliance, and Mutual Assistance" established a military alliance relationship. During the alliance period, the Soviet Union assisted in the construction of 156 projects to support China's industrialization. However, after the 20th National Congress of the Communist Party of the Soviet Union in 1956, fundamental differences arose between the two sides on issues such as ideology and international communist movement routes. The 1969 Zhenbao Island Incident led to the substantial breakdown of the alliance. After the dissolution of the Soviet Union, the relationship between China and Russia gradually restructured: in 1992, it was established as a "mutually friendly country", upgraded to a "strategic cooperative partnership" in 1996, and officially positioned as a "comprehensive strategic cooperative partnership for the new era" in 2019. At present, the two countries have established a three-dimensional cooperation framework, including annual head of state meetings and regular prime minister meetings, to carry out in-depth cooperation in maintaining global strategic stability and promoting multilateralism.

Fourthly, the economic and trade cooperation between China and Russia has achieved a transformation and upgrading from single complementarity to comprehensive mutual benefit. In the early stages of diplomatic relations, bilateral trade mainly consisted of China exporting labor-intensive goods and importing Russian energy resources, showing significant complementary charac-

teristics. With the adjustment of industrial structure, China's exports to Russia have gradually expanded to high value-added fields such as electromechanical equipment and electronic products, while Russia continues to leverage its advantages in energy, aerospace and other fields. With the increasingly close political exchanges between China and Russia and the continuous improvement of political mutual trust between the two governments, the heads of state of the two countries have made multiple state visits to each other's countries and issued joint statements, continuing to regard China-Russia relations as one of the key priority directions of their respective foreign policies, and jointly elevating it to a new and higher level [3]. On the premise of the positive development of China-Russia relations, the docking of "the Belt and Road" and the "Eurasian Economic Union" has also made progress. Driven by the successful docking of the Belt and Union Initiative, China and Russia have not only strengthened their cooperation in the economic and trade fields, but also opened up mutually beneficial cooperation in various fields such as agriculture, finance, energy cooperation, military security and technology exchange, infrastructure construction, cultural cooperation, tourism, etc.

Fifth, China-Russia relations have achieved a leapfrog development from military confrontation to strategic mutual trust. The 1969 border armed conflict led to a long-term military standoff between the two countries, which deeply affected their security and mutual trust. In the process of normalizing relations in the 1980s, China's diplomacy gradually downplayed ideological factors. In 1989, the "Sino-Soviet Joint Communiqué" established the principle of "not using force in any form against each other". After the collapse of the Soviet Union, China and Russia established a new framework for security cooperation: maintaining over 80% of the vote consensus in the United Nations Security Council (according to UN data from 2016-2020); China and Russia jointly upheld international security agendas such as the Iran nuclear agreement and the territorial integrity of Syria, and established a joint counter-terrorism mechanism through the Shanghai Cooperation Organization. Both sides have formed a strategic consensus in opposing unilateralism and maintaining the multilateral trading system. In 2021, they signed the extension protocol of the "Treaty of China-Russia Good-neighborliness, Friendship and Cooperation", legalizing the principles of "non-alignment, non-confrontation, and non-targeting of third parties". This has never appeared in the history of the relationship between the two countries, and it can be seen that the relationship between China and Russia is gradually maturing and has become a model of "new type of state relations" [4].

2. External Containment and Internal Coordination Challenges in China-Russia Cooperation

The 75-year development process of the establishment of diplomatic relations between China and the Soviet Union (Russia) has been tortuous and extraordinary, and can be said to have gone through ups and downs. The reason for its twists and turns is closely related to the complex and different domestic factors in China and the Soviet Union, but another factor that cannot be ignored is the close correlation between the changes in the international environment and the impact on the relationship between China, Russia, and the Soviet Union.

Overall, the relationship between China and the Soviet Union (Russia) has been greatly influenced by changes in the international environment. From the formation and opposition of the socialist and capitalist camps during the Cold War, to the fragmentation of the socialist camp, the competition between the United States and the Soviet Union, the establishment of diplomatic relations between China and the United States, the dramatic changes in Eastern Europe, the dissolution of the Soviet Union, and the establishment of a strategic partnership between China and Russia, China and Russia have been shrouded in a complex and intricate relationship for the past 70 years. In the process of game, balance, struggle, conflict, re-game, re-conflict, re-struggle, re-balance, the least desirable aspect of the United States' global strategy is the rise of China and Russia, let alone peace in Arab societies. So, why does the United States not tolerate Russia's rise, let alone hope for China's rise? Because Western society sees Russia and China as threatening empires that have persisted in the world, their goal is to dismantle and divide these two empires.

The United States adopted the strategy of "winning without fighting, using the force of the enemy", taking advantage of the Sino-Soviet conflict, the "Star Wars" plan, and the arms race at that time to bring down the Soviet Union and greatly reduce its land area. The Cold War ultimately led to the complete collapse of the Soviet Union, which was divided into fifteen parts, causing Russia to return to the Western system. However, even so, the West still does not consider Russia as its own and cannot tolerate its resurgence. In 1991, Russia took the lead in the disintegration of the Soviet Union, giving up five million square kilometers of territory and fourteen sister countries, and taking the lead in the disintegration of the Soviet Union. Russia's idea is to dissolve the Soviet Union and then integrate into the Western world to live a good life. But after the disintegration, Russia found that the West not only failed to accept itself, but also continued to encircle and sanction Russia, even with the goal

of completely disintegrating Russia in one fell swoop. Yeltsin, the first president of the Russian Federation, finally understood that the West could never allow Russia to rise. He quickly applied the brakes and chose Putin, a strong successor, while also choosing China as a strategic partner for cooperation in the new era. People have always regarded the comprehensive development of mutually beneficial China-Russia relations as an important national policy to balance the involvement in international affairs and stabilize Russia. Moscow is very aware that “the United States has been trying to sow discord between Russia and China, and in order to achieve this goal, it has also mobilized other countries to participate in this action.” [5].

The strategic goal of the United States is very clear, which is to counter the biggest opponents of the Asia-Pacific strategy and the Indo-Pacific strategy, which is the cooperation and cooperation between China and Russia, because this is the most potential structure for the integration of Eurasia and the Asia-Pacific that the United States is most concerned about. The main focus of US national security is no longer terrorism, but great power competition, that is, the main challenge posed by strong countries such as China and Russia to the United States. [6] In fact, the combination of China’s “the Belt and Road Initiative” and Russia’s “Eurasian Economic Union” is what the United States fears most.

However, the containment strategy implemented by the United States towards both China and Russia has prompted the strengthening of strategic cooperation between the two countries. The purposeful approach of the United States towards China and Russia is aimed at curbing China’s rapid rise and Russia’s westward expansion of power. The policy of bilateral sanctions and strikes against China and Russia implemented by the United States has forced the triangular relationship between China, Russia, and the United States to gradually transform into a confrontational relationship between China, Russia, and the United States. The main reason for the increasingly close relationship between China and Russia is that the balance of the triangular relationship between China, Russia, and the United States has been disrupted.

At present, the relationship between China and Russia is becoming increasingly close, not only due to political mutual trust, but more importantly, these two countries have superior geographical advantages between Eurasia and the Asia-Pacific region. China and Russia are connected by mountains and rivers, and due to the construction of “two bridges, one pipeline, and one road” on Heilongjiang, it has become the most convenient transportation and energy transmission channel between China and Russia. Heilongjiang has become

an important corridor for economic, trade, cultural, and transportation exchanges between China and Russia. The direct route from Heilongjiang to the Tatar Strait is an important channel for the future development of river sea intermodal transportation into and out of the Pacific Ocean. Many people are concerned that the extent to which this strategic partnership between China and Russia can go depends on the actual level of mutual trust between China and Russia in terms of comprehensive mutual benefit. It is believed that both the Chinese and Russian economies and societies are in a stage of development, recovery, and stability. Due to the different domestic and international environments, whether viewed from the perspectives of political mutual trust, geopolitical connectivity, economic complementarity, cultural mutual learning, etc., China and Russia cannot be separated from each other in the short term. Therefore, there will be signs of long-term friendship in China-Russia relations.

3. The Future Direction of China-Russia Relations and the Impact of Changes in the International Environment

The first is the legal aspect of China-Russia relations. In 1992, President Yeltsin visited China for the first time, and China and Russia reached a consensus on the issue of “the Russian Federation being the successor state of the Soviet Union”, with both sides “seeing each other as friendly countries” [7]. In July 2001, the historically significant “Treaty of China-Russia Good-neighborliness, Friendship and Cooperation” was signed, laying a solid legal foundation for the further development of the strategic partnership between the two countries. The “Treaty of China-Russia Good-neighborliness, Friendship and Cooperation” and the “Joint Statement of China and Russia on the International Order of the 21st Century” have further deepened the substantive content of the strategic partnership [8]. The relationship between China and Russia can be summarized as a new type of partnership characterized by non-alignment and non-confrontation. Non alignment not only conforms to China’s basic diplomatic policy, but also avoids any impact on its relations with the United States and other Western countries. The partnership of “harmony in diversity” between China and Russia is also the best choice made based on their own national conditions after a long period of historical experience.

The second is that under the changing international environment, the two countries have formed a comprehensive cooperative interest relationship. In addition to energy, economy, trade, culture, and military, the most import-

ant areas of comprehensive cooperation between China and Russia are often reflected in the strategic interaction between the two countries, which is often formed in response to the containment strategy of the United States. This is because there are many external pressures based on politics, security, and economy between China and Russia, thus forming a comprehensive “common interest”. With the collapse of the Soviet Union, the bipolar system of the Cold War era also disintegrated. Although Russia was unable to return to the Soviet era to confront the United States head-on, it still possessed strong nuclear military capabilities, which were sufficient to continue maintaining the “terrifying peace” between Russia and the United States that ensured mutual destruction. Moreover, under the limited military pressure and constantly increasing economic sanctions imposed by the US led NATO on Russia, Russia once again attached importance to the implementation of the “Look East” strategy and began to accelerate the development of Siberia and the Far East region in order to cope with external pressures in the new international environment. The changes in the international environment that China is facing are mainly due to the United States. From the establishment of the People’s Republic of China in 1949 to the establishment of diplomatic relations between China and the United States in 1979, Sino-US relations have gone through nearly 30 years of twists and turns. From the beginning of the hostile war to establishing diplomatic relations for common interests, China has also won rare opportunities for development. However, with the rise of China, the United States’ concerns about China have become increasingly apparent. Since President Trump took office, the United States has taken a series of “anti-globalization” measures, such as withdrawing from the “Trans-Pacific Partnership Agreement”, the “Paris Climate Agreement”, and UNESCO. These security and economic systems that were originally established under the leadership of the United States are being gradually negated, as the existing international order is no longer able to meet the United States’ vision of world hegemony or protect its “America First” national interests. China, on the other hand, is committed to promoting globalization towards a more rational and inclusive direction. China will also take on greater responsibilities and provide better public goods and Chinese style global governance solutions for the world. The core of maintaining a multipolar world order, opposing hegemonism, handling the relationship between BRICS countries well, and promoting the development of the Belt and Road Initiative is to consolidate China Russia relations.

Thirdly, the geopolitical and economic layout of China and Russia on the

Eurasian continent forms a structural game with the US Indo-Pacific strategy. The Asia Pacific Indo Pacific region gathers the world's second largest (China), third largest (Japan), and fifth largest (India) economies, carrying 60% of the world's population and 45% of its trade volume (according to World Bank data in 2023). The region is not only the throat of global energy transportation, but also the key node of "the Belt and Road" sea land inter-section. The United States strengthens the Quad mechanism (US, Japan, India, Australia) through the "Indo-Pacific Strategy", attempting to hedge the economic integration between China and Russia through military alliances. In 2023, the US and India signed the "Key and Emerging Technologies Initiative" to restrict semiconductor cooperation with China; The joint development of hypersonic weapon interception systems by the United States and Japan directly targets the military advantages of China and Russia. Russia's "double headed eagle" strategy is accelerating towards the east: its Far East region accounts for 76% of the country's land area, but only contributes 5.6% of the national GDP (according to data from the Russian Statistical Office in 2023). After the Ukrainian crisis, Russia's share of Asia-Pacific trade increased from 21% to 34%, and 47 new projects were added to the China Russia Far East Cooperation Demonstration Zone, with an investment of over 120 billion rubles. But the US led Indo Pacific Economic Framework (IPEF) excludes Russia from the regional industrial chain and limits its participation in ASEAN digital economy cooperation. At the same time, the focus of geopolitical competition is also on the following three contradictions: firstly, there is a structural conflict between the Eurasian land sea connectivity promoted by China and Russia and the US led maritime power system; Secondly, the demand for development in the Russian Far East (with a target of attracting \$30 billion in foreign investment by 2040) is offset by the US technology blockade; Thirdly, the strategic swings of medium-sized powers such as India in the triangular game between China, Russia, and the United States have increased the complexity of regional cooperation. China and Russia need to deepen the coordination between the SCO and BRICS mechanisms, and build a "de-dollarization" cooperation paradigm in areas such as the Digital Silk Road and the development of the Arctic shipping route to resist systemic risks.

Conclusion

In general, the 75 years since the establishment of diplomatic relations between China and the Soviet Union (Russia), although there have been

times of congestion, this strategic partnership of coordination in a new era of comprehensive mutual benefit has become an irresistible trend. As the joint statement of China and Russia on deepening the comprehensive strategic partnership of cooperation in the new era on the occasion of the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations explains, “The development of the comprehensive strategic partnership of coordination in the new era between China and Russia is in the fundamental interests of the two countries and the two peoples. It is not an expedient measure, it is not affected by a single event, and it has strong endogenous momentum and independent value.” [9].

The relationship established between China and Russia is the bilateral relation of new era, rather than the previous two-party relationship between China and the Soviet Union. Different paths lead to the same destination, relying on each other, relying on each other, and relying on each other. Developing bilateral relations with neighboring countries is a new mission entrusted to Chinese foreign relations in the new era. Although the one-party system between China and Russia is fundamentally different, the relationship between China and Russia established by the two heads of state is very solid and can last for a long time. This kind of mutual benefit, complementarity, mutual learning and mutual assistance is based on the fundamental interests of the two peoples, so it can go far. After 75 years of trials and tribulations, both countries all cherish this hard-won cooperation and friendship even more. Especially in the Far East region, the two countries have experienced the instigation and sowing of discord by countries with ulterior motives internationally. The so-called “Yellow Peril Theory” and “China Threat Theory” that separate China and Russia have been debunked, which has been proven for 28 years. China has not threatened Russia, and our economic and trade cooperation with Russia in the Far East region is steadily advancing on the basis of mutual understanding. The construction of “two bridges, one pipeline, and one road over Amur River” is a sign of the stable and mature development of China-Russia relations. In 2018, President Xi Jinping attended the Russian Oriental Economic Forum, combining “the Belt and Road” initiative with the “Eurasian Economic Union”, and promoting China and Russia to enter the fast lane in the Eurasian economic circulation and into the new world pattern in the future. The experience and lesson of 75 years of development in China-Russia relations is that “cooperation brings mutual benefits, while division harms both”.

Список литературы / Bibliography

1. Joint Communique of the 24th Regular Meeting between Chinese and Russian Prime Ministers (Full Text), published on Xinhua News Agency, 2019-09-18 // URL: http://www.xinhuanet.com/2019-09/18/c_1125007195.htm.
2. Jiang Yi, China-Russia Relations in the First Decade of the 21st Century [J]. Fudan International Studies Review, 2012-06-30.
3. Joint Statement of the People's Republic of China and the Russian Federation (full text), published by Xinhua News Agency, 2018-06-08 // URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-06/08/c_1122959198.htm.
4. Speech by Xi Jinping at the 15th Anniversary Commemorative Conference of the Signing of the "Treaty of Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between China and Russia" (Full Text), published on Xinhua News Agency, 2016-06-25 // URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-06/25/c_1119111894.htm.
5. Russian Foreign Minister: The United States mobilizes partner countries to contain China and Russia, attempting to sow discord in China-Russia relations, reported in the Global Times, // URL: <http://baijiahao.baidu.com/s?id=1645196908525287031&wfr=spider&for=pc>, 2019-09-20.
6. China and Russia: The new rapprochement, by Alexander Lukin, Financial Times, MARCH 5, 2018. // URL: <https://www.ft.com/content/4f465996-1d69-11e8-956a-43db76e69936>
7. Zhang Deguang, China-Russia Relations: Review and Prospect [J]. Russian Studies, 2019(04).
8. Shi Yajun, Sino-Russia Relations Within Multilateral Framework — A research Based on Global and Regional Perspectives [D]. Doctoral Thesis of East China Normal University, 2006.
9. Joint Statement between the People's Republic of China and the Russian Federation on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership for Cooperation in the New Era on the 75th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between the Two Countries [N]. People's Daily, 2024-05-17(002).

Чжоу Тяньюнь

*Северо-Восточный сельскохозяйственный университет, магистрант,
г. Харбин, провинция Хэйлуцзян, Китай.*

У Хуэйсинь

*Профессор. Северо-Восточный сельскохозяйственный университет,
г. Харбин, провинция Хэйлуцзян, Китай.*

Цзо Жуйчао

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

**Качество системного мышления
в культурной идее Си Цзиньпина**

Исследование выполнено в рамках программы поддержки гранта научного социального фонда КНР, «Исследование истории современной российской этической мысли» (2020-ZD042).

National Social Science Foundation of China: «Research on the History of Modern Russian Ethical Thought» (2020-ZD042).

Культурная идея Си Цзиньпина, являясь идеей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, воплощает глубокие качества системного мышления в своем всестороннем планировании, целостном продвижении и перспективном мышлении. Генеральный секретарь Си Цзиньпин понимает новую ситуацию, новые задачи и новые требования в области пропаганды, идеологии и культуры с целостной и глобальной точки зрения, применяет системную точку зрения к пониманию культурных теорий и практик, а также их структур и функций, что обеспечивает новый путь мышления для понимания закона социалистического культурного строительства с китайской спецификой.

1. Целостный характер культурной идеи Си Цзиньпина

«Система — это целое, состоящее из множества частей, поэтому концепция системы заключается в том, чтобы подчеркнуть целое и подчеркнуть, что целое состоит из взаимосвязанных и взаимоограничивающих

частей» [1, с. 204]. Целостность культурной идеи Си Цзиньпина, как научного руководства для культурной работы в новую эпоху, отражается не только в последовательности ценностной позиции, но и в теоретическом подходе и практической логике.

1.1 Последовательность ценностной ориентации

Целостный характер культурной идеи Си Цзиньпина проявляется прежде всего в последовательности его ценностной ориентации, т. е. ориентированности на народ. Культурная идея Си Цзиньпина всегда принимала народ в качестве основополагающей позиции культурного строительства, последовательно демонстрируя изначальную миссию КПК.

С момента своего основания КПК всегда ставила во главу угла всей своей работы коренные интересы самых широких слоев населения. В период социалистической революции и строительства Мао Цзэдун впитал ленинскую идею «служения миллионам трудящихся» [2, с. 96-97] и всегда подчеркивал народный характер культурно-художественной деятельности. В процессе формирования теоретической системы социализма с китайской спецификой Дэн Сяопин, уделяя особое внимание воспитанию человеческих ресурсов, придал новый оттенок культурному строительству и выдвинул теорию гражданского воспитания, которая гласит: «Развитие социалистической духовной цивилизации заключается главным образом в том, чтобы сделать наш народ всех этнических групп идеалистичным, этичным, культурным и дисциплинированным человеком» [3, с. 408]. Позднее Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао также подчеркивали важность защиты основных культурных прав и интересов людей и повышения уровня культурного существования. Вступая в новую эру, генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин глубоко обобщил историю развития и практический опыт партии, выдвинул «идеологию развития, ориентированную на народ», постоянно подчеркивая, что культурное развитие осуществляется ради народа, оно опирается на народ, а также плоды культурного развития должны быть общими для народа, в то же время нужно использовать дух народной инициативы и писать культуру народа во всех областях и во всех звеньях, чтобы народ писал подлинную «историю культуры».

1.2 Интеграция теоретических методов

Комплексный подход означает объединение различных элементов в органическое целое по определенным законам, чтобы завершить всестороннее понимание вещей. Целостный характер культурной идеи Си Цзиньпина проявляется и в комплексном теоретическом подходе, ко-

торый он применяет при анализе проблемы культурного строительства в новую эпоху, то есть он всегда рассматривает проблему культурного строительства в двойном контексте эволюции глобальной цивилизации и развития отечественного общества, диалектически постигает внутреннее единство культурных теоретических инноваций и практических изысканий в многомерной и интерактивной сети политики, экономики и культуры.

В настоящее время в мире ускоряются беспрецедентные изменения, система глобального управления и международный политический и экономический порядок подвергаются систематической реконструкции. На фоне глобализации международный культурный ландшафт претерпевает беспрецедентную глубокую корректировку, а культурная диверсификация стала необратимой исторической тенденцией. Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин отметил, что необходимо «усилить строительство потенциала международного общения, всесторонне повысить эффективность международного общения и сформировать международный дискурс, соответствующий всеобъемлющей национальной мощи и международному статусу Китая» [4, с. 37], активно содействуя перестройке мировой культуры и модели человеческой цивилизации. Что касается внутренней ситуации, то общая схема социалистического дела с китайской спецификой становится все более совершенной, а культурное строительство, как одна из ключевых областей, играет все более ключевую и связующую роль. Культурная идея Си Цзиньпина с ее всеобъемлющим теоретическим подходом не только основана на реальности игры культурного развития в условиях глобализации, но и уходит корнями в исторический процесс великого омоложения китайской нации, а также обеспечивает всестороннее, многомерное и трехмерное идеологическое руководство культурным строительством в новую эпоху.

1.3 Синергия практической ориентации

Синергия практики подчеркивает органическую связь и динамическое равновесие между различными элементами культурного развития и является концентрированным выражением целостного характера культурной идеи Си Цзиньпина в измерении реальности.

Синергия между культурным наследием и культурными инновациями способствует согласованности между историческими корнями и развитием времени. Во-первых, синергия целей. Синергия культурного наследия и инноваций — это, по сути, диалектическое единство присущего культурному развитию напряжения, которое не только

сохраняет преемственность и самобытность культуры, но и придаёт традиционной культуре новую жизненную силу для современности. Во-вторых, субъект-субъектное взаимодействие. Благодаря руководству правительства, функционированию рынка, поддержке социальных профессиональных институтов, культурному наследию и инновационным талантам, участвующим в модели плюралистического совместного управления, формируется взаимосвязь «вверх-вниз», совместная и благотворная ситуация развития. В-третьих, синергия путей. В последние годы большие данные, искусственный интеллект и другие технологии стремительно развиваются, и генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал необходимость энергичного стимулирования цифровой жизнеспособности, содействия сочетанию цифрового сохранения и инновационного распространения, а также интеграции традиционных навыков и современных технологий.

Синергия между культурной политикой и культурным производством подчеркивает единство институциональных гарантий и инновационной жизнеспособности. Позитивное взаимодействие между ними может не только обеспечить правильное направление развития культуры, но и стимулировать инновационную жизнеспособность участников рынка, формируя динамичный баланс «институциональные гарантии - инновационный драйв». Успешная реализация «Программы развития и реформ в сфере культуры на период 13-й пятилетки» и официальное принятие «Плана развития культуры на период 14-й пятилетки» в полной мере демонстрируют приверженность Центрального комитета КПК стратегическому планированию и системному подходу в культурном строительстве. Данные документы отражают всеобъемлющее видение и мудрость стратегического проектирования культурного развития в новую эпоху, что создаёт прочные институциональные гарантии для культурного производства. С другой стороны, национальная стратегия культурного развития может быть материализована через местную и промышленную культурную практику, а рыночный механизм может еще больше оптимизировать эффективность политики через конкуренцию, чтобы способствовать реализации политики культурного развития через коллективные усилия.

2. Иерархический характер культурной идеи Си Цзиньпина

«Из-за всех различий в элементах, составляющих систему, включая различия в способах их сочетания, таким образом, системная организа-

ция демонстрирует иерархическую упорядоченность с точки зрения статуса и роли, структуры и функции» [5, с. 213], т. е. иерархическую природу системы. С точки зрения внутренней перспективы системы культурной идеи Си Цзиньпина, «культурная идея Си Цзиньпина всесторонне разрабатывает статус и роль культурного строительства в новую эпоху, его цели и задачи, ориентиры и принципы, стратегические пути и практические требования» [6, с. 9]. Кроме того, различные уровни содержания имеют разные позиции и функции, взаимодействуют друг с другом, способствуя упорядоченному разворачиванию теории и практики культурного строительства.

2.1 Программа культурного строительства как рулевое колесо

Набросок культурной идеи Си Цзиньпина о пропаганде и идеологической и культурной работе включает в себя статус и роль, цели и задачи.

Во-первых, теория статуса и роли. Культура — это душа страны и нации. Она занимает важное место и играет важную роль в деле построения социализма с китайской спецификой. Что касается национального уровня, то «великое омоложение китайской нации должно быть обусловлено развитием и процветанием китайской культуры» [7, с. 12]. Пропагандистская, идеологическая и культурная работа партии касается будущей судьбы страны и национальной сплоченности, является духовной силой и культурными условиями, гарантирующими дело социализма с китайской спецификой. На протяжении 5000 лет развития китайской цивилизации именно сильная духовная привлекательность и ценностная сплоченность, укорененная в культурных генах, позволили китайской нации сохранить свою культурную субъектность во время исторических взлетов и падений, а также удержать курс цивилизации во времена трудностей и бедствий. Что касается индивидов, то суть китайской модернизации — это модернизация человека, то есть реализация всестороннего развития человека, а человек — это, по сути, культурное существо. Поэтому культура играет основополагающую роль во всестороннем развитии человека.

Во-вторых, теория цели и задачи. После 18-го Всекитайского съезда КПК генеральный секретарь Си Цзиньпин придаёт большое значение реалистичному возвращению прекрасной традиционной китайской культуры, и на основе постоянного обобщения законов культурного строительства он взял на себя культурную миссию новой эпохи, стремится содействовать процветанию социалистической культуры и построить сильную социалистическую культурную страну, что обеспе-

чило четкую целевую ориентацию культурной практики. Для этого необходимо неуклонно следовать по пути развития социалистической культуры с китайской спецификой, чтобы воспитать единую духовную силу для всей партии и народа всех этнических групп; унаследовать прекрасную традиционную китайскую культуру и соединить традиционную культуру с современными силами, чтобы воспитать культурный дух современной ценности; продолжать революционную культуру, чтобы обеспечить партию и народ мощным идеологическим оружием и питать красный дух для великой борьбы новой эпохи; и активно развивать передовую социалистическую культуру и поднимать новый социальный импульс новыми культурными творениями.

2.2 Методологическое руководство, обеспечиваемое стратегическим развертыванием культуры

Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин выдвинул конкретные требования к культурному образованию, новостям и общественному мнению, инновациям в культурных предприятиях и отраслях, литературному и художественному творчеству, созданию философских и общественных наук, культурному наследию и международному распространению — все они являются методологическим руководством для осуществления всей культурной работы в мельчайших деталях.

В области культурного образования генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин предложил вооружить разум марксистскими научными теориями, улучшить состояние ума, направлять действия теориями, реализовать согласованность тела и применения, усилить популяризацию социального идеологического и политического образования, способствовать нормализации и институционализации воспитания идеалов и убеждений, воспитывать новые поколения, чтобы взять на себя великую ответственность за национальное омоложение, чтобы обеспечить более активную духовную силу для омоложения нации. Что касается создания системы философских и социальных наук, генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин подчеркнул необходимость сосредоточиться на создании автономной китайской системы знаний, подчеркнуть социалистическую направленность китайских особенностей в системе дискурса, парадигме выражения и построении академических дисциплин, а также усилить создание нового типа аналитического центра с китайскими особенностями. В области культурного наследия генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал важность и срочность укрепления деятельности по обнаружению, управлению,

использованию и защите культурного наследия, интеграции культурных генов китайской нации в современную жизнь, оживления китайского культурного наследия, чтобы подчеркнуть жизнеспособность и непреходящее очарование китайской цивилизации. Что касается международной коммуникации, то генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул важность постоянного укрепления потенциала международной коммуникации, создания китайской системы повествования, рассказывания хорошей китайской истории и руководства международным сообществом в чтении и понимании Китая, чтобы углубить обмена и взаимопонимание между различными цивилизациями.

2.3 Принципы культурной работы, регулирующие практику

Во-первых, политический принцип культурной работы. Партийное руководство культурой — это ключ к тому, чтобы усилия Китая по культурному строительству продвигались в правильном направлении, и это политический принцип культурной работы. Чтобы придерживаться партийного руководства культурой, необходимо придерживаться партийного контроля над пропагандой, партийного контроля над идеологией, партийного контроля над СМИ, независимо от того, когда необходимо защищать позиции общественного мнения, как только доверие к новостным СМИ будет разрушено, это приведет к ряду идеологических проблем, таких как путаница в социальных ценностях, отказ от основных ценностей и так далее. В то же время, чтобы придерживаться культурного руководства партии для осуществления культурной работы во всех областях и звеньях, и эффективно укреплять политическую приверженность и чувство миссии.

Во-вторых, основные принципы культурной работы. Генеральный секретарь Си Цзиньпин систематически разъясняет основные принципы культурной работы в новую эпоху. Во-первых, твердая культурная уверенность. Культурная уверенность в себе — это самая главная и прочная сила для развития страны и нации. Уверенность в себе коренится в культурной субъективности, и только придерживаясь пути независимого развития, обмена и взаимного обучения с другими передовыми цивилизациями, всегда придерживаясь принципа брать на себя инициативу и выбирать лучшее, мы можем продолжать использовать сущность разнообразных культур и объединять кинетическую энергию для развития. Во-вторых, открытость и инклюзивность. Открытость и инклюзивность — это источник жизненной силы для развития цивилизации. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивал важность «объединения раз-

личных культур для формирования общей культуры, разрешения конфликтов и достижения консенсуса» [8, с. 48], смиренно изучать и учиться у прекрасных идей и культур других народов. В-третьих, настаивать на сохранении права и внедрении инноваций. «Только придерживаясь правильного пути, мы не можем сбиться с него или совершить подрывные ошибки, и только внедряя инновации, мы можем уловить время и повести его за собой» [9, с. 16]. Культурная работа в новую эпоху должна не только придерживаться основ и продолжать традиции, но и идти в ногу со временем, исследовать и внедрять инновации, чтобы культурное развитие сохраняло правильное направление и было полным сил и жизненной энергии.

3. Открытость культурной идеи Си Цзиньпина.

«Принцип открытости системы означает, что система имеет природу и функцию постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой» [10, с. 224]. Открытость системы — это и необходимое условие ее стабильного существования, и важная гарантия того, что она сможет идти в ногу со временем и продолжать внедрять инновации. Культурная идея Си Цзиньпина, отличающаяся открытостью и всеохватностью, в процессе непрерывного развития широко использует все передовые мыслительные ресурсы внутри страны и за рубежом, постоянно обогащает и совершенствует себя, создавая набор теоретических систем, которые являются чрезвычайно жизненными, поучительными и перспективными.

3.1 Открытость к превосходной традиционной китайской культуре

Открытость культурной идеи Си Цзиньпина в полной мере проявляется в творческом преобразовании и инновационном развитии превосходной традиционной китайской культуры. Во-первых, активизировать жизненную силу традиционной культуры с помощью диалектического мышления. Придерживаясь методологии «применения прошлого к настоящему и продвижения нового», культурная идея Си Цзиньпина придала новый современный оттенок традиционным ценностям, таким как «проповедь доброжелательности и любви, подчеркивание принципа народности, соблюдение честности и порядочности, отстаивание справедливости, продвижение гармонии и стремление к содружеству». Например, в управлении традиционная мудрость «гармонии между народами» используется для содействия созданию сообщества человеческой судьбы, а концепция «хотя династия Чжоу стара, ее жизнь нова» используется

для содействия углублению всеобъемлющих реформ, что позволяет реализовать органичное слияние традиционной культуры и современной цивилизации.

Во-вторых, новая форма культурной жизни должна быть построена на основе двусторонней интеграции. Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин творчески выдвинул основополагающий принцип «двух сочетаний», подчеркнув, что свет истины марксизма должен быть использован для освещения пути эволюции китайской цивилизации, а богатая подпитка китайской культуры должна быть использована для культивирования нового царства китаизации марксизма в наше время, которое реализовало диалектическое единство «души» и «корня» в этой крупной теоретической инновации. В этом двустороннем процессе расширения возможностей такие традиционные понятия, как «мир общественный» и «единство неба и человечества», получили новое современное выражение, а такие древние мудрости, такие как «даосизм, закон природы» и «гармония и симбиоз», превращаются в практические руководства для построения экологической цивилизации и пути мирного развития, и в конечном итоге сливаются в форму цивилизации, которая не только проявляет субъективность китайской культуры, но и имеет значение в мировой истории.

3.2 Открытость по отношению к передовой мировой культуре

Открытость культурной идеи Си Цзиньпина также отражается в ее открытом взаимодействии с передовой мировой культурой. Во-первых, культурная идея Си Цзиньпина активно отстаивает принцип цивилизационных обменов и взаимопонимания и способствует гармоничному сосуществованию мировых цивилизаций. В 2013 году генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию создания сообщества человеческой судьбы на основе развития человечества и будущего мира, а затем последовательно выдвинул инициативу «Один пояс и один путь», Глобальную цивилизационную инициативу и другие важные предложения, подчеркнув, что «преодоление цивилизационных барьеров путем цивилизационных обменов, преодоление столкновений цивилизаций путем взаимопонимания цивилизаций, преодоление превосходства цивилизаций путем сосуществования цивилизаций» [11, с. 95], творчески ответил на вопрос, куда должна развиваться человеческая цивилизация. Культурная идея Си Цзиньпина выступила с цивилизационной инициативой для всего мира, подчеркнула неоднородность различных цивилизаций и их уникальный вклад, решительно опровергла запад-центризм,

способствовала утверждению цивилизационного взгляда на равенство, взаимную признательность, диалог и инклюзивность, дала идеологическое обоснование тому, что человеческие цивилизации должны учиться друг у друга и учиться вместе, сосуществовать и сосуществовать, а также предоставила китайскую парадигму для развития мировой цивилизации и реализации ценностей всего человечества.

Во-вторых, культурная идея Си Цзиньпина подчеркивает инклюзивный подход, способствующий интеграции и развитию мировых цивилизаций. С одной стороны, Китай активно берет на себя обязанности великой державы. В области выращивания талантов Китай выступает за обучение за рубежом в рамках программ сотрудничества по развитию человеческих ресурсов, готовит большое количество талантов в области охраны культурного наследия, управления культурной индустрией и реставрации культурных реликвий для огромного числа развивающихся стран, а также оказывает интеллектуальную помощь и техническую поддержку их культурному строительству. С другой стороны, он активно содействует внешнему обмену китайской культурой. В последние годы Китай взял за основу Азиатскую программу развития туризма и инициативу «Один пояс и один путь» и создал ряд брендов культурного обмена с международным влиянием. Были успешно проведены такие крупные мероприятия, как Год культуры Китая и России, Год культуры и туризма Китая и Франции, Год культурного обмена Китая и Кореи, Год культуры и туризма Китая и Италии, которые создали новую парадигму для международных культурных обменов. В то же время продолжает совершенствоваться механизм многоуровневого и широкомасштабного межправительственного культурного сотрудничества, создается трехмерная сеть международных культурных обменов - от двусторонних соглашений о культурном сотрудничестве до многосторонних платформ культурных обменов, что способствует вкладу Китая в строительство общего процветания многочисленных цивилизаций.

Список литературы:

1. Цянь Сюэсэнь. О системной инженерии [М]. Чанша: Издательство науки и техники Хунань, 1982. 204 с.
2. Полное собрание сочинений Ленина (том 12) [М]. Пекин: Народное издательство, 1987. С. 96-97.
3. Избранные сочинения Дэн Сяопина (том 2) [М]. Пекин: Народное издательство, 1994. 408 с.
4. Избранные сочинения Си Цзиньпина (том 1) [М]. Пекин: Народное издательство, 2023. 37 с.
5. Вэй Хунсен, Цзэн Гопин. Теория систем [М]. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 1995. 213 с.
6. Конспект исследования культурной идеи Си Цзиньпина [М]. Пекин: Народное издательство, 2024. 9 с.
7. Конспект по изучению культурной идеи Си Цзиньпина [М]. Пекин: Народное издательство, 2024. 12 с.
8. Конспект по изучению культурной идеи Си Цзиньпина [М]. Пекин: Народное издательство, 2024. 48 с.
9. Избранные сочинения Си Цзиньпина (том 1) [М]. Пекин: Народное издательство, 2023. 16 с.

10. Вэй Хунсен, Цзэн Гопин. Теория систем [М]. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 1995. 224 с.
11. Конспект исследования внешнеполитической идеи Си Цзиньпина [М]. Пекин: Народное издательство, 2021. 95 с.

Bibliography

1. Qian Xuesen. On Systems Engineering [M]. Changsha: Hunan Science and Technology Publishing House, 1982. 204 p.
2. Complete Works of Lenin (volume 12) [M]. Beijing: People's Publishing House, 1987. Pp. 96-97.
3. Selected Works of Deng Xiaoping (volume 2) [M]. Beijing: People's Publishing House, 1994. 408 p.
4. Selected Works of Xi Jinping (volume 1) [M]. Beijing: People's Publishing House, 2023. 37 p.
5. Wei Hongsen, Zeng Guoping. Systems Theory [M]. Beijing: Tsinghua University Press, 1995. 213 p.
6. Summary of a Study on Xi Jinping's Cultural Thought [M]. Beijing: People's Publishing House, 2024. 9 p.
7. Summary of the Study of Xi Jinping's Cultural Thought [M]. Beijing: People's Publishing House, 2024. 12 p.
8. Summary of the Study of Xi Jinping's Cultural Thought [M]. Beijing: People's Publishing House, 2024. 48 p.
9. Selected Works of Xi Jinping (Vol. 1) [M]. Beijing: People's Publishing House, 2023. 16 p.
10. Wei Hongsen, Zeng Guoping. Systems Theory [M]. Beijing: Tsinghua University Press, 1995. 224 p.
11. Summary of the Study of Xi Jinping's Foreign Policy Idea [M]. Beijing: People's Publishing House, 2021. 95 p.

Гарифзянов Р.Р.

*Аспирант факультета международных отношений.
Санкт-Петербургский Государственный Университет.*

Эволюция преобразований военных доктрин Республики Казахстан на фоне «афганских событий»

Для России Центральная Азия (ЦА) представляет собой зону стратегических интересов, обусловленных историческими связями со странами региона, кроме того, РФ остается ключевым партнером этих государств в различных сферах от военно-политического и торгово-экономического сотрудничества до культурно-гуманитарного.

Центральная Азия играет важную роль в обеспечении безопасности на южных рубежах постсоветского пространства, так как Центральная Азия является стратегическим буфером между Россией и Афганистаном, ситуация в котором все еще нестабильна. Возвращение движения Талибан к власти в Афганистане в 2021 г. меняет геополитический ландшафт региона и создает вызовы и угрозы государствам ЦА, а возможность безвизового перемещения на постсоветском пространстве эскалируют эти угрозы и на Россию.

Угрозы и вызовы, формируемые афганским кризисом, можно разделить на три составляющие¹:

Первая — терроризм и исламский экстремизм.

Вторая — производство и распространение наркотиков.

Третья — афганские беженцы.

Любой из этих факторов таит в себе угрозу для соседних с Афганистаном стран Центральной Азии, которые, в свою очередь, предпринимают активные действия для купирования этих угроз².

Особое место в данном регионе занимает Казахстан, который является союзником России по ОДКБ и ЕАЭС и поэтому политика безопасности РК (Республики Казахстан), напрямую затрагивает и интересы РФ. Несмотря на свою географическую отдаленность от Афганистана, Астана

¹ Гарифзянов Р.Р. Место стран Центральной Азии в российской политике в отношении Афганистана: вызовы безопасности для региона // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. 2023. С. 354.

² Караев Т. Афганистан после вывода войск нато: угрозы безопасности Центральной Азии // Journal of Science. Lyon. 2021. № 20. С. 43.

опасается того, что нарушение стабильности в ЦА, связанное с афганским кризисом, может нанести большой вред ее внешней и внутренней политике.

Исходя из сказанного в данной работе, автор будет исследовать политику военной безопасности, трансформация которой нашла отражение в военных доктринах РК. При этом, мы не преследуем цель осветить техническую составляющую данного вопроса, а исследуем лишь концептуальные подходы к формированию системы военной безопасности Республики Казахстан на фоне афганских событий.

Первая военная доктрина

Республика Казахстан обрела независимость в результате распада Советского Союза в 1991 г. Одной из важнейших задач РК являлось укрепление своей независимости и суверенитета, а также обеспечение территориальной целостности и национальной безопасности в целом³. В связи с этим Астана столкнулась с необходимостью формирования правовой базы и системы военной безопасности, способной обеспечить независимость страны. Это приобрело особую важность, ведь стало очевидно, что сохранить единые, а в дальнейшем и Объединенные вооруженные силы СНГ не удастся⁴. Поэтому руководству республики пришлось начинать эту работу практически с самого начала.

В 1991 г. начались работы по созданию нормативно-правовой базы для армии РК. Первоочередной целью была определена подготовка военной доктрины РК.

В это время у власти в Кабуле находилось правительство М. Наджибуллы, но уже в апреле 1992 г. оно было свергнуто. В связи с этим новые независимые государства ЦА за столь малый промежуток времени не успели установить дипломатические связи с Афганистаном на государственном уровне.

С приходом к власти Б. Раббани (1992–1996 гг.) в Афганистане вспыхивает гражданская война. Но именно в этот непростой период страны ЦА начинают взаимодействие с Афганистаном, установив с ним в 1992 г. дипломатические отношения. При этом из-за гражданской войны экономические и торговые отношения с ним были ограничены⁵.

³ Туржанова С.А. Исторические предпосылки формирования стратегии национальной безопасности Казахстана // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 10. С. 64.

⁴ Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан: опыт, актуальные проблемы, основные направления обеспечения. Астана: КИСИ при Президенте РК, 2018. С. 9.

⁵ Есентаева А. Фактор Афганистана во внешнеполитическом курсе Центральноазиатских государств // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 1113.

Тем временем в Казахстане, наряду с организационным строительством армии, в этот период налаживалось взаимодействие с оборонными ведомствами стран СНГ и складывались предпосылки межгосударственных отношений по военным вопросам. Поэтому, на фоне афганских событий РК уже в мае 1992 года стала участником «Договора о коллективной безопасности» государств – участников СНГ⁶.

Уже в начале 1993 г. была утверждена первая военная доктрина РК. В ней выделялось, что РК будет опираться на необходимость новых подходов по вопросам войны и мира для поддержания своей военной безопасности. В ней подчеркивалось, что если непосредственную угрозу войны отодвинуть удалось, то военная опасность все равно существует (в т.ч. террористическая). Поэтому обеспечение обороноспособности страны является ее важнейшей задачей⁷.

В рамках исполнения военной доктрины появилась необходимость проработки и принятия перечня законов по разного рода военным вопросам. В январе 1993 г. были приняты законы «О всеобщей воинской обязанности и военной службе»⁸, и «О статусе и социальной защите военнослужащих и членов их семей»⁹, а также закон «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел»¹⁰. В апреле 1993 г. Н.А. Назарбаевым был подписан закон «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан»¹¹. Этот закон явился фундаментальной основой для разработки подзаконных актов, обеспечивающих военную безопасность страны.

Параллельно с этим, Казахстан также начинает более активно взаимодействовать с НАТО. Начало их отношениям было положено в 1992 г., когда РК вступила в Совет североатлантического сотрудничества. Уже в 1995 г. Казахстан присоединился к программе «Партнёрство во имя ми-

6 Организация Договора о коллективной безопасности (справка) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1710399/ (Дата обращения: 23.05.2025).

7 Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан... С. 17.

8 Закон Республики Казахстан от 19 января 1993 года № 1897-ХІІ «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=10016591992 (Дата обращения: 23.05.2025).

9 Закон Республики Казахстан от 20 января 1993 года № 1901-ХІІ О статусе и социальной защите военнослужащих и членов их семей [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001663 (Дата обращения: 23.05.2025).

10 Закон Республики Казахстан от 21 января 1993 года О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и их семей [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001672 (Дата обращения: 23.05.2025).

11 Закон Республики Казахстан от 9 апреля 1993 года № 2108-ХІІ Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001890 (Дата обращения: 23.05.2025).

ра»¹². Посредством этого взаимодействия Казахстан проводит реформы своих вооруженных сил, а НАТО его поддерживает в достижении этих целей, предоставляя целенаправленные консультации и помощь с учетом специфики страны.

В этот период отношения Казахстана с Афганистаном можно охарактеризовать как довольно слабые. Тем не менее, в них преобладает озабоченность угрозами безопасности, исходящими из последнего. Эта ситуация для Казахстана является результатом трехуровневого дисбаланса между международными, региональными и двусторонними отношениями и обязательствами - а именно, слабыми отношениями с Афганистаном, значимыми отношениями с Россией и ограниченными и нестабильными отношениями с Соединенными Штатами и другими западными державами. Именно это создает препятствия их более активному участию в общерегиональных усилиях по Афганистану.

Таким образом, первая военная доктрина РК вместе с другими законодательными и нормативно-правовыми актами, сыграла заметную роль в становлении и развитии военной организации страны и ее Вооруженных сил.

Однако уже к концу 1990-х годов на фоне крупных геополитических изменений в Центральной Азии (и Афганистане) многие положения доктрины вошли в противоречие с новым социально-политическим устройством РК, изменением ее геополитического статуса, экономическими перспективами и новыми рисками для национальной безопасности страны.

Вторая военная доктрина

К концу 1990-х гг. была снижена угроза крупномасштабных войн, однако возросла опасность возникновения новых рисков, связанных с обострением религиозных, этнических, территориальных и иных противоречий в центральноазиатском регионе, способных привести к возникновению локальных военных конфликтов.

Серьезной угрозой для безопасности стран ЦА и Казахстана стало обострение вооруженного конфликта в Афганистане между талибами и Северным альянсом. Серьезная материально-техническая и финансовая помощь иностранных государств¹³ позволила Талибану к 1999 г. взять

¹² Relations with Kazakhstan. [Electronic resource]. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49598.htm (Дата обращения: 23.05.2025).

¹³ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии – М.: Библион - Русская книга, 2003. С. 51.

под свой контроль более 90% территории Афганистана и выйти к границам стран ЦА¹⁴.

Именно в это время (1999 г.) резко увеличился риск распространения экстремизма и терроризма, а также тесно связанные с ними незаконная торговля оружием и наркобизнес приобрели особую актуальность. В 1999 г. был осуществлен ряд антиправительственных экстремистских акций в Узбекистане. Это замечено увеличило риск проникновения на территорию РК вооруженных групп экстремистов.

В связи с этим Н.А. Назарбаев в Послании народу Казахстана (15 декабря 1999 г.) прямо заявил о нынешних особенностях геополитического ландшафта в регионе: «Наличие вооруженных конфликтов на территории соседних государств и потенциальная опасность их переноса в Казахстан – это главный вызов нашей безопасности в ближайшие годы»¹⁵.

Действительно, 1999 г. показал, что из-за «афганской нестабильности» Центральная Азия начала превращаться в один из взрывоопаснейших регионов мира. В связи с этим правительству РК пришлось пересмотреть внешние и внутренние угрозы безопасности для Казахстана и внести корректировки в военную доктрину РК.

В результате, для военной сферы Казахстана 2000 г. стал переломным – 10 февраля 2000 г. была принята новая военная доктрина¹⁶. Она включала в себя не два, как это было ранее, а три взаимосвязанных раздела: военно-политический и военный разделы были дополнены военно-экономическим. Это связано в первую очередь с изменениями, которые наблюдались в последние годы в военной сфере. Анализ военных конфликтов конца XX в. показал, что в XXI в. приоритет будет отдан мобильности, а также применению бесконтактных и нестандартных форм и методов ведения боевых действий, упреждающему дальнему огневому поражению и электронному подавлению¹⁷. Соседство с Афганистаном усиливает данные тенденции.

Действительно, угроза, исходящая из Афганистана, серьезно повлияла на составление новой доктрины. Во введении прописано: «возникают новые угрозы безопасности страны. В частности, существенным факто-

14 Шах М. Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11 (269). С. 121.

15 Послание президента страны народу Казахстана «стабильность и безопасность страны в новом столетии» (Астана, 15 декабря 1999 г.) [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016295&pos=3;-8#pos=3;-8 (Дата обращения: 23.05.2025).

16 Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 года № 334 Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016684&pos=5;-108#pos=5;-108 (Дата обращения: 20.05.2025).

17 Там же.

ром дестабилизации в регионе стало распространение экстремизма, эскалация военных конфликтов...»¹⁸. Под последними тезисами однозначно подразумевается Афганистан и те события, которые с ним связаны.

Далее в разделе 1.1. говорится о возникновении новых рисков и угроз безопасности, среди которых наибольшую опасность представляют рост вероятности возникновения различных военных конфликтов, распространение экстремизма, международного терроризма, организованной преступности, а также незаконного оборота оружия и наркотиков¹⁹. Здесь мы можем заметить еще и упоминание проблемы «незаконного оборота оружия и наркотиков», которая напрямую связана с афганским конфликтом.

Подтверждением того, что конфликт в Афганистане является одним из катализаторов принятия новой доктрины является пункт 1.5. об «Основных угрозах военной безопасности Республики Казахстан в среднесрочном периоде...»²⁰, положения которого впервые был разграничены на меры внешней и внутренней безопасности РК.

Во внешних угрозах указаны текущие и возможные зоны военных столкновений вблизи границ республики (речь про военные действия на территории Афганистана), угрозы проникновения в страну бандформирований, экстремистских элементов и международных террористов». (данный пункт является прямой отсылкой на Баткенские события).

Внутренних угроз, катализатором которых являются события в Афганистане, указано больше. В них говорится про вооружённые нападения экстремистов, террористических ячеек и нерегулярных формирований на ключевые инфраструктурные и военные объекты; незаконный оборот оружия, взрывчатых веществ, боеприпасов и иных средств поражения; формирование незаконных вооружённых групп с целью проведения диверсионных и террористических актов на территории РК (перечисленные пункты – прямая отсылка на Баткенские события и теракты в Ташкенте); экспансии внутрь страны идей экстремизма и сепаратизма.

Последний пункт представляет наибольшую опасность для Казахстана. Поскольку страна находится в отдалении от афганского конфликта, вероятность столкновения с боевиками (как это было в Киргизии или Узбекистане) крайне мала. Однако радикальные идеи ислама весьма опасны

18 Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 года № 334 Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016684&pos=5;-108#pos=5;-108 (Дата обращения: 20.05.2025).

19 Там же.

20 Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан... С. 38.

для РК, особенно для ее более фанатичной южной части, граничащей с Узбекистаном.

Действительно, рост идей исламского экстремизма в центральноазиатском регионе является проявлением не столько религиозного, сколько социального протеста, особенно в 1990-е гг., когда многие люди находили поддержку в религии. Именно поэтому ЦА является благоприятным регионом для распространения идей исламского фундаментализма²¹. Казахстан же, менее религиозный из стран ЦА, подвержен сильному влиянию, идущему через эти страны из Афганистана и не только.

Принятие военной доктрины в 2000 г. ознаменовало новый этап в военном строительстве, в развитии военной организации государства и системе мер по укреплению оборонного потенциала РК, а также в снижении воздействия на него угроз, связанных с экстремизмом и влиянием радикального ислама.

В данной доктрине обозначены новые подходы к обеспечению обороноспособности РК. В связи с этим было принято решение о преобразовании всей военной организации страны. Эти изменения необходимы для адаптации ее военной сферы к новым реалиям и требуют скорейшего проведения военной реформы.

Новый виток эскалации конфликта в ЦА произошел после террористических атак 11 сентября 2001 года. Собирая коалицию для «борьбы с международным терроризмом»²², Соединенные Штаты обратились к ряду национальных лидеров, пообещав, что в обмен на их поддержку Соединенные Штаты будут более внимательны к их проблемам²³. Таким образом, большинство стран ЦА оказывали непосредственную поддержку силам коалиции (ISAF) во главе с США или в какой-то косвенной форме поучаствовали в данном процессе.

Единственным из государств ЦА, никак не взаимодействующим в широком смысле с Афганистаном, был Казахстан. Он, как и Кыргызстан, географически отдален от Афганистана, но в отличие от своего центральноазиатского соседа не подвергся террористическим вторжениям (баткенские события) и так сильно не нуждался в финансовой помощи (Кыргызстан позволил открыть США военную базу в Манасе в основном для пополнения бюджета от сдачи своей территории в аренду).

21 Шамгунов Р.Г. Исламский фактор в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 4. С. 97.

22 Гарбузарова Е. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 4. С. 59.

23 Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945-2014 гг. – М.: РИСИ, 2015. С. 89-92

Свержение Талибана преобразило обстановку в области безопасности региона и дало государствам ЦА возможность перевести внимание и ресурсы из сферы безопасности в другие области.

В результате в отношениях между странами ЦА и Афганистаном начался новый этап, который ознаменовался укреплением двухсторонних торгово-экономических и гуманитарных связей между ними.

Третья военная доктрина

Н.А. Назарбаев в Послании к народу в марте 2006 г. отметил, что укрепление государственности, суверенитета и территориальной целостности Казахстана необходимо проводить в соответствии с обновленной военной доктриной. Эта доктрина должна включать формирование профессиональных вооруженных сил, способных к оперативному развертыванию, отвечающих современным международным стандартам и вызовам глобальной безопасности²⁴.

В результате, 21 марта 2007 г. указом Президента страны была утверждена Третья военная доктрина²⁵.

Данная военная доктрина состояла структурно из четырех взаимосвязанных частей и в целом была похожа на предыдущую, но более сдержанную. Действительно, к этому времени ситуация в Афганистане стабилизировалась и его отношения со странами ЦА в целом и РК в частности приобрели взаимовыгодный характер.

В новой доктрине, по сравнению с предыдущей, отводят больше внимания взаимодействию РК со странами ЦА и особенно взаимодействию с членами ОДКБ, а внешние и внутренние угрозы по смыслу дублируют тезисы предыдущей, но в более общей форме.

Действительно, в связи с обострением проблем, идущих из Афганистана, страны ЦА (в частности состоящие в ОДКБ) начали вести более тесное сотрудничество в оборонной сфере. Еще в 2006 г. при СМВД ОДКБ начала действовать рабочая группа по Афганистану.

При этом в новой доктрине фигурирует взаимодействие с НАТО, носящее противоречивый характер. Так, например, в качестве угроз отмечается «расширение военно-политических организаций»²⁶. РК же состоит в

24 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Март 2006 г. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-na-nazarbaeva-narodu-kazahstana-mart-2006-g (Дата обращения: 16.05.2025).

25 Указ Президента Республики Казахстан Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30095715 (Дата обращения: 24.05.2025).

26 Там же.

ОДКБ и, очевидно, что речь идет о НАТО. Однако далее НАТО, наряду с ОДКБ, упоминается в роли партнера. К тому же, в разделе «Обеспечение военной безопасности» говорится про модернизацию материально-технической базы Вооружённых Сил, а также иных регулярных воинских формирований посредством внедрения современных образцов вооружения, специальной и военной техники, включая образцы, соответствующие стандартам НАТО²⁷.

Вероятно, эти противоречия обусловлены тем, что в процессе подготовки текста доктрины принимали участие эксперты из США, Европы и России²⁸. Именно поэтому текст новой доктрины получился весьма противоречивым.

Четвертая военная доктрина

Четвертая доктрина РК отличалась от своих предшественниц. Она не была связана с событиями, происходящими в странах ЦА и Афганистане (где стало относительно спокойно), а скорее представляла более общий и серьезный документ, опирающийся на НИР «Центра военно-стратегических исследований», которым были проанализированы военные доктрины и новые концепции «нетрадиционных» (гибридных) войн зарубежных стран. Данная доктрина стала неким переходным этапом для РК в процессе осмысления сущности современных войн.

Действительно, военные конфликты в Афганистане, Сирии, Ливии, Йемене и Ираке продемонстрировали отличительные особенности вооруженной борьбы в начале XXI в. В ходе этих конфликтов проходили апробацию концепции войн нового поколения, такие как асимметричные, бесконтактные, прокси-войны (proxу war) и гибридные войны (hybrid warfare)²⁹.

Новая доктрина была утверждена Указом Президента РК 11 октября 2011 г.³⁰. Помимо нового вокабуляра, она отличалась от предыдущих доктрин структурой. Во введении был дан понятийный аппарат, который заметно облегчил восприятие тезисов доктрины для неспециалистов.

Говоря про внутренние и внешние угрозы, указанные в доктрине, наи-

27 Указ президента республики Казахстан Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30095715&pos=3;-108#pos=3;-108 (Дата обращения: 16.05.2025).

28 Бабаджанов А.Я. Анализ военных доктрин государств-участников ОДКБ // Вестник МГИМО Университета. 2008. № 3(3). С. 62.

29 Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан... С. 131.

30 Указ президента республики Казахстан Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан [Электронный ресурс]. // URL: <https://goo.su/C1cfU> (Дата обращения: 19.05.2025).

более актуальной угрозой военной безопасности РК выделяют международный терроризм, включая кибертерроризм, религиозный и этнонациональный экстремизм. В данном параграфе новой доктрины, в отличие от предыдущих, наркотрафик не отображают во внешних или внутренних угрозах, упоминая о нем ранее и вскользь. Видимо на фоне обострения вопросов терроризма это утратило большую значимость.

Вероятно, это обусловлено рядом столкновений с религиозными экстремистами и террористами, произошедших в Казахстане в 2011–2012 гг.

Таким образом, одной из трех основных задач военной политики Казахстана на тот момент являлось эффективное и своевременное противодействие любым террористическим действиям в республике.

Пятая военная доктрина

События «арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а также майдан на Украине, стали настоящей проверкой системы международных отношений и ознаменовали переход многих стран к силовым методам (вместо дипломатических) реализации своих национальных интересов³¹.

К тому же, параллельно с этим на политическую арену Афганистана возвращаются талибы, которые в 2015 г. контролировали уже 7% территории страны и к сентябрю захватили столицу провинции Кундуз³². Это была крупнейшая победа талибов с 2001 г. Афганским властям удалось вернуть контроль над городом лишь благодаря поддержке коалиционных сил. Захват Кундуза стал шоком для командования США и НАТО³³, и определенным сигналом для стран ЦА, которые стали утрачивать веру в способность США стабилизировать ситуацию в Афганистане.

Таким образом, на ситуацию в ЦА в это время в большей мере влияли внешние акторы, в частности США. Политика администрации Б. Обамы своими действиями допустила активизацию террористической активности - одного из ключевых факторов дестабилизации Афганистана. В связи с этим страны ЦА начали укреплять свои пограничные линии и готовиться к худшему сценарию, а также стали налаживать отношения с Россией, надеясь на ее помощь. Казахстан, находящийся дальше всех от Афганистана, менее всего был подвержен рискам, идущим из него, одна-

31 *Медеубаева Ж.М.* Внешняя политика Республики Казахстан в условиях новой геополитической трансформации в мире // *Современные евразийские исследования.* 2015. С. 31.

32 *Ионова Е.* Об угрозе терроризма в Центральной Азии // *Россия и мусульманский мир.* 2016. № 6 (288). С. 92.

33 *Шатири Н.И.* Новый этап афганского кризиса и альтернативы внешнеполитической стратегии США // *Международная аналитика.* 2017. № 3 (21). С. 18.

ко к 2017 г. ситуация в Афганистане начала накаляться. К этому времени талибы набрали достаточную силу и активизировали все свои спящие ячейки по всему Афганистану.

Вышеперечисленные факторы стали сигналом руководству РК для корректировки политики страны в области обеспечения военной безопасности. В результате, уже 29 сентября 2017 г. указом президента страны была утверждена новая (пятая) военная доктрина РК³⁴.

По структуре новая доктрина схожа с предыдущей, но имеет ряд особенностей. Во введение включены новые и более актуальные понятия, а основной упор в доктрине был сделан на многополярную политику, т.е. противостояние между региональными и мировыми державами. Данный тезис является первым в списке условий, которые могут привести к военным угрозам РК и заключается он в стремлении держав изменить мировой порядок. Во втором пункте идет речь о снижении эффективности международного права, что связано с изменением геополитического ландшафта мира, о котором было сказано в самом начале. В отдельный пункт, как всегда, фоном выделяют проблему глобализации терроризма и экстремизма. А привычный пункт про наркотрафик в разделе «главных угроз безопасности» отсутствует.

В отличие от предыдущих доктрин, в новой практически в каждом пункте фигурирует проблема деятельности военно-политических блоков, которые втягивают РК в «гонку вооружений». В это время как раз начинается новый этап формирования многополярного мира. США и его союзники начинают утрачивать свою силу и влияние на многих фронтах своей геополитической деятельности. У них возникают различные противоречия с бывшими партнерами и теряется контроль над ситуацией в Афганистане. Они также не могут контролировать бурный экономический рост некоторых азиатских и арабских стран, который является сигналом усиления многополярности и разрушения былого однополярного могущество США.

В 2022 г. К.-Ж. Токаев внес изменения в военную доктрину РК³⁵. Ничего принципиально нового не появилось. В основном речь идет об увеличении численности состава и материально-технической базы вооружен-

34 Указ президента республики Казахстан Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37940951&pos=4;-106#pos=4;-106 (Дата обращения: 20.05.2025).

35 Указ президента республики Казахстан О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 554 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32947469&pos=6;-55#pos=6;-55 (Дата обращения: 17.05.2025).

ных сил РК, а также о создании новых структур и реструктуризации уже имеющихся.

За период независимости Казахстана его военная организация прошла значительный эволюционный путь и, под гнетом динамично меняющейся геополитической реальности, преобразовывается по сей день.

В настоящее время мы можем выделить семь этапов (дополнив пять этапов Г.Ф. Дубовцева)³⁶, в ходе которых осуществлялось военное преобразование РК:

первый – организационный в 1991–1993 гг.;

второй – этап становления военной организации государства в 1994–1999 гг.;

третий – этап осуществления военной реформы в 2000–2006 гг.;

четвертый – этап совершенствования военного строительства в 2007–2011 гг.;

пятый – этап укрепления обороноспособности государства в 2011–2017 гг.;

шестой- этап адаптации под новые реалии в 2017-2022 гг.;

седьмой – корректировка вектора развития новым президентом в 2022- по настоящее время.

Военная политика РК на каждом из этих этапов, кроме первого, осуществлялась посредством действовавшей на тот момент военной доктрины. Каждая доктрина формировалась под влиянием определенной геополитической обстановки в мире и регионе. Наибольшее влияние на формирование доктрин оказывал региональный фактор, в частности события в Афганистане, которые в значительной мере повлияли на большинство из военных доктрин национальной безопасности Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 19 января 1993 года № 1897-ХІІ «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001659 (Дата обращения: 23.05.2025).
2. Закон Республики Казахстан от 20 января 1993 года № 1901-ХІІ О статусе и социальной защите военнослужащих и членов их семей // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001663 (Дата обращения: 23.05.2025).
3. Закон Республики Казахстан от 21 января 1993 года О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и их семей // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001672 (Дата обращения: 23.05.2025).
4. Закон Республики Казахстан от 9 апреля 1993 года № 2108-ХІІ Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001890 (Дата обращения: 23.05.2025).
5. Организация Договора о коллективной безопасности (справка) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1710399/ (Дата обращения: 23.05.2025).
6. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Март 2006 г. // URL: <https://>

36 Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан... С. 205.

- www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-na-nazarbaeva-narodu-kazahstana-mart-2006-g (Дата обращения: 22.05.2025).
7. Послание президента страны народу Казахстана «стабильность и безопасность страны в новом столетии» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016295&pos=3;-8#pos=3;-8 (Дата обращения: 22.05.2025).
 8. Указ президента республики Казахстан О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 554 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32947469 (дата обращения: 22.05.2025)
 9. Указ президента республики Казахстан Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан // URL: <https://goo.su/C1cfU> (Дата обращения: 19.05.2025).
 10. Указ президента республики Казахстан Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37940951&pos=4;-106#pos=4;-106 (Дата обращения: 20.05.2025).
 11. Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 года № 334 Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016684&pos=5;-108#pos=5;-108 (Дата обращения: 20.05.2025).
 12. Указ президента республики Казахстан Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30095715&pos=3;-108#pos=3;-108 (Дата обращения: 16.05.2025).
 13. Relations with Kazakhstan. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49598.htm (23.05.2025).
 14. Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945-2014 гг. / М.Р. Арунова, В.И. Иваненко; Рос. ин-т стратег. Исслед.; Ин-т востоковедения РАН. – М.: РИСИ, 2015. 220 с.
 15. Бабаджанов А.Я. Анализ военных доктрин государств-участников ОДКБ // Вестник МГИМО Университета. 2008. № 3 (3). С. 60-66.
 16. Гарбузарова, Е. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 4. С. 52-66.
 17. Гарифзянов Р.Р. Место стран Центральной Азии в российской политике в отношении Афганистана: вызовы безопасности для региона // Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности: Сборник работ X международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2023. С. 353-365.
 18. Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан: опыт, актуальные проблемы, основные направления обеспечения [Текст]: монография / Г.Ф. Дубовцев. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2018. 218 с.
 19. Есентаева А. Фактор Афганистана во внешнеполитическом курсе Центральноазиатских государств // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 3. С. 1111-1118.
 20. Ионова Е. Об угрозе терроризма в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2016. № 6 (288). С. 91-104.
 21. Ионова Е.П. Об угрозе терроризма в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 4 (29). С. 60-71.
 22. Караев Т. Афганистан после вывода войск нато: угрозы безопасности Центральной Азии / Т. Караев // Journal of Science. Lyon. 2021. № 20-2. С. 43-45.
 23. Медеубаева Ж.М. Внешняя политика Республики Казахстан в условиях новой геополитической трансформации в мире // Современные евразийские исследования. 2015. № 1. С. 27-32.
 24. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / А. Рашид. – М.: Библион - Русская книга, 2003. 363 с.
 25. Туржанова С.А. Исторические предпосылки формирования стратегии национальной безопасности Казахстана // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 10. С. 64-65.
 26. Шамгунов Р.Г. Исламский фактор в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 4. С. 87-98.
 27. Шапиро Н.И. Новый этап афганского кризиса и альтернативы внешнеполитической стратегии США // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 17-25.
 28. Шах М. Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11 (269). С. 114-124.

Bibliography

1. Law of the Republic of Kazakhstan dated January 19, 1993 № 1897-XII «On universal military duty and military service» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001659 (23.05.2025).
2. Law of the Republic of Kazakhstan dated January 20, 1993 № 1901-XII On the status and social protection of military personnel and their families // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001663 (23.05.2025).
3. Law of the Republic of Kazakhstan of January 21, 1993 On Pension Provision for Military Personnel, Commanding Officers and Rank-and-File Personnel of Internal Affairs Bodies and Their Families // URL: <https://online.zakon.kz/>

Document/?doc_id=1001672 (05.23.2025).

4. Law of the Republic of Kazakhstan of April 9, 1993 № 2108-XII On Defense and the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001890 (05.23.2025).

5. Collective Security Treaty Organization (reference) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1710399/ (23.05.2025).

6. Message of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan. March 2006 // URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-na-nazarbaeva-narodu-kazahstana-mart-2006-g (22.05.2025).

7. The President's Address to the People of Kazakhstan «Stability and Security of the Country in the New Century» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016295&pos=3;-8#pos=3;-8 (22.05.2025).

8. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan On Amendments and Supplements to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 29, 2017 № 554 «On Approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32947469 (22.05.2025)

9. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan On Approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan // URL: <https://goo.su/C1cfU> (19.05.2025).

10. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan On approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37940951&pos=4;-106#pos=4;-106 (20.05.2025).

11. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 10, 2000 № 334 On Approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1016684&pos=5;-108#pos=5;-108 (20.05.2025).

12. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan On Approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30095715&pos=3;-108#pos=3;-108 (16.05.2025).

13. Relations with Kazakhstan. // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49598.htm (23.05.2025).

14. Arunova M.R. US Afghan Policy in 1945-2014 / M.R. Arunova, V.I. Ivanenko; Rus. Inst. Strat. Research; Inst. of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. – M.: RISI, 2015. 220 p.

15. Babadzhanov A.Ya. Analysis of Military Doctrines of the CSTO Member States // Bulletin of MGIMO University. 2008. № 3 (3). P. 60-66.

16. Garbuzarova E. Foreign Policy of the Central Asian Countries: Results of 30 Years of Development // Central Asia and the Caucasus. 2021. Vol. 24. № 4. P. 52-66.

17. Garifzyanov R.R. The Place of Central Asian Countries in Russian Policy Towards Afghanistan: Security Challenges for the Region // Russia in the Global World: New Challenges and Opportunities: Proceedings of the X International Student Scientific Conference, St. Petersburg, March 24–26, 2022. – St. Petersburg: OOO Skifnya-print, 2023. P. 353-365.

18. Dubovtsev G.F. Military Security of the Republic of Kazakhstan: Experience, Current Problems, Main Directions of Support [Text]: monograph / G. F. Dubovtsev. – Astana: KISI under the President of the Republic of Kazakhstan, 2018. 218 p.

19. Yesentayeva A. The Afghanistan Factor in the Foreign Policy of Central Asian States // Post-Soviet Studies. 2019. Vol. 2. № 3. P. 1111-1118.

20. Ionova E. On the Threat of Terrorism in Central Asia // Russia and the Muslim World. 2016. № 6 (288). P. 91-104.

21. Ionova E.P. On the Threat of Terrorism in Central Asia // Russia and the New States of Eurasia. 2015. № 4 (29). P. 60-71.

22. Karaev T. Afghanistan after the Withdrawal of NATO Troops: Threats to Central Asian Security / T. Karaev // Journal of Science. Lyon. -2021. № 20-2. P. 43-45.

23. Medeubaeva Zh.M. Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan in the Context of a New Geopolitical Transformation in the World // Modern Eurasian Studies. 2015. № 1. P. 27-32.

24. Rashid A. Taliban, Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia / A. Rashid. – M.: Biblion - Russian Book, 2003. 363 p.

25. Turezhanova S.A. Historical Prerequisites for the Formation of the National Security Strategy of Kazakhstan // Bulletin of Kharkiv State University named after N.F. Katanov. 2014. № 10. P. 64-65.

26. Shamgunov R.G. Islamic Factor in Central Asia // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law, International Relations. 2004. № 4. P. 87-98.

27. Shapiro N.I. New stage of the Afghan crisis and alternatives to the US foreign policy strategy // International Analytics. 2017. № 3 (21). P. 17-25.

28. Shah M. Pashtun nationalism in Afghanistan and Pakistan // Russia and the Muslim world. 2014. № 11 (269). P. 114-124.

Аннотации

Капаров А.А.

Социокультурные и ценностные факторы в государственной политике России как объект исследования

В статье рассматриваются социокультурные и ценностные факторы как ключевые детерминанты формирования и реализации государственной политики в современной России. Проводится анализ сущности и структуры данных факторов, выявляется их влияние на принятие политических решений и определяет перспективы внедрения ценностно-ориентированного подхода в практику государственного управления. Особое внимание уделяется проблеме баланса между традиционными российскими духовно-нравственными ценностями и вызовами глобализации и цифровизации. Исследование показывает, что эффективная интеграция социокультурных факторов в государственную политику способствует укреплению национальной идентичности, повышению социальной сплоченности и обеспечению культурного суверенитета России.

Ключевые слова: социокультурные факторы, ценностные ориентиры, государственная политика, национальная идентичность, культурный суверенитет, цифровизация, глобализация, традиционные ценности.

Павлов Н.Р.

Слабов Е.А.

Борьба с терроризмом в системе обеспечения информационной безопасности

Цель исследования. В статье рассматриваются обеспечение защиты информационной безопасности от террористических угроз, и современный терроризм, который стал одной из глобальных проблем нашего времени и требует не только силового, но и политического решения. Анализируются причины и условия возникновения терроризма. Целью исследования является раскрытие системы противодействия террористическим угрозам в сфере информационной безопасности, информационная составляющая терроризма и информационная поддержка контртеррористической деятельности, а также законодательство в сфере обеспечения информационной безопасности.

Выводы. В результате проведенного исследования автором продемонстрированы возможности государств по защите информационной безопасности от террористических угроз и сформулированы предложения о перспективных направлениях противодействия террористи-

ческим угрозам в информационной сфере. Автор делает вывод, что для практической деятельности органов, обеспечивающих защиту информационной безопасности от террористических угроз необходимо совершенствование деятельности государственных органов в сфере противодействия и профилактики терроризма.

Ключевые слова: противодействие террористическим угрозам, информационная сфера, террористические атаки, система информационной безопасности, контрмеры.

Денисов А.Е.

**Политический аспект преподавания предмета
“Основы Российской государственности”: возможности
и перспективы для малых народов
(на примере Кряшенского сообщества)**

В статье рассматриваются особенности преподавания предмета “Основы Российской государственности”. Особое внимание уделяется актуальности данной дисциплины в наше время. Сейчас происходят попытки “отмены” нашей истории и её нивелированию до “случайного и нейтрального” пространства. При этом подходе существует большая опасность дезинтеграции населения нашей страны по этническим и конфессиональным линиям. Автор выделяет возможности этого предмета для сохранения культурного и этнического наследия малых народов, на примере кряшенского сообщества. В статье отмечаются широкие перспективы: от возрождения интереса к малой Родине до мыслей о том, как он сам может помочь своей стране в той профессии, на которую он поступил учиться.

Ключевые слова: идентичность, имерсивность, история, кряшены, мировоззрение, нация, образование, основы российской государственности, перспектива, этничность.

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

**Модели расширения территории государства:
американский и российский опыт**

В статье рассмотрены примеры российский и американский примеры расширения территорий государств. Показано, что несмотря на разницу моделей политики присоединения новых земель, можно найти общие черты, которые контрастируют с моделями колониальной

политики западноевропейских держав. Близки эти модели и пониманием геополитического значения территории как фактора глобального влияния.

Ключевые слова: геополитика, государство, территория, расширение, покупка, аннексия.

Гарифзянов Р.Р.

Исламский фактор в современном Казахстане

В данной статье автор рассматривает историю зарождения, становления и адаптации ислама под историко-географическую специфику Казахстана. В заключении автор приходит к выводу, что в совокупности с историческими предпосылками можно смело говорить об особом «казахском исламе», т.к. ислам не превратился в доминирующий фактор этнической консолидации казахского народа, а был органично интегрирован в традиционную систему мировоззрения, сосуществуя с доисламскими верованиями и культурами.

Ключевые слова: Казахстан, ислам, Афганистан, безопасность Центральной Азии, Россия, религиозный экстремизм.

Абулзицзян Шавути

Шан Кан

Продвижение строительства «Масштабного курса идеологической и политической работы» через Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе: ценностные ориентиры, содержательная направленность и практические пути

Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе, являясь символическим мероприятием, сочетающим политическое руководство и идейно-воспитательную работу, по своему функциональному значению соответствует задачам построения «масштабного курса идеологической и политической работы», взаимно дополняя его. Оно связано с формированием национального дискурса и нарративной системы «масштабного курса идеологической и политической работы», эффективным укреплением сознания сообщества китайской нации в осязаемой и ощутимой форме, а также продолжением национальной главы китайской модернизации на новом этапе эпохи. Собрание восхваления в национальном единстве и прогрессе служит практической реализацией «масштабного курса идеологической и политической работы». Его

скрытые «пространственное измерение», «организационное измерение» и «кадровое измерение» соответствуют требованиям построения «масштабной аудитории», создания «масштабной платформы» и формирования «сильного преподавательского состава». В новую эпоху продвижение «масштабного курса идеологической и политической работы» может осуществляться через использование передового опыта для создания насыщенной атмосферы «масштабного курса идеологической и политической работы», умелое применение ритуалов и церемоний как разнообразных носителей его содержания и инновационные методы пропаганды, и отработку уникальных брендов «масштабного курса идеологической и политической работы».

Ключевые слова: Национальное единство и прогресс, Политическое руководство, Идеологическая и образовательная работа, Идеологическая и политическая работа в классе, Национальная система учебных программ, Процесс модернизации Китая.

Тюрин Е.А.

Савинова Е.Н.

Мустафин Д.О.

Шотландский стиль в политике:

специфические и универсальные проявления. Часть 1

В данной статье ставится теоретический вопрос об обоснованности использования в научном дискурсе понятия «шотландский политический стиль», а также рассматриваются различные аспекты реального проявления шотландского стиля в политико-управленческой практике Шотландии. Исследовательской целью авторы избрали научное этнополитологическое осмысление специфических и универсальных проявлений, присущих разным этапам политического цикла в Шотландии. Теоретико-методологической основой статьи стали: сравнительный этнополитический анализ; системный анализ; социокультурный подход; методы совмещения социологической и институциональной парадигм. Полученные результаты: 1. Понятие шотландский стиль можно отнести к отличительному способу разработки и реализации политики в Шотландии. 2. Суть шотландского стиля раскрывается в том, что он относительно спокойно соотносится с компетенцией властей Шотландии и различиями в результатах политики Эдинбурга и Лондона. Вывод: пример Шотландии показывает, что, если политика представляет собой смесь преднамеренных и непреднамеренных результатов, то акцент

на особом политическом стиле может преувеличить способность конкретного правительства делать что-то специфически. При этом, субъекты политического цикла одновременно подвержены универсальным процессам, связанным с ограниченностью знаний и координационных возможностей, а также с высоким уровнем двойственности, дискреционности и сложности, присущим политическим процессам, что, в свою очередь, подрывает централизованный контроль, порождая этнополитические вариации.

Ключевые слова: Шотландия, политический процесс, государственное управление, шотландский стиль, политический цикл, правительство Шотландии.

Тянь-Юй Ли

Ли Пэнчэн

Мэй Яньлин

**Модель развития социально-ориентированного
поведения студентов университета
в идеологическом и политическом воспитании**

Реализация потребности в самосовершенствовании не только формирует положительные качества и личностную ценность студентов, но и позволяет обеспечить их интеграцию и адаптацию в обществе и развивать чувство социальной ценности на основе учета интересов других людей. Самосовершенствование в таком ключе способствует социально-ориентированному поведению через инициативу и общественный характер деятельности. Формирование общественно-ориентированного поведения способствует развитию студентов и формированию гармоничных социальных отношений. В данной статье авторами предложена модель идеологического и политического воспитания в целях развития общественно-ориентированного поведения студентов университета. Основываясь на существующей реальности идеологического и политического воспитания и базовых социалистических ценностях, авторы ведут поиск эффективных мер для улучшения текущей ситуации, поддерживают идеи социально-ориентированного поведения студентов университета, а также выстраивают стратегию учета интересов в поведении студентов.

Ключевые слова: идеологическое и политическое воспитание, социально-ориентированное поведение, стратегические рекомендации.

**Внутренняя логика и внешние вызовы
75-летнего развития отношений нового типа между
Китаем и Россией как крупными странами**

На основе системного анализа эволюции китайско-российских отношений за семьдесят пять лет (1949–2024 гг.) в статье обобщаются этапы развития двусторонних связей: от военного союза, руководимого идеологией, через стратегическое противостояние и сотрудничество в поисках моделей взаимодействия, к институционализированному сотрудничеству. Внутренняя логика этого процесса заключается в утверждении принципа суверенного равенства, мирном урегулировании исторических вопросов и формировании комплексной сети взаимозависимости. Столкнувшись с изменениями в международной обстановке, Китай и Россия, придерживаясь модели «партнёрства без союза», эффективно противостоят стратегии сдерживания со стороны США, а также выстраивают многопрофильную архитектуру сотрудничества в рамках структурного соперничества на евразийском геоэкономическом пространстве и в ответ на индо-тихоокеанскую стратегию. Статья подчёркивает, что новое качество китайско-российских отношений как крупных держав уже вышло за рамки двустороннего уровня и стало ключевой силой, влияющей на формирование многополярного мирового порядка. Некоалиционный формат взаимодействия двух стран служит эмпирическим примером преодоления традиционных проблем союзнических отношений.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, трансформация международного порядка, стратегическое партнёрство, геополитическое соперничество, евразийская геоэкономическая стратегия.

Чжоу Тяньюнь

У Хуэйсинь

Цзо Жуйчао

Качество системного мышления в культурной идее Си Цзиньпина

Культурная идея Си Цзиньпина — это систематическая система, сформированная и постоянно обогащаемая Коммунистической партией Китая (КПК) в практике построения социалистической культуры с китайской спецификой в новую эпоху. Она содержит такие отличительные качества системного мышления, как целостность, иерархичность и открытость, и научно отвечает идеологическим и культурным потреб-

ностям современного общества.

Ключевые слова: культурная идея Си Цзиньпина, система, системное мышление.

Гарифзянов Р.Р.

**Эволюция преобразований военных доктрин
Республики Казахстан на фоне «афганских событий»**

В данной статье рассматриваются военные доктрины Республики Казахстан, каждая из которых формировалась под влиянием определенной геополитической обстановки в мире и регионе. Особое влияние на них оказывали события, происходящие в Афганистане, в частности угрозы и вызовы, формируемые афганским кризисом (терроризм и исламский экстремизм; производство и распространение наркотиков; афганские беженцы).

Ключевые слова: военная доктрина, Казахстан, Афганистан, безопасность Центральной Азии, Талибан, ОДКБ, гибридные угрозы.

Abstracts

Караров А.А.

Sociocultural and value factors in the state policy of Russia as an object of research

The article examines socio-cultural and value factors as key determinants of the formation and implementation of public policy in modern Russia. The article analyzes the essence and structure of these factors, identifies their influence on political decision-making and determines the prospects for introducing a value-oriented approach into public administration practice. Particular attention is paid to the problem of balance between traditional Russian spiritual and moral values and the challenges of globalization and digitalization. The study shows that effective integration of socio-cultural factors into public policy helps to strengthen national identity, increase social cohesion and ensure the cultural sovereignty of Russia.

Key words: socio-cultural factors, value orientations, public policy, national identity, cultural sovereignty, digitalization, globalization, traditional values.

Рыков Н.Р.

Слабов Е.А.

The fight against terrorism in the information security system

The article discusses the protection of information security from terrorist threats, and modern terrorism, which has become one of the global problems of our time and requires not only a forceful, but also a political solution. The causes and conditions of terrorism are analyzed. The purpose of the study is to disclose the system of countering terrorist threats in the field of information security, the information component of terrorism and information support for counter-terrorism activities, as well as legislation in the field of information security.

Conclusions. As a result of the conducted research, the author demonstrates the capabilities of states to protect information security from terrorist threats and formulates proposals on promising areas for countering terrorist threats in the information sphere. The author concludes that for the practical activities of bodies ensuring the protection of information security from terrorist threats, it is necessary to improve the activities of state bodies in the field of countering and preventing terrorism.

Key words: countering terrorist threats, information sphere, terrorist attacks, information security system, countermeasures.

Denisov A.E.

The political aspect of teaching the subject

“Fundamentals of Russian Statehood”: opportunities and prospects for small nations (on the example of the Kryashen community)

The article examines the peculiarities of teaching the subject “Fundamentals of Russian Statehood.” Special attention is paid to the relevance of this discipline in our time. Now there are attempts to “cancel” our history and level it down to a “random and neutral” space. With this approach, there is a great danger of the disintegration of the population of our country along ethnic and confessional lines. The author highlights the possibilities of this subject for the preservation of the cultural and ethnic heritage of small nations, using the example of the Kryashen community. The article notes broad prospects, from the revival of interest in his small homeland to thoughts about how he himself can help his country in the profession he entered to study.

Key words: identity, immersiveness, history, kryashens, worldview, nation, education, foundations of Russian statehood, perspective, ethnicity.

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

Models of expansion of state territory:

American and Russian experience

The article examines examples of Russian and American examples of expansion of state territories. It is shown that despite the difference in the models of the policy of annexation of new lands, one can find common features that contrast with the models of colonial policy of Western European powers. These models are also close in their understanding of the geopolitical significance of territory as a factor of global influence.

Key words: geopolitics, state, territory, expansion, purchase, annexation.

Garifzianov R.R.

The Islamic factor in modern Kazakhstan

In this article, the author goes into the history of the origin, formation and adaptation of Islam to the historical and geographical specifics of Kazakhstan. In conclusion, the author finds that, in combination with the historical background, it is safe to say that there was a special “Kazakh Islam”, since Islam did not become the dominant factor in the ethnic consolidation of the Kazakh people, but was organically integrated into the traditional worldview system, coexisting with pre-Islamic beliefs and cults.

Key words: Kazakhstan, Islam, Afghanistan, Central Asian security, Russia, religious extremism.

Abulizijiang Shawuti
Shan Kang

**Promoting the construction
of the “Large-Scale ideological and political work course”
through the praise assembly for national unity and progress:
value guidelines, content focus, and practical paths**

The National Unity and Progress Commendation Conference, as a symbolic event with both political leadership and ideological education, fits with and achieves the construction of the ‘Great Ideology and Politics Course’ in a functional sense, and is related to the construction of the ‘Great Ideology and Politics Course’s’ national discourse and narrative system, the tangible and tangible impact of the ‘Great Ideology and Politics Course’ on the Chinese people. It is about constructing an ethnic discourse and narrative system for the ‘Great Ideology and Politics Course’, effectively forging a strong sense of community among the Chinese nation, and continuing the ethnic chapter of Chinese modernisation in the new era and new journey. The National Unity and Progress Commendation Conference is the reality of the construction of the ‘Great Ideology and Politics Course’, and its implied ‘spatial orientation’, ‘organisational orientation’ and ‘talent orientation’ are the benchmarks for the construction of the ‘Great Ideology and Politics Course’. Its implicit ‘spatial orientation’, ‘organisational orientation’ and ‘talent orientation’ are in line with the requirements of building a ‘big classroom’, a ‘big platform’ and a ‘big teacher’. In the new era, we can create a strong atmosphere of ‘big ideological and political class’ by giving play to typical examples, create diversified carriers of ‘big ideological and political class’ by making good use of rituals and ceremonies, and polish the characteristic ‘big ideological and political class’ brand by innovating publicity methods. ‘The brand of ‘Big Ideological and Political Class’ is being promoted.

Key words: National unity and progress, Political leadership, Ideological and educational work, Ideological and political work in the classroom, National curriculum system, China’s modernization process.

Turin E.A.
Savinova E.N.
Mustafin D.O.

The Scottish style in politics: specific and universal manifestations. Part 1

This article raises the theoretical question of the validity of the use of the concept of “Scottish political style” in scientific discourse, and also examines various aspects of the real manifestation of the Scottish style in the political and managerial practice of Scotland. The authors chose the scientific ethnopolitical understanding of the specific and universal manifestations inherent in different stages of the political cycle in Scotland as their research goal. The theoretical and methodological basis of the article are: comparative ethnopolitical analysis; system analysis; socio-cultural approach; methods of combining sociological and institutional paradigms. The results obtained: 1. The concept of the Scottish style can be attributed to a distinctive way of developing and implementing policy in Scotland. 2. The essence of the Scottish style is revealed in the fact that it relatively calmly correlates with the competence of the Scottish authorities and the differences in the policy outcomes of Edinburgh and London. Conclusion: The example of Scotland shows that if politics is a mixture of intentional and unintended outcomes, then an emphasis on a particular political style can exaggerate the ability of a particular government to do something specific. At the same time, the subjects of the political cycle are simultaneously subject to universal processes associated with limited knowledge and coordination capabilities, as well as with a high level of duality, discretion and complexity inherent in political processes, which, in turn, undermines centralized control, giving rise to ethnopolitical variations.

Key words: Scotland, political process, public administration, Scottish style, political cycle, Scottish government.

TianYu Li

Pengcheng Li

Yanling Mei

**The path recommendation model
of Cultivating College Students’ prosocial behavior
in Ideological and Political Education**

The self-enhancement needs of college students should not only improve their own positive qualities and personal value, but also realize the integration and adaptation between themselves and society by paying attention to the interests of others, so as to enhance the sense of social value. This kind of self-enhancement needs to promote prosocial behavior through two paths: initiative and sociality. The formation of prosocial behavior is conducive to the healthy development of college students and the formation of a harmonious social relationship. Based on this, this paper designs the path recommendation model

of Ideological and political education to cultivate college students' prosocial behavior. Starting from the reality of Ideological and political education, under the guidance of socialist core values, it seeks effective countermeasures to improve the current situation of cultivation, promotes college students' prosocial behavior, and recommends the behavior path by selecting the interest characteristics of students' behavior.

Key words: ideological and political education, prosocial behavior, path recommendation.

Wu Bo

**The internal logic and external challenges
of the 75-year evolution of the new type major-country
relationship between China and Russia**

Based on a systematic review of the evolution of China-Russia relations over the past 75 years (1949-2024), this article summarizes that the relationship between the two countries has undergone a transformation from an ideological led military alliance, strategic confrontation, and collaborative exploration to institutional cooperation. Its internal logic is reflected in the establishment of the principle of sovereign equality, peaceful resolution of historical legacy issues, and the formation of a composite interdependent network. In the face of changes in the international environment, China and Russia have effectively responded to the US containment strategy through the "partnership rather than alliance" model. In the structural game between the Eurasian geoeconomic layout and the Indo-Pacific strategy, a cooperation framework covering multiple fields such as energy, digital governance, and cross-border infrastructure has been constructed. The article emphasizes that the new type of major-country relationship between China and Russia has surpassed the bilateral scope and become a key force in shaping a multipolar international order. Its non-confrontational cooperation paradigm provides empirical samples for avoiding the dilemma of traditional alliances.

Key words: China-Russia relations, International order transformation, Strategic collaborative partnership, Geopolitical game, Eurasian geoeconomic layout.

Zhou Tianyun

Wu Huixin

Zuo Ruichao

The quality of systemic thinking in Xi Jinping's cultural idea

Xi Jinping's cultural thought is a systematic system formed and continuously enriched by the Communist Party of China (CPC) in the practice of building a socialist culture with Chinese characteristics in the new era. It contains such distinctive qualities of systematic thinking as integrity, hierarchy, and openness and scientifically meets the ideological and cultural needs of modern society.

Key words: Xi Jinping's cultural thought, system, systemic thinking.

Garifzianov R.R.

**Evolution of transformations of military doctrines
of the Republic of Kazakhstan
on the background of the “afghan events”**

This article examines the military doctrines of the Republic of Kazakhstan, each of which was shaped under the influence of specific geopolitical conditions both globally and within the region. Particular emphasis is placed on the impact of developments in Afghanistan, notably the threats and challenges arising from the Afghan crisis, including terrorism, Islamic extremism, narcotics production and trafficking, and the influx of Afghan refugees.

Key words: military doctrine, Kazakhstan, Afghanistan, Central Asian security, Taliban, CSTO, hybrid threats.

Авторы

Абулзицзян Шавути - доцент, магистр-наставник Института марксизма Синьцзянского педагогического университета, КНР.

Гарифзянов Р.Р. - аспирант факультета международных отношений. Санкт-Петербургский Государственный Университет.

Денисов А.Е. - кандидат политических наук, доцент. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Капаров А.А. - аспирант, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Мэй Яньлин - Факультет марксизма, Университет Лишуй, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Мустафин Д.О. - аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Мэй Яньлин - Факультет марксизма, Университет Лишуй, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Павлов Н.Р. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Тюрин Е.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Тянь-Юй Ли - аспирант факультета педагогического образования, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Савинова Е.Н. - кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного

образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Слабов Е.А. - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

У Бо - Хэйхэский институт, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

У Хуэйсинь - профессор. Северо-Восточный сельскохозяйственный университет, г. Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Цзо Жуйчао - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Чжоу Тяньюнь - Северо-Восточный сельскохозяйственный университет, магистрант, г. Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Шан Кан - магистрант направления «Идеологическое и политическое воспитание» Института марксизма Синьцзянского педагогического университета, КНР.

Authors

Abulizijiang Shawuti, Associate Professor, Master's Degree Mentor, Institute of Marxism, Xinjiang Normal University, PRC.

Denisov A.E., Candidate of political sciences, Associate Professor. Kazan (Volga region) Federal University.

Garifzianov R.R., Graduate student. St. Petersburg State University.

Kaparov A.A., Postgraduate student, Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mustafin D.O., Postgraduate Student of the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Pavlov N.R., Graduate student. St. Petersburg State University.

Pengcheng Li, Faculty of Teacher Education, Lishui University, Zhejiang, China.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the International Publishing Center “Ethnosocium”.

Shan Kang, Master's Degree Student, Ideological and Political Education, Institute of Marxism, Xinjiang Normal University, PRC.

Savinova E.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Slabov E.A., Graduate student. St. Petersburg State University.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

TianYu Li, Student Faculty of Teacher Education of Lomonosov Moscow State University.

Turin E.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Wu Bo, Heihe University, Heihe, Heilongjiang, China.

Wu Huixin, Professor. Northeast Agricultural University, Harbin, Heilongjiang Province, China.

Yanling Mei, Faculty of Marxism, Lishui University, Zhejiang, China.

Zhou Tianyun, Northeast Agricultural University, Master's student, Harbin, Heilongjiang Province, China.

Zuo Ruichao, Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 10,625